

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14574

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 1 (14) ОКТЯБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14574

ИСКРОЙ ОБСТРЕЛЪ ГЕРМАНСКИХЪ ОКОПОВЪ АРТИЛЛЕРИЕЙ.—Развѣдчики залегли, ожидая момента воспользоваться подходящимъ случаемъ и ворваться къ противнику.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Среди полей.

Все та же тишь родныхъ полей,—
Молчанье гордое природы...
За цѣбно сонныхъ тополей
Рѣки чуть движимыя воды...
Въ запрудѣ грязной водоюй,
Несетъ болотомъ и прохладой,
Тѣснится пригнанное стадо,
Спускается листвою тропой...
Съдой пастухъ бредетъ лѣниво
Усталой поступью къ рѣкѣ,—
И золотится вдалекѣ
Еще не убранная нива...
Сквозь грубо сложенный плетень
Я вижу зелень огорода...
Какая мирная природа!
Какой простой и тихій день!

Но вечеръ близокъ... тѣни длинны,
Все ярче, ярче облака,
И разрумянилась рѣка
На мягкомъ логовѣ долины...
Я оглянулся... ярко аль
Быль небосклонъ въ огнѣ заката,—
Какъ будто западъ запылалъ,
И небо заревоиъ объято...
Какъ будто съ запада пожаръ
Все дальше шель грозой небесной...
Когда погаснетъ—неизвѣстно—
Огонь невѣдомыхъ намъ чаръ...
Но сталь оеъ гаснуть скоро, скоро...
Онъ потонуть среди полей,
За цѣбно сонныхъ тополей,
Растущихъ тамъ, у косягора...

В. Опочининъ.

Въ блиндажѣ.

Наша часть занимала гребень невысокихъ холмовъ къ сѣверо-западу отъ селенія О., которымъ мы овладѣли всего лишь недѣлю назадъ въ трехдневномъ непрерывномъ бою.

Нѣмцамъ во что бы то ни стало хотѣлось выбить насъ изъ окоповъ и, продвинувшись впередъ, ударить во флангъ нашимъ главнымъ силамъ.

Адъ крошечный стоялъ.

Ураганнымъ огнемъ своихъ тяжелыхъ и полевыхъ батарей, непрерывнымъ свинцовымъ дождемъ пулеметовъ и самой напряженной стрельбою цѣней они весь сегодняшний день не давали намъ минуты свободно вздохнуть.

Съ утра ихъ было, по крайней мѣрѣ, втрое больше, чѣмъ насъ, но, попытавшись два раза взять насъ въ штыки, они къ концу дня почти сравнялись съ нами въ числѣ.

— Эхъ, братцы, теперь бы и вдарить на ихъ!—говорили солдаты послѣ отбитыхъ атакъ.

Но наступленіе не входило въ задачу отряда.

Рано стемнѣло. Мелкій дождь и туманъ до черноты уплотнили вечернюю мглу.

Улеглась канонада. Тихо-тихо сдѣлалось по всему необъятному фронту.

Я знаю, что со мною въ окопѣ сидитъ цѣлая рота—моя славная четвертая рота. Но я долго не слышу ни единого шороха, ни единого звука. Хоть бы кашлянулъ кто-нибудь или сталъ закуривать.

Я лежу въ небольшомъ блиндажѣ посреди окопа. Лежу давно и все на одномъ смѣхъ добавляю: боку. И самому мнѣ не хочется даже пошевелиться, чтобы лечь поудобнѣе и дать отдохнуть занѣмѣвшему лѣвому локтю.

Ахъ, эта тишина!

Послѣ адскаго гула сраженія вдругъ наступившая тишина будто оглушаетъ на время. Сильно оглушаетъ, такъ что въ ушахъ раздается неприятный звонъ. Такой звонъ бываетъ, когда очнешься отъ угара на свѣжемъ воздухѣ. И это отвратительно дѣйствуетъ на нервы.

Въ бою все время кажется, что энергія и силы твои безграничны, но въ моментъ общаго—«вынь патроны!»—во всемъ существѣ происходитъ сразу же пренеприятная реакція. Страшная усталость разливается по тѣлу и въ каждомъ суставчикѣ чувствуешь, будто тебя избилъ всего—руки не твои, ноги не твои. Ни говорить не хочется, ни думать ни о чемъ. И слушаешь только ошеломившую тебя тишину.

Моментами же, какъ искра очень высокаго тока, ударитъ гдѣ-то въ мозгъ и пробѣжитъ по всему: вотъ начнется опять!

Напряжешься и вздрогнешь отъ затылка до пятокъ...

Въ блиндажѣ рядомъ со мной лежатъ подпоручикъ Чувакинъ и прапорщикъ Дудкинъ.

Передъ тѣмъ, какъ наступитъ тишина, болѣе жизнерадостный Чувакинъ началъ было что-то рассказывать. Должно быть, смѣшное, потому что его первыми фразами были:

— А это вы, господа, знаете?

Послѣ начиналъ смѣяться и сквозь динѣ окопа. Лежу давно и все на одномъ смѣхъ добавляю:

— Охъ, не могу! Умереть отъ всего этого можно.

И я зналъ хорошо, что подобное вступленіе всегда предвѣщало часто избитый, но довольно пикантный и мастерски переступающій тишина будто оглушаетъ на данный анекдотъ или веселый случай изъ «собственной» жизни.

Но сейчасъ подпоручикъ молчалъ, какъ и все.

Нудно и тягостно ползетъ время. Можно до сумасшествия дойти, наконецъ, отъ этой жуткой, проклятой тишины. Хочется хоть какихъ-нибудь признаковъ жизни возлѣ себя.

— Сергѣй Константиновичъ, что же вы молчите? Вы давеча начали что-то говорить. Кажется, веселое. Расскажите, лѣнво ворочаю я языкомъ, обращаясь къ Чувакину.—Сергѣй Константиновичъ.

— Гмм?—мычигъ онъ послѣ порядочной паузы.—Рассказать? Я ужъ забылъ.

— Вспомните.

— Нѣтъ, не могу. Не могу вспомнить. Крунда какая-нибудь. Сейчасъ я о другомъ думаю. Совершенно о другомъ,—отрывисто говорилъ Чувакинъ.

По окопу, хлюпая сапогами въ распутившейся глинѣ, прошелъ взводный третьего взвода Феоктистъ Листковъ. Я узналъ его по голосу.

— Винтовочки, братцы! Не забудьте винтовочки смазать,—вяло говорилъ онъ, обычныя и случайныя фразы исправнаго унтера.

«Феоктистъ»—странное имя у этого Листкова,—думаю я отъ нечего дѣлать.—

Награжденные за храбрость Георгиевским оружием.

Шт.-кап. В. А. Леванский.

Морской военный летчик
Лейтен. Г. В. Корниловъ.

Ротм. А. А. Булацель.

Подпоруч. О. В. Калишевскій.

Шт.-капит. А. Г. Слефогтъ.

Через эту, кажется, пишется. А может быть совершенно не думаю о ваших титулярных и шестых этажах. — Да и я не думаю, так только скажу. Дудкин выколотил трубку и спросил, усмехаясь: — А у вас что—бель-этажные все на ум? Плюньте, дорогой, еще подлее дрожать за свой добробыт.

На случай наступления неприятеля фельдфебель Башковъ отдает приказание назначить во взводах людей для наблюдения за впереди лежащей местностью.

Удивительный этот бородатый Башковъ. Недавно он чуть не плакалъ съ досады, что жена родила цѣлыхъ семь душъ, а все дѣвки.

— Такъ что для службы Престолу и Отечеству толку отъ ее, какъ отъ козла молока.

Опять изводящая тишина и звонъ въ ушахъ.

— Вы вотъ думаете, а я и думать ни о чемъ не могу. Даже не желаю ни о чемъ думать!—ни съ того, ни съ сего сказать вдругъ прапорщикъ Дудкинъ.—Къ чему? Все закъ, ясно, все просто. Не я его—онъ меня, не мы ихъ—они насъ. Вотъ и вся музыка. Натуральнѣйшая форма существованія!.. Тѣмъ и хороша эта самая штука—война, тѣмъ и отличается она отъ той мерзопакостной войны, которую въ обыкновенномъ пресмыканіи на поверхности нашего глобуса намъ, грѣшнымъ, приходится вести изо дня въ день, отвоевывая у кого-то какія-то блага жизни. Блага жизни!.. Чортъ знает! Топчи безъ пошады, кто послабѣй, лукавъ, изощрайся, на заднихъ лапкахъ ходи,—тъфу! А что отвоеуешь? Отвоеуешь подлое существованіе отъ двадцатаго до двадцатаго. Жену отвоеуешь, штукъ восемь ребятъ—семейное счастье! Еще можетъ явиться возможность кого-то принимать, развлекать глупостями домочадцевъ, угощать и думать при этомъ, что много сжирають. А тутъ начистоту выбили бы они насъ изъ окоповъ, они бы заняли ихъ, а не выбили—мы здѣсь сидимъ да поживаемъ. И не очень куеть на насъ и не мочить. Слава Тебѣ, Господи!

Дудкинъ убійственно медленно сталъ набивать и раскуривать свою вонючую трубку.

— И чѣмъ, скажите, здѣсь хуже, нежели, напримѣръ, въ конурѣ какого-нибудь титулярнаго въ шестомъ этажѣ, съ окнами въ грязную стѣну, безъ дровъ и услугъ дворника?—спросилъ онъ послѣ десятка затяжекъ.—А вѣдь онъ, бѣдняга, за право пользоваться этой конурой и плодить въ ней кривоногихъ рахитиковъ долженъ вѣчно бороться и дрожать. Больше долженъ дрожать, чѣмъ дрожимъ мы передъ вѣмецкими «чемоданами», ей-Богу.

— Ну, опять завели свою музыку!—произнесъ раздраженно Чувакинъ.—Я со-

— Я вотъ сколько времени слушаю и наблюдаю нашихъ солдатъ и никакъ не могу понять одной въ нихъ черты. Ни брызги одиѣ получились. У меня и сейчасъ какъ!—заговорилъ, наконецъ, Чувакинъ на лицѣ неприятное ощущеніе липкаго, теплаго... И что же? Ни въ никто ни полслова объ этомъ кошмарѣ? А вѣдь это дѣйствительно ничто кошмарное. И молчокъ.

— И не знаю, свойственно это имъ или всѣмъ, кто попадаетъ въ бой. Ни въ разу не приходилось слышать, чтобы они говорили между собой о недавнемъ сраженіи. Не о самомъ сраженіи—стратегію разводить они большіе любители и всякое дѣйствіе противника и нашихъ частей разбирають по косточкамъ, а о томъ, что такъ сказать, составляетъ трагическую суть боя: объ убитыхъ и раненыхъ и даже о своихъ личныхъ переживаніяхъ. Скажите-ка, чѣмъ это объяснить, а?.. Вотъ сегодня убили, напримѣръ, Канкова. Помните, моего взвода такой дѣтина цыганскаго типа? Былъ весельчакъ, общій любимецъ

— А, можетъ, и говорили, да вы не слышали. Окопъ великъ, а слухъ-то у васъ не весьма музыкальнѣй, — подзадоривающе возразилъ Дудкинъ.

— Нѣтъ. Говорилъ о коровѣ, что какъ разъ въ этотъ моментъ выскочила изъ кустовъ и, задравши хвостъ, промчалась вдоль нашего фронта. Хототали—пѣмецкая кавалерія справа! Сюрили, чья корова—русская или пѣмецкая. Боялись—вотъ-вотъ подстрѣлятъ. А потомъ хозяйина жалели, почему-то воображая, что у него много дѣтишекъ.

— Э-эхъ!—анатично зѣвнуль прапорщикъ Дудкинъ.—Вы вотъ лучше разръшите болѣе существенный вопросъ.

— Какой?

— Придется намъ сегодня почавкать чего-нибудь горяченькаго или на сухихъ чахъ останемся?

— Шутка, очевидно, задѣла Чувакина.

— Только вы и знаете, этажи да утробу. Горяченькаго почавкать, фи!

— А что же, плохо? Во всякомъ случаѣ, это куда сущѣйшей вашей трагической сути боевъ.

Оба помолчали съ минуту, а потомъ разсѣялись.

— Нѣтъ, Михаилъ Андреевичъ, серьезно, меня очень интересуетъ это обстоятельство,—заговорилъ Чувакинъ снова, обращаясь къ Дудкину.

— А вы что—матеріалъ для новой «Войны и миря» припасаете здѣсь? Плюньте, тамъ напишутъ безъ васъ. Да и пишутъ уже. Другой, не слѣзая съ шестого этажа, такія «личныя переживанія» и «боевыя страницы» закатываетъ по пятаку за строчку, просто духъ вонъ, какъ говорятъ псковскіе.

— Къ сожалѣнію, я не писатель. А если и интересуюсь, то просто такъ, отъ нечего дѣлать.

— Отъ нечего дѣлать разръшается и не то—интересуйтесь себѣ помаленьку.

— Вы песносный сегодня! Съ вами совершенно невозможно говорить.

— А развѣ я мѣшаю? Говорите, пожалуйста. Я съ наслажденіемъ буду внимать, но высказывать что-либо свое, возражать вамъ и вообще шевелить язычкомъ и мозгами на высокія темы, пока не утлюю терзающаго меня глада, простите, не могу—не въ состояніи!

Долго молчали.

По близости въ окопѣ двое потихоньку завели разговоръ.

ШТУРМЪ ГОР. ГОРИЦЫ.

Итальянская пѣхота переходитъ рѣку Изонцо и идетъ на штурмъ Горлицы.

— Это што, это развѣ товаръ? Какой же, братецъ его товаръ, ежели такую малость прошедри, уже обозначается сырость пожняя. Э-эхъ, плакали мои восемь съ полтиной!!

— А ты пробовалъ смазку?
— Пробовалъ, все равно прогущаютъ, колотки! А вотъ передъ етими я справлялъ себѣ сапоги, ну, братъ, и сапоги-жъ были—желтзо! Дома до призыва, значитъ, я, то-то-жъ, работалъ на пристани. Бывало, бревна изъ рѣки катаешь на берегъ, пѣльный день съ багромъ въ рукахъ въ мовротъ по колѣно, а вечеромъ сминалъ сапогъ—хоть бы што, провисится. Портянка та-то будто изъ пезурки вынута, вѣрнее слово. Это были, братъ, сапоги. Каструли непромокаемыя, а не сапоги.

— На пузыряхъ, што ли были?
— Безъ пузырьвъ безо всякихъ. Составъ у товара былъ, значитъ, такой.
— Говорять, отъ скотины зависить.
— И отъ скотины. А больше—искусственность выдѣлки. Въ ей вся сила для задержки всякихъ сваружныхъ мокротъ... Ну, да ланно, теперъ и въ етихъ до конца дотану.

— Теперъ ужъ дотянешь, ведолго.
— Недолго?
— Говорять, «ихний» миру ужъ просятъ.
— У нашего?
— Посмѣять ѣтъ къ нашему! Американцу писалъ тайкомъ ото всѣхъ, такъ, молъ, и такъ. Чувствую, пишеть, что силъ моихъ нѣту съ Россеей дальше тягаться.
— Ну и какъ же?
— А тотъ чрезъ министрей своихъ велѣтъ объявить, что никакихъ съ имъ дѣловъ насчетъ этого имѣтъ не желаетъ. Молъ, дескать, Бога, что мнѣ отъ тебя

шибко далеча, а то бы и я тебѣ клочку задать, а не токъ за тебя хлопотать.

— Ловко. Правильный рапортъ представленъ.

Съ тылу донесся стукъ желѣзнаго хода. Кто-то подѣхалъ.

— Читвертая!
— Здѣсь!—раздалось изъ окопа въ отвѣтъ.

— Вужить!
Къ ротъ подошла походная кухня. Вебъ зашмерделись, заговорили, загремѣли котелками, забѣгали.

— Ваше высокоблагородіе, разрѣшите вамъ пробу принесть,—появился у входа въ блиндажъ родовой Капустинъ, мой денщикъ.

— Тащи, братъ, тащи!

— Ваше высокоблагородіе, тамъ у васъ надъ головашками въ норкѣ вчерашній огарокъ я спряталъ, пошарьте рукой,—говоритъ тотъ же Капустинъ, уже принесшій котелокъ съ горячими щами.

Ихъ вкусный запахъ раздражаетъ, и мало ощущавшаяся дотолѣ потребность утолить голодъ удесатеряется.

Разыскивая «норку», въ которой спрятанъ огарокъ, я начинаю шарить рукою по мокрой стѣнѣ блиндажа.

— Пovyше, пovyше!—подеказываетъ Капустинъ, будто онъ видитъ впотьмахъ, гдѣ я вожу рукою.

— Пovyше, пovyше,—нервничаетъ Чувакинъ.—Взялъ бы да спичку зажегъ.

— Жажетъ бы да нѣту, ваше благородіе. Давно уже нѣту. Табачишка-то и тотъ на исходѣ. А безъ яво беда!

— Ахъ, Господи! Михаилъ Андреевичъ! — Мм!..—просьпается Дудкинъ.

— У васъ спички есть въ карманѣ,

зажигте. Ей-Богу тошнить, до того хочется ѣтъ.

— А-а-а... спички при чемъ?
— Зажигайте же! Щи принесли.

— Щи? То-то пахнуло мнѣ въ носъ. Отлично.

Огарокъ нашелся. Зажгли.

Капустинъ досталъ изъ вещевого мѣшка краюху хлѣба.

— Хлѣбъ какъ сырѣетъ, беда! И когда только Господь погоду пошлетъ,—говорить онъ степенно.

Онъ нарѣзалъ акуратныхъ ломтей и разложилъ ихъ мнѣ на полу пальто. Отъ сидѣнья и лежанья на голой землѣ пода грязная, но стоить ли обращать на такіе пустяки вниманіе!

— Ежели нужень будетъ добавокъ, кликните,—сказалъ, покидая блиндажъ, Капустинъ.

— Солдатская пища всегда обладаетъ огненной температурой. Особенно, скоромныя щи. Въ холодѣ, сырости похлебають на голодный желудокъ этой дивной сиди—нѣтъ наслажденія выше. Такъ и чувствуешь, что съ каждой ложкой по всему разливается бодрость, силы, тепло.

Еще на днѣ котелка оставалось немного, когда Чувакинъ оживившимся голосомъ крикнулъ въ окопъ:

— Капустинъ! Ну-ка, братецъ, еще такую же порцію. Только погуще—со дна. Подожди, вотъ, добѣмъ.

— Эге, а вы, какъ я вижу, насчетъ чавканья мастеръ почище меня,—засмѣялся прапорщикъ Дудкинъ.

Кончился ужинъ. Гремя желѣзнымъ ходомъ колесъ, отѣхала походная кухня.

Сытые, мы съ удовольствіемъ стали курить. Исподволь началъ оживляться окопъ. Въ немъ уже пробуждалась «мирная» вечерняя жизнь послѣ ужина.

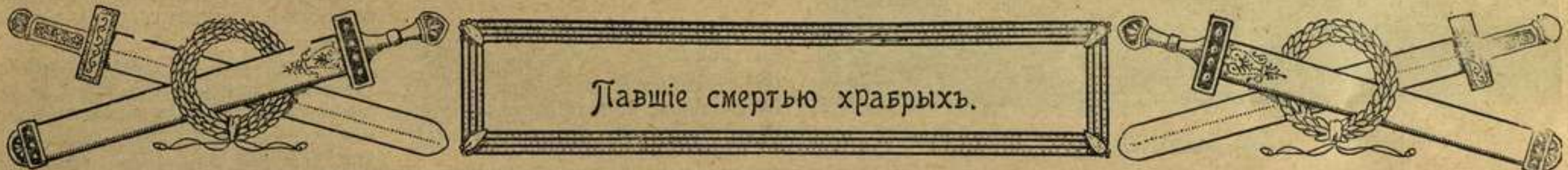
— Вотъ это я понимаю и чувствую!—сказалъ Дудкинъ блаженно и растянулся на спину.

Подмѣченная Чувакинымъ особенность нашихъ солдатъ не вести между собой разговоровъ о только-что пережитомъ въ бою и меня всегда удивляла, еще въ Японскую кампанію, но я какъ-то не разбирался серьезно въ ея причинахъ. Мнѣ захотѣлось узнать, къ какому рѣшенію по этому вопросу пришелъ Чувакинъ.

— Мнѣ кажется,—началъ подпоручикъ, немного подумавъ,— что тутъ причиной необыкновенности и грандіозности впечатлѣній. Земляки наши не въ состояніи за короткое время между боями переработать въ себѣ все воспринимаемое извнѣ. Переработать и приспособить къ тому, чтобы всему находилось у нихъ объясненіе «своими словами». А это необходимо имъ не только для разговоровъ, но и для того, чтобы все уложилось въ памяти. Для поясненія могу сослаться хотя бы на такое обстоятельство.

Иной разъ возвращаешься, положимъ, изъ театра. Пораженный величіемъ музыки или игрою артистовъ, феерической обстановкой или сюжетомъ, ты—самъ не свой.

Къ тебѣ пристають съ разспросами, что видѣлъ, что слышалъ. Но ты абсолютно ничего не можешь толково отвѣтить. И если станешь дѣлиться своими впечатлѣніями, то все скомкаешь, спутаешь и подконецъ съ досадой почувствуешь, что не восторгъ вызываешь въ слушателяхъ, а одно недоумѣніе. Чего, дескать, онъ расшанається, когда, судя по его же разсказу, шла неразбериха какая-то. А вотъ когда останешься на ночь самъ съ собой да все припомнишь, да все перечувствуешь слова, такъ сказать, повтореніемъ ослабишь экстазъ, тогда дѣло другое. Тогда все мож-

Подпоруч. Г. В. Богдановъ.

Поручикъ А. Д. Хотелевскій.

Подпоруч. С. В. Нязевъ.

Подпоруч. В. А. Куценко.

Подпоруч. Д. И. Кульматицкій.

Прапорцъ Б. В. Августовскій.

Прапорцъ П. Ф. Прибытковъ.

Прапорцъ А. В. Григоровичъ.

Прапорцъ П. Д. Сорона.

Прапорцъ Н. Г. Коблякъ.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ.

Французская полевая артиллерия.

Кавалерийский разъезд.

но изложить по порядку и связно. Так и здесь. Ошеломленные грандиозностью пережитого, они молчат. У них еще не хватает ни моральных сил, ни собственных слов, чтобы разобраться в чувствах своих и объяснить по-своему, что происходило вокруг.

— Ерунда! — сказал Дудкин, лежащий все время с закрытыми глазами. — Ерундистика! Да-а.

Годоруч. Евг. Куз, Костюченко.

Наград. Георгиевским оружием. За то, что 13 ноября 1914 г. под Бохиней, по приказанию начальника правого участка, двинулся в образовавшийся прорыв между Костромичем и Вологодским полками, сбил противника ударом в штыки, причем сам был ранен, а когда противник двинулся в контр-атаку для отбития захваченной 16-й ротой батареи, вторично бросился с ротой в атаку и заставил противника отступить.

Он привстал, поправил фитиль в догоравшем огарке, закурил и начал:

— Ничего они не перерабатывают где-то там в себе, ничего не приспособливают. Все происходящее отнюдь не представляется им чем-то грандиозным, что можно бы их давить и тем болше, ошеломлять и к чему они не могли бы подойти сразу со «своими словами». Все в их памяти великодушно запечатлевается в самом натуральнейшем виде и обо всем они сразу же расскажут вам, что называется, по нотамам — не скончают ничего, не спугают. Так расскажут, как потом будут рассказывать тысячи раз на заставках в деревнях своим соседям, сыновьям, внукам и правнукам. Перед последними, может быть, станут уже по-стариковски кое-что путать. А если они сейчас и помалкивают, об этой, как вы называете, трагической сути боев, то совершенно по иным причинам.

— А именно? — спросил Чувачкин замолчавшего Дудкина.

— Собственно, даже не по причинам, а по одной только причине, — поправился Дудкин. — Солдат наш — православный русский воин — питает величайшее чувство уважения к самому, если так можно выразиться, ритуалу войны, т. е. к самому акту пролития крови. Побывший на войне мужичок, если и пожелает при случае указать на свои заслуги перед родиной, никогда не скажет, что он со-

вершил там-то и то-то, а всегда воскликнет одно лишь: «и кровь свою проливал!» Отправляясь в поход на врага, землячок наш никогда не держит в уме ничего другого, кроме того, что он призван и должен за Царя, за вѣру, за отечество пролить свою кровь. Отсюда их благоговейное молчание об убитых и раненых товарищах — о «содобившихся» и, если хотите, отсюда же их в высокой степени гуманное отношение к пролившему кровь «существо».

Огарок свѣчи догорѣл и погасъ.

Дудкинъ прервалъ рѣчь...

— Сенька! Слушай, Хвостовъ!

— Чаво?

— Ты што уже легши?

— Нѣтъ, кушетка размокла. Нашъ кабинетъ-то текеть. Думаю вотъ, гдѣ бы соломки стлѣнуть для перины. А што?

— У тебя, говорятъ, рубаха есть лишняя.

— Есть.

— Дай, братецъ, на прокатъ.

— Твирскому завсегда могу одружить.

Ползи сюда. Только у меня дорогая, изъ голландской дерюги изъ Москвы выписалъ — непротекаемая. Не забудь опосли простирать, грязную назадъ не приму.

— Ланно. Въ Барлину придемъ, найду прачку, какая помоложе изъ Нѣмокъ, накрахмалить велю и чтобы душистое мыло — «жисминъ».

— Ну-ну. Получай вотъ. Только смотри, какъ бы твоя курносая Фенька чего не узнала, а то будетъ крахмаль...

— Вотъ вамъ — ошеломленные грандиозностью! — покатился вдругъ съ хохоту прапорщикъ Дудкинъ. — Перерабатываютъ въ себя, ха-ха-ха!..

За нимъ отъ чистой души хохотали и мы.

Иванъ Межелъхъ.

Он сорванъ, мой цвѣтокъ, красавецъ блѣдный сада...

Онъ чаровалъ мой взоръ и такъ благоухалъ, Когда слетала въ садъ вечерняя прохлада И въ отблескѣ зари горѣлъ его бокалъ!

На клумбѣ нѣтъ его, гдѣ разрослись лилеи — И алыхъ розъ кусты покорно ждуть

утрачь...

Но весь мой садъ въ цвѣту и старыхъ липъ аллеи, Какъ и тогда — при немъ, льютъ нѣжный ароматъ.

Н. Б. Хвостовъ.

Церковь на горѣ Ловченѣ, построенная надъ мощами митрополита Петра II (Петровича-Игнатьева). Мощи эти — святыню Черногоріи — Австрійцы съ Ловчена перенесли въ Цетинье.

Командиръ 1-го Нерчинскаго полка Зах. наз. войска полковн. Н. Н. Кузнецовъ, нѣтъ умершій отъ ранъ, полученныхъ въ бою, произведенъ въ генералъ-майоры и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени за то, что въ бою 1 июня 1915 г. у дер. Попелны, временно командуя Приморскимъ драгунскимъ полкомъ и получивъ задачу овладѣть деревней и форсировать на этомъ участкѣ рѣку Венту, онъ лично повелъ полкъ въ конную атаку противъ превосходныхъ пѣшихъ и конныхъ частей противника, произвелъ рядъ блестящихъ повторныхъ атакъ, истребилъ около двухъ ротъ нѣмецкихъ егерей и двухъ эскадроновъ иррегулярныхъ войскъ-гусаръ и занялъ деревню Попелны, взявъ пѣшихъ и захвативъ трофеи.

Литературныя замѣтки.

Изящная книга.

Это еще совершенно юный поэтъ: стихотворения, написанные въ 1914 году, помѣчены Пажескимъ корпусомъ, — но о красиво изданной книгѣ первыхъ поэтическихъ опытовъ * стоитъ сказать нѣсколько словъ. Стоитъ привести нѣсколько отрывковъ, характерныхъ для молодого автора.

Въ нихъ есть та изящная простота, которая обличаетъ тонкій вкусъ и художественное чутье, воспитанное еще съ малолѣтства, отчасти даже унаследованные, присущие обыкновенно тѣмъ, кто выросъ въ условіяхъ издателя идуцей, подлинной культуры. Когда сюда присоединится еще и поэтический даръ, наследіе предковъ кажется особенно богатымъ.

Здѣсь же вчера были куплены съ

* Кн. Владиміръ Палфй. Стихотворенія. Петроградъ. 1916 г.

аукциона все эти художественные ценности, и не крикливо ими восторгается собственник, привлекая всеобщее внимание. Они привыкли к этим вещам еще с детства, привыкли их любить и постоянно видеть, — вот почему они о них говорят так просто и так трогательно-любовно. Как о близких, как о родных. Увлечение красивым проиллюстрировано не поза и не рекламная вывеска.

Осенний, грустный парк, воздушный, как эскиз...
Фонтана плач... Скамья... Маркиза и маркиз.
Красивый, томный вѣкъ робрановъ, фижмъ и пудры...

Это старинная «акварель», а вот «клавесин»:

На этих клавишах, обвѣянных мечтой,
Поклонилась рука Марин-Антуанеты...

Да, греза этих струн жила во время оно
И нарушала тишь Большого Трианона...

А вот «Севрский букет».

Обманчивый букет старинного фарфора...

Таится прошлое среди мертвых лепестковъ,
И страшенъ мнѣ покой, исполненный укора,

Отдѣлка строгая и правильность узора
Цвѣтовъ прошедшаго — фарфоровыхъ цвѣтовъ...

Автору удастся форма советовъ. Вот начало едва ли не самого красиваго из нихъ — «Ирина»:

Ты так заботлива, так трепетно-мила,
Какъ свѣжій вѣтерокъ въ прохладной чашѣ лѣса.

Порой мнѣ кажется, что къ людямъ ты сошла
Инфантою младой съ картины Веласкеса.

Что юный поэтъ уже овладѣлъ формой — это достаточно явствуетъ, хотя бы изъ приведенныхъ отрывковъ. Мысль большей частью легко и просто укладывается въ размѣръ и въ риму. Есть правда, въ сборникѣ стихотвореній еще совсѣмъ юношескія, есть кое-что недодѣланное, лишнее, съ досадными портящими строками, съ недопустимыми уже теперь архаическими сокращеніями, вроде «сребристый, младой», — но все это, разумеется, совершенно неизбежно: авторъ только-только начинаетъ. Въ добрый часъ!

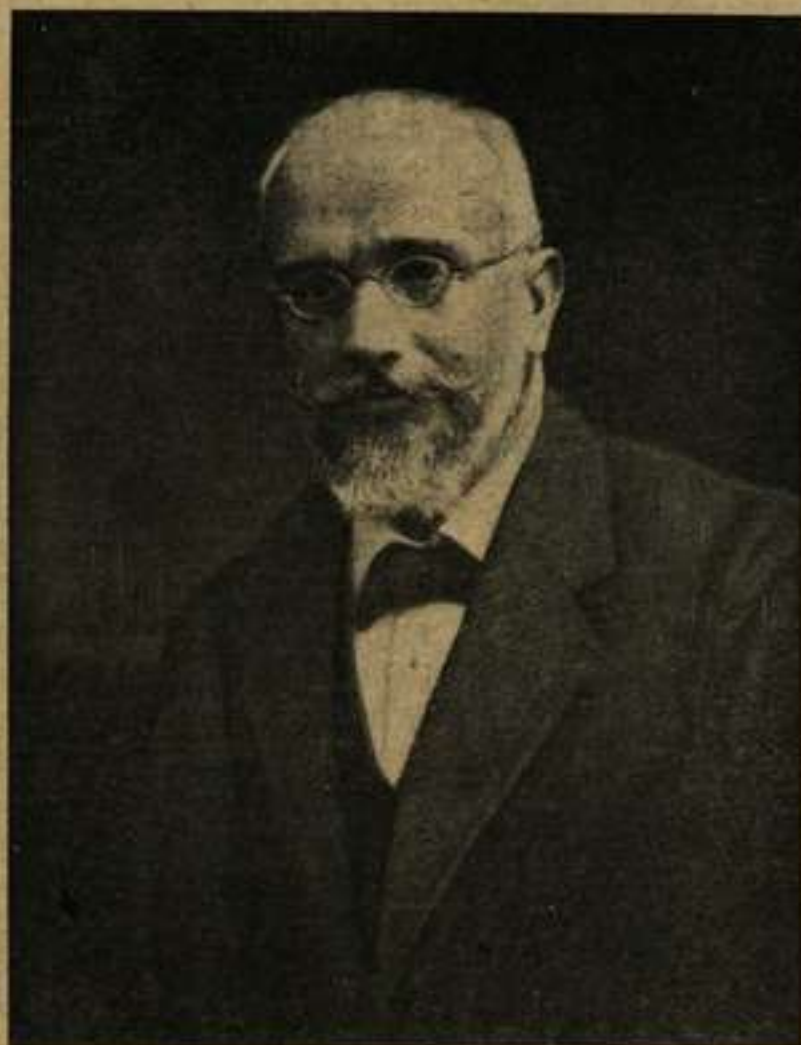
У насъ такъ мало теперь писателей съ этимъ врожденнымъ чувствомъ изящества, съ подлиннымъ чутьемъ красоты.

Хочется привести еще и первую часть другого сонета — «Камелии»:

Я не люблю — прости мнѣ, о, Дюма, —
Я не люблю болѣзненныхъ камелей...

Въ нихъ не любовь — въ нихъ скрытая зима
Холодныхъ человѣческихъ издѣлій.

Ихъ сонъ — безъ грезъ, и пѣсня ихъ нѣма;
Въ ихъ неживомъ, безароматномъ тѣлѣ
Душа молчитъ. На листьяхъ скорбь и тьма.

Елеутериосъ Венизелосъ, глава греческаго національнаго движенія, выдающийся общественный дѣятель Греціи.

Оперная пѣвица Марія Николаевна Кузнецова, гастролирующая въ Народномъ домѣ послѣ пятилѣтняго пребыванія за границей.

«Положительный типъ».

«Положительные типы» всегда были слабымъ местомъ нашей литературы. Ни добродѣтельные отщупники Гоголя, ни практические Нѣмцы Гончарова, ни «мыслилице реалисты» въ романахъ «съ надумано» 60-хъ и 70-хъ годовъ, ни въ убѣжденію, что «есть еще порохъ въ сундукѣ рабочихъ» изъ произведеній послѣднихъ лѣтъ М. Горькаго не встрѣтили славы въ провинціальный городокъ, на-

НА ФРОНТѢ РѢКИ СОММЫ.

Складъ тяжелыхъ снарядовъ вблизи фронта, замаскированный травой и зелеными вѣтвями.

въ публикѣ того приѣма, который имъ доставляетъ этотъ порохъ тратить. Не осуженъ бы былъ быть уготованъ, если бы белло возвышенный романъ съ флиртующей дѣйствительно воплощали въ себѣ люющей барышней такъ захватилъ его, что дей сильного ума и непреклонной воли, къ ему захотѣлось «стремко прогнѣть благодарнымъ состоящая изъ среднихъ людей толпа чувствуетъ инстинктивное тяготѣніе. Было бы несправедливо утверждать, что въ русской жизни не было людей, кото-

* Г. Магнитскій. Докторъ Орловъ. Романъ. Кни-ство бывш. М. В. Попова. Петр. 1916 г. Стр. 326. Ц. 2 р.

Завѣдующая однимъ изъ Цстроградскихъ лазаретовъ В. В. Слезина въ двумъ сыновьями Горьсомъ Николаевичемъ и Владиміромъ Николаевичемъ павшими смертью храбрыхъ.

ственный гимнъ жизни, природѣ и всему, души создать въ себѣ здоровую, сильную, что она даетъ человѣку», его переполняетъ гармоничную душу». Онъ выработываетъ «языческая радость жизни». Короче говоря, себѣ цѣлую програму, въ результатѣ осужденію приходится приобщиться къ радости-счастью которой онъ долженъ сдѣлаться ствямъ той религіи, которая именуется «сильнымъ, увѣреннымъ и всегда спокой- «культомъ Пана», и онъ, не хуже гамсу- нымъ», «ровнымъ и яснымъ». Послѣ нѣ- новскаго лейтенанта Глана, примѣняетъ которыхъ «паденій» герой безповоротно его на практикѣ. Впрочемъ, въ этомъ по- рѣшаетъ: «я уничтожу въ себѣ слѣдную волну болѣе или менѣе почти всѣ герои власть прошлаго и стану человѣкомъ буду р-мана г. Магнитскаго,—стоитъ только шага», «пошло-чувственная страсть къ какой-нибудь шарочкѣ очутиться вблизи женщины безъ духовнаго единенія и люб- ронцицы, какъ сейчасъ же и онъ и она на- ви,—я отрицаю, презираю, уничтожаю чинають, «обнявшись и прижавшись другъ тею! Ты должна исчезнуть изъ моей ду- спокъ другу, все полнѣе отдаваться страстной ш!»—съ пафосомъ восклицаетъ докторъ нѣгъ», у нихъ становится напряженнымъ Орловъ, и, по утверженію автора, съ это- «каждый мускулъ, каждый нервъ молодого го момента онъ, при помощи все той же стройнаго тѣла», и они «ищутъ страст- ныхъ прикосновеній». Слѣдующей за періо- домъ «безвольной чувственности» стадіей бы и непрестаннаго исканія, и возврата къ развитія доктора Орлова является его рѣ- шеніе «путемъ рациональной гимнастики шагъ за шагомъ слѣдить за дальнѣйшимъ

движеніемъ героя по пути самоусовершен- ствованія. Авторъ заставляетъ его за какія- то нѣмъ самимъ забытымъ политическія увѣ- ченія юности расплачиваться ссылкой въ Сибирь на поселеніе; вслѣдъ за нимъ идетъ туда и идеальная дѣвушка Маруся, любовь которой «давала ей такую духовную вы- соту, такую свободу отъ вредныхъ эмо- цій (!)», что докторъ Орловъ не могъ не полюбить ее. Вся эта исторія, по мнѣнію автора, очевидно должна быть чрезвычайно поучительной для читателя, однако добиваю- щийся при помощи духовной гимнастики победы надъ дурными страстями докторъ Орловъ является такимъ же мертворожден- нымъ «положительнымъ типомъ», какъ и многіе другіе герои, появившіеся до него.

Ю-въ.

«Экономія страданій».

«Соблюдайте экономію страданій!» вотъ девизъ небольшого очерка, посвященнаго изслѣдованію юридической сущности нака- занія, выясненію основныхъ задачъ карательной системы*. Книга, вполне научно построенная, написана очень простымъ, доступнымъ языкомъ, легко и интересно читается, но едва ли можетъ претендовать на серьезное значеніе, какъ дѣльный вкладъ въ науку уголовного права. Она даже скорѣй для рядового читателя, чѣмъ для спе- циалиста и ужъ во всякомъ случаѣ для ря- дового юриста-практика, а не для ученаго. Все, что говорится объ экономіи страда- ній, о необходимости достигнуть задачъ уголовного правосудія съ наименьшими жертвами,—все это повторять въ сотый разъ давно признанна и уже избитыя истины, проповѣдуемая всѣми криминали- стами. Быть можетъ, не лишнее о нихъ напомнить, такъ какъ практика слѣдуетъ далеко не всегда за здоровыми указаніями теоріи, но во всякомъ случаѣ въ этой ча- сти авторъ является скорѣе составителемъ своего рода уголовной хрестоматіи, чѣмъ самостоятельнымъ мыслителемъ, дающимъ какую-либо новую аргументацію никѣмъ, впрочемъ, научно не опровергаемому при- нципу: «Соблюдайте экономію страданій». Никто, разумѣется, не станетъ теперь спок- ритъ противъ такихъ, напримѣръ, обще- понятныхъ положеній, какъ зависимость мѣры наказанія отъ степени сознательно- сти преступника и т. п.

* Баронъ Эд. В. Розенбергъ. *Экономія страданій*. Общее понятіе наказанія и основныя принципы его примѣненія. Пе- троградъ. 1916 г. Цѣна 3 р. 50 к. Стр. 164.

Александръ Карловичъ Закревскій. † въ сентябрѣ 1916 г. въ Невѣ. Авторъ критическихъ трудовъ о Ф. М. До- стоевскомъ, М. Ю. Лермонтовѣ и К. Н. Леонтьевѣ.

Гораздо интереснѣе та подготовитель- ная часть книги, гдѣ авторъ занятъ выясненіемъ юридической конструкціи сама- го понятія кары, и гдѣ онъ хочетъ дать нѣчто свое, опровергая конструкціи, уже предложенныя, главнымъ образомъ, русскими и нѣмецкими юристами. Но съ его опре- дѣленіемъ наказанія, какъ причиненія страданій, все-таки согласиться трудно. Фактически это можетъ быть въ большин- ствѣ случаевъ и такъ, хотя уже вся штрафная система слишкомъ шероховато укладывается въ понятіе причиненія стра- даній, но съ точки зрѣнія чисто юридиче- ской сущности наказанія здѣсь не вскрыта. Въдѣ это наука должна давать директивы практической постановкѣ вопроса, а не наоборотъ. Наказаніе—это одна изъ формъ сопротивленія преступному дѣянію. Пре- слѣдуетъ оно три главныхъ цѣли: психи- ческое воздѣйствіе или устрашеніе («дабы неповадило было»), обезвреженіе преступ- ника и въ предѣлахъ возможности его исправленіе. Въ эти цѣли ведутъ къ одной, основной—искорененію преступ- ныхъ дѣяній. Отсюда и надо исходить. Луч- шій законъ тотъ, котораго советѣмъ нельзя нарушить. Это было бы идеальное, но не- исполнимое въ уголовномъ правѣ разрѣше- ніе вопроса. Тѣмъ не менѣе надо идти отъ идеала, по возможности не терять цѣли. Наказаніе одинъ изъ коррективовъ уже на- рушеннаго равновѣсія: что оно можетъ дать? Устрашеніе, обезвреженіе, исправле- ніе. Необходимо ли теоретически вводить понятіе причиненія страданій для дости- женія этихъ цѣлей? Разумѣется, нѣтъ. Страданіе есть, конечно, первостепенной факторъ практическаго воздѣйствія, но цѣли наказанія оно не покрываетъ, а по- тому теоретически съ нимъ не слито и научно его опредѣлять не можетъ. Самое правило: «экономія страданій»—было бы въ противномъ случаѣ нелѣпо.

Многое можно еще возразить и по пово- ду нѣкоторыхъ другихъ утверженій авто- ра. Безъ должной вдумчивости относится онъ, напримѣръ, къ очень серьезному мнѣ- нію покойнаго профессора Сергіевскаго, что объектомъ карательной дѣятельности яв- ляется преступное дѣяніе, а не преступ- никъ. Въдѣ если бы отнестись глубже къ этому мнѣнію, то не создалося бы и при- веденное опредѣленіе наказанія. Но по- дробная критика не входитъ въ задачи этой заѣтки.

Книга, повторяемъ, читается во всякомъ случаѣ приятно, написана безъ обычнаго косноязычія специалистовъ «въ шоракъ» и продиктована самыми почтенными, чело- вѣколюбивыми побужденіями.

о.

Железнодорожный мостъ поврежденный бомбардировкой.

Горучикъ Ник. Ник. Воронинъ.
Убитъ въ бою 1 сентября.

Мотылекъ.

Долъ я своей послушный
Мотылекъ.
Въ цвѣтникѣ мой путь воздушный
Недалекъ.
Отъ цвѣтка меня день цѣлый,
Какъ челнокъ,
Переноситъ парусъ бѣлый
На цвѣтокъ.
Воздухъ сада легкій, чистый —
Мой потокъ.
Каждый въ немъ цвѣтокъ душистый —
Островокъ.
День — мой вѣкъ: мой путь конечный
Недалекъ.
Я — покорный, я — безлечный
Мотылекъ.

Н. Б. Хвостовъ.

Мелочи.

Уцѣлѣвшая отъ Нѣмцевъ дощича.

Самыми лучшими и богатыми по плодородию почвы мѣстностями Франціи считались всегда равнины, лежація въ округѣ Реймса, Эперна и Шалони на Марнѣ. Это — знаменитая еще въ римскую эпоху провинція, впоследствии получившая имя провинціи Шампань. И какъ разъ въ этихъ мѣстахъ происходили величайшія сраженія европейской войны. Именно здѣсь, два года тому назадъ, Французы въ рѣшительной битвѣ на Марнѣ остановили полчища Вильгельма и отбѣснели ихъ отъ Парижа. Много десятковъ драгоцѣнной почвы шампанскихъ виноградниковъ потоптано тевтонами, изрыто и изуродовано траншеями, но, къ счастью, нужно признать что нанесенный вредъ не носитъ катастрофическаго характера. Французы говорятъ, что нѣмецкіе офицеры приказывали нижнимъ чинамъ шадить, поскольку только можно, всю эту богатую область, такъ какъ они были твердо убѣждены, что она неминуемо войдетъ въ границы будущей географической карты великой Германіи. Во всякомъ случаѣ Шампань пострадала сравнительно мало, лучшая часть виноградниковъ уцѣлѣла, уцѣлѣли и цѣнные подвалы Реймса и Эперна. Эти подвалы съ ихъ сложной подземной конструкціей являются однимъ изъ главныхъ факторовъ, способствовавшихъ всемирной славы шампанскаго вина. Нѣкоторые изъ нихъ существуютъ со временъ Римлянъ и поражаютъ своими размѣрами и архитектурой. Большинство имѣютъ по два, по три подземныхъ этажа, и цѣль этого — регулировать температуру необходимую для выдѣлки вина. Въ нынѣшнюю войну эти погреба Реймса сыграли большую роль: несчастные жители бомбардируемаго Нѣмцами города нашли убѣжища въ подвалахъ принадлежащихъ фирмамъ Помри, Редереръ, Гейдвикъ, Муммъ и др., которые превратились въ настоящій подземный городъ.

Римскій фронтъ. Часовня и кладбище, пострадавшія отъ непріятельскаго обстрѣла.

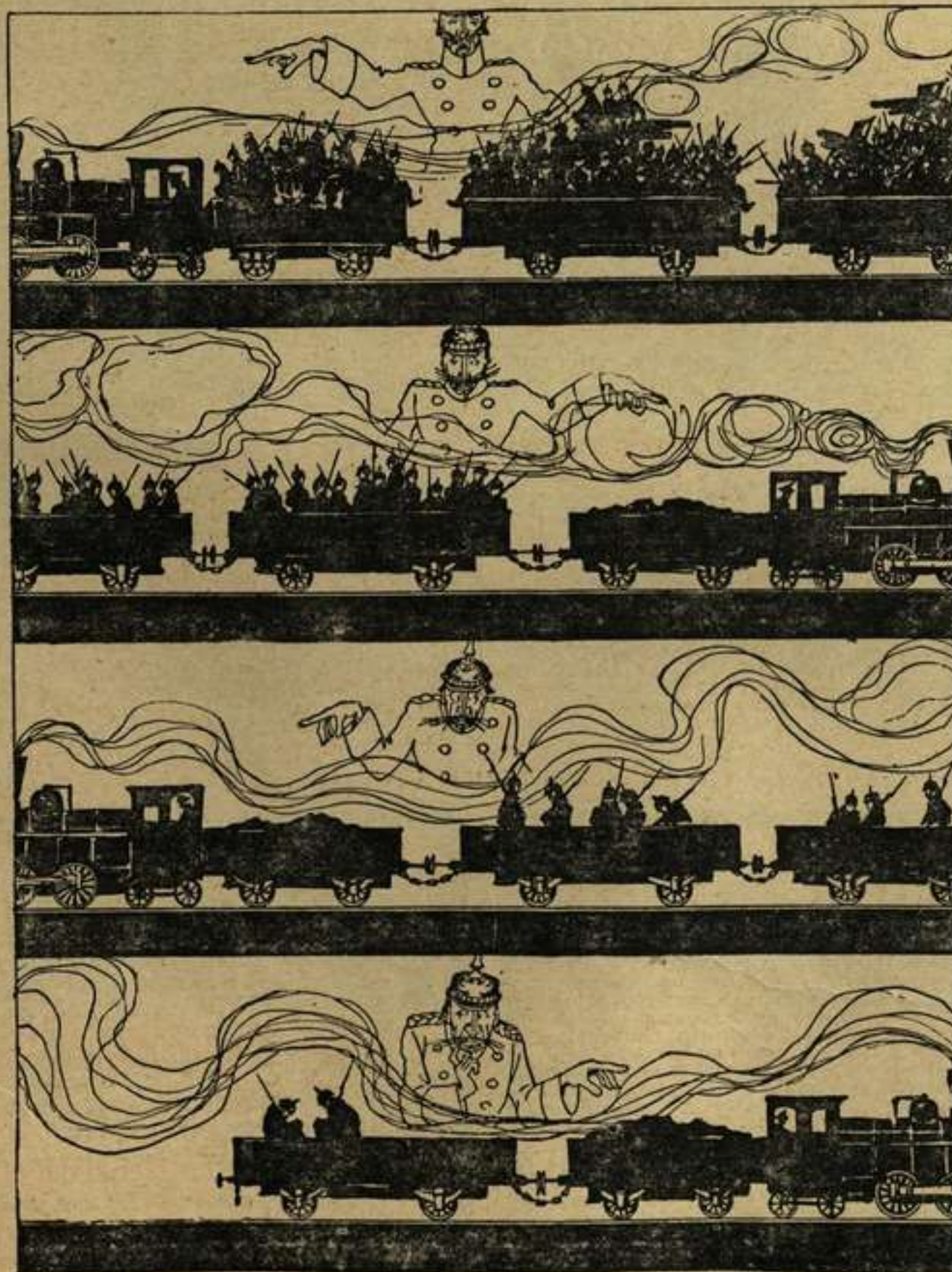
этихъ подземныхъ погребахъ. Занятія шли очень правильно, и учителя прилагали всѣ усилія, чтобы заставить дѣтей позабыть ненормальную обстановку почти безъ пищи и воды, по нѣскольку дней не мѣняя одежды, по малу-малу жизнь и тамъ начала налаживаться, люди приспособились и ввели необходимый комфортъ. За прошлую зиму 13 тысячъ дѣтей посѣщали подземныя школы, устроенныя и оборудованныя въ

останавливаясь по дорогѣ, бѣжать до- мой. Такія же маски носятъ и всѣ рабочіе, занятые въ винодѣльческой промышленности.

Очередныя работы по выдѣлкѣ шампанскаго вина идутъ довольно успѣшно. Забранныхъ въ войска людей замѣняютъ германскіе военнопленные, и Французы, въ угощеніе любителямъ вина, сообщаютъ, что недостатка въ немъ не будетъ. Эксперты указываютъ, что только 1/16 нормальнаго сбора винограда шла въ прежніе годы на выдѣлку вина, такъ что въ количественномъ отношеніи убыль нѣкотораго числа лозъ не будетъ замѣтна. Война не отразится губительно на этой отрасли промышленности.

Интересна исторія шампанскаго винодѣлія. Лозы въ римской провинціи разводились еще съ конца 3 столѣтія и пользовались особымъ покровительствомъ римскихъ императоровъ. Первый христіанскій монархъ Франціи Хлодвигъ, лично благословилъ эти лозы и сочувствовалъ выдѣлкѣ винъ. Всѣ епископы, прелаты и монахи были собственниками виноградниковъ, усердно занимались ими и, умирая, завѣщали продолженіе своихъ дѣлъ наследникамъ. Въ исторіи винодѣлія въ Шампани видѣвшую роль сыгралъ знаменитый монахъ Периньонъ. Въ 1670 году Периньонъ, принадлежавшій къ братству св. Петра, впервые изобрѣлъ секретъ «шипучаго» шампанскаго вина. Набрелъ онъ на этотъ секретъ совершенно случайно, закупоривъ однажды нѣсколько бутылокъ не по принятому шаблону, а какимъ-то особеннымъ, ему одному тогда извѣстнымъ способомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отвѣдалъ вино изъ одной бутылки и обнаружилъ въ немъ образование какихъ-то газовъ, придавшихъ вину особую прелесть. Всѣ монахи признали важность открытія, и съ тѣхъ поръ перешли къ новому способу закупорки бутылокъ съ драгоцѣнной влагой.

Этотъ же Периньонъ, человекъ большой творческой фантазіи, открылъ, что разныя лозы даютъ совсѣмъ разное по вкусу вино. Онъ занялся составленіемъ замысловатыхъ смѣсей, и впервые добылъ бѣлое вино изъ черныхъ лозъ. Это послѣднее изобрѣтеніе монаха является въ настоящее время однимъ изъ главныхъ секретовъ винодѣлія. У каждой фирмы, конечно, свой собственный секретъ смѣшенія разныхъ сортовъ лозъ, но принципъ изобрѣтенъ Периньоновъ. Къ концу жизни умный монахъ ослѣпъ, но оставался до самой смерти завѣдующимъ повалами братства св. Петра, такъ какъ лучшаго знатока и эксперта по виннымъ дѣламъ

Блестящіе результаты германской стратегіи перебрасыванія резервовъ съ Запада на Востокъ и обратно — въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

не существовало нигдѣ. Перинзонъ не оставилъ послѣ себя потомства, но ближайшій его помощникъ—монахъ Рюинарь передалъ своему племяннику секретъ выдѣлки шипучаго вина, и тотъ въ 1729 году основалъ первую фирму—фирму Рюинарь.

Нынешній глава этой фирмы, Андре де Рюинарь виконтъ де Брамонтъ является седьмымъ хозяиномъ этого дѣла и прямымъ потомкомъ основателя фирмы.

Интересна исторія вдовы Кликко, тоже знаменитой дѣятельницы въ винодѣлнн. Вдова Кликко скончалась 89-ти лѣтъ отъ роду и достигла такого процвѣтанія своей фирмы, что еще при жизни увидѣла всѣхъ своихъ дочерей и внуковъ жеманн титулованныхъ представителей аристократической Франціи. Началомъ своей славы вдова Кликко обязана Рос. сн.

Въ 1814 году, во время войны съ Наполеономъ, русскія войска заняли Реймсъ. Въ Реймсъ въ то время про-

живала г-жа Кликко, овдовѣвшая молодая женщина, 27 лѣтъ, мужъ которой, владѣлецъ небольшого винодѣльческаго дѣла, только что скончался, оставивъ вдову свою накануне полного банкротства. Вдова Кликко, не будучи въ правѣ продавать вино, щедро угощала имъ русскихъ офицеровъ, которые оказались тонкими цѣнителями. По окончаніи войны, вдова Кликко, по просьбѣ этихъ русскихъ друзей, отправила цѣлый пароходъ съ грузомъ вина въ Россію. Пароходъ погибъ во время бури. Кликко послала второй транспортъ, и на этотъ разъ вино прибыло по назначенію и сразу завоевало всероссійскую извѣстность. Судьба предпринимчивой вдовы Кликко была обезпечена: дѣло стало процвѣтать благодаря многочисленнымъ заказамъ изъ Россіи.

Другая извѣстная фирма шампанскихъ винъ принадлежитъ роду герцоговъ Монтебелло. Первымъ изъ этихъ герцоговъ, знаменитый сподвижникъ Бонапарта—маршалъ Лангъ, былъ большимъ любителемъ этого вина, а его

сынъ рѣшилъ уже окончательно, не въ примѣръ отцу, заняться мирнымъ ремесломъ, и основалъ собственную фирму винодѣлнн въ Марейль-на-Мариѣ. Въ одномъ изъ знаменитыхъ винныхъ погребовъ въ Эпернз до сихъ поръ сохранилась мраморная доска съ помѣткой 26 іюля 1807 года въ память роскошнаго банкета, устроеннаго тамъ въ честь Наполеона I. На этомъ банкетѣ мэръ города Эпернз Жанъ-Реми Мозъ, самъ крупный винодѣль, угощалъ Наполеона I и Жозефину, его супругу. Въ числѣ гостей былъ и маршалъ Лангъ. Въ лѣтописяхъ города отмѣчается, что вино на этомъ празднествѣ «лилось рѣкою», и это не преувеличеніе, такъ какъ императоръ съ небольшою свитой выпилъ, оказывается, ни болѣе ни менѣе, какъ 6 тысячъ бутылокъ шампанскаго вина.

Историческіе факты постоянно сплетаются съ дѣломъ винодѣлнн въ Шампани. Такъ, напримѣръ, домъ г-жи Помри въ Реймсъ, въ былыя времена, принадлежалъ Маріи Стюартъ и въ немъ

несчастная королева провела свои дѣтскіе годы. Впечатлнвія дѣтства, и окружающаго обстановки, повидимому, оставили слѣды на ея привычкахъ, такъ какъ извѣстно, что легкомысленная и несчастная королева въ періодъ кратковременнаго своего пребыванія на престолѣ Франціи ужасала придворныхъ привычкой принимать утреннюю ванну изъ шампанскихъ винъ.

Въ настоящее время винные подвалы Шампани сдѣлались точно нарочно выстроеннымъ, готовымъ убѣжищемъ отъ германскихъ снарядовъ въ долги дни европейскаго кровопролитія.

Редакторъ М. Н. Мазеевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготная условія поддска и пробная лекція **БЕСПЛАТНО**.
Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразования». Б. Румейная, 7-11.

Вышло 6-е изданіе (10-ая тысяча) **„ГИГИЕНА БРАКА“**. Женщ.-врача Волковой. Ц. 75 к.
Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женхество. Вступленіе въ бракъ. Гигиена брачной жизни. Искусственное безплодіе. Разводъ. Ведѣніе брака и т. д.
Книжный магазинъ „Новое Время“ Петроградъ, Невскій, 40.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдоль Драгторъ.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
Небывало долго горятъ **ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ** аккумуляторные и батарейные **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ**
Петроградъ, Морская, 33.

ВОЗВРАЩАНИЕ ПОДЪЯКЪ ТРЕБУЕТЪ МАРКИ

ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ изнурительныхъ болячекъ, рекомендуется употребить, какъ высоко питательное и укрепляющее средство **„Лециталь“ МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА**.

Исходные содержанія въ „Лециталь“ снсно-питательнаго и укрепляющаго химическаго тѣла лецитина, гемоглобина (состава красныхъ кровяныхъ шариковъ) и мальтозы (искусственное вещество соеода). „Лециталь“ вполнѣ вѣсду излечитъ много между питательными и укрепляющими средствами при малокровіи и нервномъ истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:
Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте **„Лециталь“ МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА**. Каждая Коробка снабжена фабричною маркой, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Если фабричной марки на коробкѣ, это есть вредная нигуда негодная поддѣлка.

Продажа „Лецитали“ во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз. Врошю, а вьсма, безплатно.
Цѣна 1 кор. „Лецитали“—5 руб. 50 коп.; двойная кор.—10 руб.

Главный складъ Депо: Медико-Фармацевтическаго Товарищества
Петроградъ, У. Невскаго—Садовая 15, отд. —14

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ
ВЪКЪ НЫНѢШНІЙ
КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.
Цѣна 2 рубля.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

Въ книж. магаз. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» продается книга
ЦАРЬГРАДЪ
И
ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Оттикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйн. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вын. образъ на контрол. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйн. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.

стенографія (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна 3 рубля.
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казенн. и частн. упр. формы прошен., писемъ, какія ятры должнъ принятъ, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.
ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЮ ПРАКТИКОЮ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышлен. дѣателей и служащихъ. 443 стр. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля.
При посылк. налог. плат. на 25 к. дорожн.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—П. троградъ, Б. Румейная, 7-11.

УЧАЩИМСЯ

Пособія для сочиненій, разборъ классиковъ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣльцовъ, Крыловъ, Влдинскій, Жуковский, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Гриноровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ биограрію, разборъ главн. произвед., темы и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристки дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разборъ произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны, что содержатъ, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать материалъ для несколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность каждому—назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. на каждое. Высслаютъ наложеннымъ платъ. Выисслываютъ изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣздная, 14-Г.) на сумму не менѣе четверти рубля за пересылку не платитъ. Поступила въ продажу того же автора: руководств. къ составленію сочиненій, для самостоятелн. подготовкн и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ**. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 25 коп. За дѣй десятикопѣечнаго марки высслается указатель учебнхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ-подсрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣны.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановитъ Ваши волосы въ прежній натуральнй цвѣтъ, я могу высслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающхъ знакомыхъ возратитъ имъ натуральнй цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышло Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія КАЛЬТОНО, МОСКВА: Фурасовскій пер., домъ—109АЕ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14581

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 8 (21) ОКТЯБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14581

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ фот. К. В. Гана и К^о въ Царскомъ Селѣ

Майна.

— Вамь денеша, баринь.
Взяв изъ рукъ швейцара телеграму, Порошинъ тутъ же на лѣстницѣ разорвалъ ее и прочелъ короткія строки.
«Прощу, умоляю прѣхать... Необходимо видѣться. Москва. Е—ская больница.
Подпись: *Марья Порошина*».

Сжимая въ рукѣ листокъ телеграммы, Юрій Николаевичъ поднялся наверхъ въ квартиру, сѣлъ въ кабинетъ у письменнаго стола и задумался. Извѣстіе о близкой смерти жены, съ которой онъ разошелся около двухъ лѣтъ, не произвело на него слишкомъ удручающаго впечатлѣнія.

Онъ разошелся съ женой вслѣдствіе ея измѣны, но все же что-то тоскливо сжало сердце.

Закуривъ, Порошинъ началъ обдумывать положеніе вещей.

Хвать или нѣтъ?

Что она дѣйствительно больна, сомнѣнья не было; на болѣзнь указывалъ самый адресъ больницы. Но въ какой степени?!.. Въ послѣднее время Юрій Николаевичъ, разоидъ съ женой, сошелся съ другой женщиной и теперь началъ дѣло о разводѣ. Вопросъ о женитьбѣ гависѣлъ отъ согласія Марьи Александровны, и она дава его нѣсколько недѣль назадъ.

А теперь эта денеша, извѣщающая о близкой смерти... эти мольбы о свиданіи...

Правда или ложь?..

Быть можетъ, желаніе, пользуясь неопасной болѣзью, разжалобить его, завязать новыя отношенія и сойтись?

А если дѣйствительно, умирая, она раскаялась и хочетъ вымолить прощенье передъ концомъ, она, такая вѣрующая? И, убѣжденный послѣднимъ доводомъ, Порошинъ позвонилъ прислугу и велѣлъ уложить вещи.

Вечернимъ поѣздомъ онъ выѣхалъ въ Москву.

Какъ часто бываетъ на желѣзныхъ дорогахъ, особенно въ одиночествѣ вагона (Юрій Николаевичъ оказался одинъ въ купѣ), онъ началъ вспоминать, и эти воспоминанія развернулись свободно въ его головѣ, длинной лентой, въ концѣ которой стояла измѣна и разлука съ женой.

И эти три года, несмотря на жестокость удара, нанесеннаго этой женщиной, свѣтлымъ счастьемъ остались въ его памяти.

Да и будетъ ли еще когда лучше?..

Особенно ярко всплыло первое знакомство.

Припомнилось то лѣто, знойное до страданія, которое онъ проводилъ въ Москвѣ по дѣламъ.

Скромная, чистая меблированная комната капитаниши вдовы Микуленко; тишина коридора, спокойный номерокъ, выходящій на безлюдную улицу, и скука, и жара, наводившія кислоту, сонливую лѣнь.

Дѣло, о которомъ хлопоталъ тогда Юрій Николаевичъ, какъ-то не улаживалось, и онъ жилъ изнывая отъ тоски, обивая пороги присутственныхъ мѣстъ и опираясь, послѣ скитанья по пыльному городу, кавсами и водами по различнымъ лавочкамъ и кафѣ.

Свое любимое и привычное дѣло (Порошинъ былъ писатель и изъ видныхъ) тоже какъ-то не ладилось.

Впрочемъ, послѣднее мало заботило, отдыхъ былъ необходимъ, а личныя средства не давали нуждаться.

Въ одинъ изъ особенно томительныхъ дней, когда номеръ накалился до бѣлаго каленья, Порошинъ не выдержалъ, вышелъ изъ номеровъ и пошелъ, было, купаться, но, дойдя до угла, остановился. Слипкомъ было душно, безлюдно, скучно.

И, главное, лѣнь идти дальше.

Самое лучшее все-таки лежать у себя за ширмой, курить и дремать въ ожиданіи обѣда.

И онъ повернулъ обратно.

Недалеко отъ поворота на свою улицу, стертая, старая вывеска: «Библиотека для чтенія книгъ М. А. Маневской», остановила вниманіе.

Библиотека—и такъ близко.

И сейчасъ же въ головѣ сообразительно мелькнула серия романовъ А. Дюма, начавшаяся съ «Жозефа Балзама» и кончая «Мухометерами».

Именно, въ эту жару, когда въ голову ничего не идетъ, уйти на время въ чудесный вымыселъ, старину французскаго двора, плащей, серенадъ и дуэлей...

И Порошинъ открылъ дверь, вошелъ и остановился на порогѣ передъ планишетной, открывшейся передъ нимъ, картиной.

Прислонясь головой къ конторкѣ прилавка, сидѣла смуглая, очень красивая женщина, обнявъ за шею и прижавъ къ себѣ совсѣмъ молоденькую дѣвочку, очевидно, дочь. И эта дремлющая обворожительная дѣвушка-ребенокъ, обѣ эти головки, одна темная, другая золотистая, прелекая одна къ другой, огромный черный котъ съ изумрудными глазами, недвижно сидѣвшій около женщины, прохлада и тишина большой комнаты съ библиотечными шкапами, особенно запахъ старыхъ книгъ, жасмина въ глиняномъ кувшинѣ, зеленоватый, таинственный, словно ускользательный отъ свѣта, бросаемый молодыми лицами палисадника,—послѣ зноя, пыля,—все слилось передъ Порошинымъ во что-то свѣжее, ласкающее.

Онъ сдѣлалъ шагъ.

Старшая вздрогнула, открыла глаза.

Дѣвочка убѣжала со смѣхомъ. Юрій Николаевичу бросились въ глаза ея косы, длинная и туго заплетенная, коротенькое форменное платьѣ и тонкія козья ножки.

Женщина поднялась.

— Я желалъ бы записаться,—началъ Порошинъ, внимательно глядя на ея смуглое, удивительно красивое лицо.

И онъ ушелъ, унося съ собой «Ожерелье королевы» и, прочтя его въ одинъ вечеръ, на другой день пришелъ мѣнять книгу. И, несмотря на то, что было очевидно смѣшно, какъ онъ замѣтилъ, и матери, и дочери, что такой солидный человѣкъ съ просѣдой и бородой зачитывается романами, словно гимназистъ, онъ не могъ остановиться: Порошинъ влюбился въ Марію Александровну Маневскую, сейчасъ и безумно.

Знакомство ихъ завязалось чуть ли не съ первыхъ же дней. И спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда обомъ стало ясно, что такъ дальше не можетъ идти, что надо или разстаться, или сойтись, Марья Александровна смущенно, какъ дѣвочка, заговорила о будущемъ, о дѣлѣ Порошина, заставляющемъ его жить въ Москвѣ.

— Оно давно окончено,—отвѣтилъ Юрій Николаевичъ.

— Давно?..

Она вспыхнула.

— Значить, теперь скоро уѣдете?..

Онъ взялъ ея руку.

— Это зависитъ только отъ васъ... Что-бы я не уѣхалъ?..

Марья Александровна опустила голову, счастливая.

Черезъ два мѣсяца они обвѣнчались.

— Женился-таки на своей библиотечкаршѣ,—говорилъ хороший старинный другъ Юрія Николаевича, Лазовскій, ху-дожникъ, бывшій шаферомъ на свадьбѣ.

Да, эти два года, до того момента, когда явился этотъ человѣкъ, этотъ лакейчикъ, съ манерами парикмахера и смазливимъ лицомъ, ихъ Порошинъ никогда не забудетъ. Оного и никогда только не пойметъ онъ, тѣмъ могъ прельстить ее, такую умную, тонкую, прекрасную, какъ богиня, этотъ пошлякъ?

Цыганскими романсами?.. Complimentsами?..

Непостижимо дико и въ то же время ужасно своей голой правдой, въ которой она, пойманная мужемъ, даже не оправдывалась.

Впрочемъ, и оправдываться было невозможно.

Открытая измѣна жены случилась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы дочери Марьи Александровны, «Майна», какъ звали ее въ семьѣ за юность и свѣжесть, напоминавшія андерсеновскую «Дюймовочку».

Она вышла за Лазовскаго, не устоявшего передъ прелестною дѣвочкой. Молодые поселились отдѣльно.

Порошинъ любилъ падчерицу, какъ милого ребенка, но въ душѣ слегка равновѣсилъ ее къ женѣ и былъ отчасти доволенъ, когда остался одинъ съ Маріей Александровной.

Послѣдняя не бросила своего дѣла—библиотеки, и они остались на старой квартирѣ. Комната Майи была обращена въ спальню, а кабинетъ Юрія Николаевича устроили въ комнатѣ Марьи Александровны.

И вотъ, тутъ-то, послѣ двухлѣтняго счастья, яркаго, полного, явился этотъ господинъ, пѣкото Арсентій Ивановичъ Печеркинъ, случайно познакомившійся съ Порошинымъ на вечерѣ у Лазовскихъ.

И никогда никакого сомнѣнія въ душѣ, когда человѣкъ этотъ втерся въ домъ и сталъ бывать чуть не ежедневно, ничего, указывающаго на близость. Да и могъ ли Порошинъ заподозрить жену въ близости съ этимъ приказникомъ модной лавки...

Лакея, котораго гонимомъ за билетами въ театрѣ, образчиками...

И тѣмъ страшнѣе былъ ударъ.

Съ удивительной ясностью помнитъ онъ тотъ вечеръ, когда, вернувшись домой, и не найдя жены, Порошинъ въ этой ихъ общей комнатѣ, на коврѣ, у камина, увидѣлъ валявшуюся записку. Даже цвѣтъ ея, ярко-оранжевый, точно и сейчасъ передъ глазами. И уже хотѣлъ поднять и кинуть въ огонь, какъ соръ.

И не кинулъ. Слова мелькнули: «Дорогой Машутокъ! Котенокъ... Схожу съ ума... Когда твой уйдешь... Tout à toi... Печеркинъ».

Адресъ: Марія Александровна Порошинъ.

Онъ нехорошо помнитъ, что потомъ было. Должно быть, онъ кричалъ, рыдалъ отъ злости, обиды, тоски...

Когда вернулась она, было что-то ужасное...

Она не оправдывалась. И когда онъ, забывъ все, ударилъ ее письмомъ и, задрѣвъ глаза, она даже не подняла руку, хоть слезы градомъ текли по лицу.

Порошинъ выбѣжалъ, какъ безумный, не помня себя, очутился гдѣ-то въ номерѣ и въ ту же ночь уѣхалъ въ Петроградъ къ сестрѣ.

Варвара Николаевна Юрьева, вдова генерала, не любила раньше невѣстки, считала бракъ неровнымъ и была въ душѣ рада разрыву. Какъ женщина не глухая, она стала искать для брата утѣшенія въ горѣ и скоро нашла его въ лицѣ своей хорошей пріятельницы, Людмилы Орестовны Рузановой, вдовы, очень красивой, нѣсколько холодной и умной женщины, хорошаго тона и богатой.

Порошинъ сталъ бывать, въ концѣ концовъ привыкъ къ ея благоустроенному дому, спокойствію, немного на англійскій ладъ и какъ-то само собой вопросъ о женитьбѣ сдѣлался вполне понятенъ. Быть можетъ, тайная надежда уколотъ когда-то любимую женщину играла роль.

Порошинъ узналъ отъ Лазовскаго, заѣхавшаго въ Петроградъ, что Марья Александровна дѣла своего, библиотеки, не бросила. Лазовскій очень изумился разрыву. Впрочемъ, Юрій Николаевичъ послѣднѣе ушелъ отъ пріятеля.

Тяжело было.

И было еще тяжелѣе узнать изъ письма жены, что она не принимаетъ его помощи.

И то, что она такъ скоро согласилась на разводъ, указывало, какъ мало дорогъ для нея былъ мужъ.

Печеркинъ жилъ въ Москвѣ, вѣроятно, съ ней вмѣстѣ.

Порошинъ плохо спалъ ночь, и рано утромъ прѣбравъ въ Москву, побѣхалъ въ номеръ, взялъ ванну, и послѣ кофе отправился въ Е—скую больницу. День былъ знойный, какъ и день перваго знакомства Юрія Николаевича съ женой, и тяжелыя, грозовыя, грозоздкія облака бродили по небу.

«Отчего у меня замираетъ сердце и тоска? Вѣдь она чужая теперь для меня. Да и дѣйствительно ли еще при смерти? Вадоръ, можетъ быть...»—думалъ Порошинъ по дорогѣ въ больницу.

И самыя неожиданныя мысли, несмотря на тревожное состояніе, приходили въ его голову.

Прошли мимо похороны,—съ каретами, дребежащими вѣнками и лентами, говорящими о «скорби убитой супруги». И припоминался шутникъ дядя, неизмѣнно говорившій при видѣ покойника: «Слава Богу, что это не я».

И дѣлалось на минуту смѣшно.

Но сейчасъ смѣнялось уныніемъ.

Наконецъ, больница, старинное зданіе Екатерининскихъ временъ, облупившіяся мрачныя окна за оградой рѣшетки.

Порошинъ вошелъ.

Въ сводчатыхъ, темноватыхъ коридорахъ запахъ извѣстки и карболки говорилъ о тоскѣ болѣзни и смерти.

Часть былъ непріемный, и фельдшеръ пошелъ къ доктору за разрѣшеніемъ.

Въ ожиданіи Порошинъ присѣлъ на вытертый деревянный диванъ передъ образомъ съ лампадой.

И мысль о томъ, что онъ непремѣнно когда-нибудь умретъ и можетъ быть именно здѣсь, гдѣ-то въ палатѣ № 6, одиноко, вдали отъ людей и жизни, вдругъ ясно пришла на умъ.

Онъ всталъ, прошелся, закурилъ и глянулъ въ окно.

Солнце скрылось за темной тучей и въ открытую форточку пахнуло свѣжимъ вѣтромъ.

— Гроза... Это хорошо, освѣжаетъ,—подумалъ Юрій Николаевичъ.

По каменному полу послышались шаги: фельдшеръ вернулся съ позволеніемъ.

— Лѣтній баракъ. Палата № 6. Проводи барина.

Сидѣлка вышла изъ сосѣдней комнаты и повела Порошина.

Сердце опять сжало тоскливо. Садикъ, окружавшій лѣтній баракъ, былъ невеликъ. Трава росла странно густая, нетронутая, какъ всегда въ тѣняхъ сада. Посрединѣ росъ большой кустъ шивонника, весь покрытый цвѣтами.

— Сюда, пожалуйста... Онъ причащались сегодня,—сказала другая сидѣлка, пошептавшись съ той, что привела Порошина, и пошла впередъ, минуя сосѣднія палаты, гдѣ Юрій Николаевичъ замѣтилъ старуху, лежащую на спинѣ, и дѣвочку съ ясными веселыми глазами, очевидно, выздоравливающую.

Въ первую минуту Порошинъ не узналъ жены въ высохшей женщиной съ ввалившимся грудью и тонкими, словно цѣпки, руками.

При видѣ мужа, Марья Александровна сдѣлала попытку приподняться, но осталась лежать, очевидно, не имѣя силъ.

Сидѣлка подставила Порошину стулъ. Юрій Николаевичъ сѣлъ, не зная, что говорить, испытывая острое чувство жалости и неловкости.

— Получилъ... телеграму?.. Спасибо...—заговорила Марья Александровна странно чужимъ, слабымъ голосомъ.

— Да... какъ же... получилъ. Что такое?—отвѣтилъ Порошинъ, избѣгая мѣстоименій.

— Умираю... Чахотка скоротечная... Ну, да не въ томъ дѣло, а вотъ что... Я... да вели ей отойти,—нетерпѣливо сказала Порошина.

Женщина вышла въ коридоръ.

— Ну, а теперь наклонись... Вотъ

Награжденные за храбрость

Полковн. Н. В. Редзько.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

Капит. Б. Н. Вулчичичъ.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.
и Георгиевскимъ оружіемъ.

Подполн. В. И. Игнатьевъ.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.
и Георгиевскимъ оружіемъ.

Поручикъ Е. Н. Сумарононъ.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.
и Георгиевскимъ оружіемъ.

Поручикъ Б. В. Мостовой.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

такъ... Я хочу тебѣ сказать... Вчера при-
чашалась, такъ и батюшка совѣтуетъ...
Скрыть хотѣла, да ужъ очень тяжело...—
заговорила Марья Александровна.
— Да что именно?— съ трудомъ сдер-
живая волненіе, спросилъ Порошинъ,
избѣгая смотреть на жалкія высохшія
руки, которыя жена инстинктивнымъ
движеніемъ старалась скрыть, натягивая
узкія рукава грубой больничной кофты.
— А вотъ что... Видишь ли: тогда то
письмо... вѣдь оно... не мнѣ было написа-
но... Адресъ только... Не хотѣла говорить,
да ужъ гуда съ этой ложью уходить не хо-
чу...

Она смолкла на минуту.
Порошинъ сидѣлъ пораженный.
— Не тебѣ... Такъ кому же?— забы-
ваясь, почти крикнулъ онъ.
Марья Александровна молчала, тяжело
было.
Порошинъ взялъ ея холодную липкую
отъ пота руку и прижалъ къ губамъ.
Взглядомъ, полнымъ безконечной любви и
благодарности, она отвѣтила на его ласку
и, вдругъ приподнявшись послѣднимъ уси-
ліемъ, заговорила.
— Не мнѣ... Ей, Майѣ, дочери... Боже
мой милостивый!.. Какъ это случилось?..
Кляла ее, стыдила и ничего не могла
поддѣлать... «Мама! Я безъ любви вышла,
а теперь люблю»— одно говорила... А то
письмо, съ моимъ адресомъ, одно только и
было, да и его я не пердала, гадко стало
и имъ запретила на себя писать...

Она опять смолкла. Порошинъ поднял-
ся весь дрожа.
— Отчего же ты тогда мнѣ правды не
сказала? Зачѣмъ скрыла?— вырвалось у
него.

Онъ задыхался.
— Почему?.. Боялась. Тебя боялась, что
выдашь ее, несчастную, а тотъ мужъ, бро-
сить, убѣдить, быть можетъ... Любила вѣдь
я ея!.. Господи, какъ любила!.. Да и стыд-
но было за нее... А теперь... Вѣдь знаетъ,
что больна, что умираю, писала за грани-
цу, въ Венецію. Они оба съ мужемъ и тотъ
тамъ... И не ѣдетъ... не ѣдетъ. А вѣдь
я за нее всю... жизнь... всю жизнь отдала...
И, зарывавъ отчаяннымъ рыданіемъ, она
попалась на койку.
Черезъ нѣсколько минутъ качалась
агонія.

Прошло два года. Порошинъ не женил-
ся на Людмилѣ Орестовнѣ (онъ сейчасъ
же уѣхалъ послѣ похоронъ жены въ Ита-
лію). Во Флоренціи на улицѣ случайно
Юрій Николаевичъ встрѣтилъ Лазовскаго,
мужа падчерицы.

Послѣдній показался ему постарѣвшимъ, Марья Михайловна?— повторилъ вопросъ
словно пришибленнымъ, и мало походилъ Порошинъ, хлебнувъ изъ стакана.
на прежняго весельчака. Очевидно и рабо-
талось тоже неважно, хотя художникъ и
Лазовскій помолчалъ немного.
говорилъ о какой-то вакханкѣ. На вопросъ
— Одинъ, братъ... Бросила меня Марья
о жекѣ, онъ какъ-то замаялся и пригласилъ
Михайловна... Съ теноромъ итальянскимъ
пріятеля въ кафе.
сѣзкала... Да и не одинъ онъ былъ... Ну,
да что скрывать теперь, вѣдь я еще, когда
ока на шестой мѣсяцъ послѣ свадьбы измѣ-
нила мнѣ съ этимъ... Печеркинымъ, все
Друзья зашли и сѣли въ тѣнистый уго-
локъ садика.
Небольшой оркестръ игралъ вальсъ и зналъ, когда никто изъ васъ не подозрѣ-
вавъ этого; скрывалъ свои муки отъ сты-
— Такъ ты одинъ?.. А гдѣ же Майя? да за нее, да отъ жалости къ твоей женѣ...

вопросъ вѣдь такъ любить дочь, какъ она любила!..
Святая была... Не понимаю, почему вы
разошлись...
Лазовскій не договорилъ. Что-то похо-
жее на сдавленные стоны вырвалось изъ
груди Порошина.
Онъ порывисто поднялся съ мѣста и
вышелъ, не простившись, шатаясь, какъ
пьяный.
Звуки вальса, легкіе и точно насмѣшли-
вые, провожали его своей вѣжащей игри-
вой мелодіей.

Волчь.

РУКОВОДИТЕЛИ БОРЬБЫ СЪ ГЕРМАНИЕЙ НА ЕЯ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦѢ.

Слѣва направо: Альбертъ Тома—министръ снабженій во Франціи, сэръ Дугласъ Хэгъ—коман-
дующій британскими войсками во Фландріи, генералиссимусъ Жофръ и военный министръ Ан-
глии Ллойдъ Джорджъ.

Пѣсня ваятеля.

Вотъ лежитъ онъ—камень бѣлый—
Глыбой тяжелой, большой...
И стою я, оробѣлый,
Съ молчаливою душой.

Часть придетъ—и въ пропасть канетъ
То, что очи мнѣ туманитъ,
Чей-то призракъ свѣтлый встанетъ,
Жадно, дѣстро въ сердце взглянетъ
И захватитъ и потянетъ
Къ бѣлокаменной груди.

Ясный обликъ впередъ,
А въ рукахъ рѣзецъ и молотъ.
Утолю теперь я голодъ
Я ваятель, я творецъ,
Я съ бездушностью борецъ.

Въ камень бѣлый, въ камень горный,
Молчаливый, непокорный
Я влагаю трудъ упорный,
Я вонзаю острый, черный
Огневой рѣзецъ.

Подъ моею рукою смѣлой
Оживаетъ камень бѣлый,
Милый, близкій обликъ въ немъ.
То, что въ грезахъ колыхалось,
То, о чемъ давно вздыхалось
Въ ночь глухую, шумнымъ днемъ,
То теперь воскресло въ камнѣ...
И любима и близка мнѣ
Бѣлокаменная грудь.

Безъ мечты о воздаяннѣ
Я воздвигну изваянье
И гавѣки обяанье
Въ камень бѣлый я вложу
Я въ холодомъ камнѣ горномъ,
Молчаливомъ, непокорномъ,
Трепетъ жизни всколыхну.

А. Буракинъ.

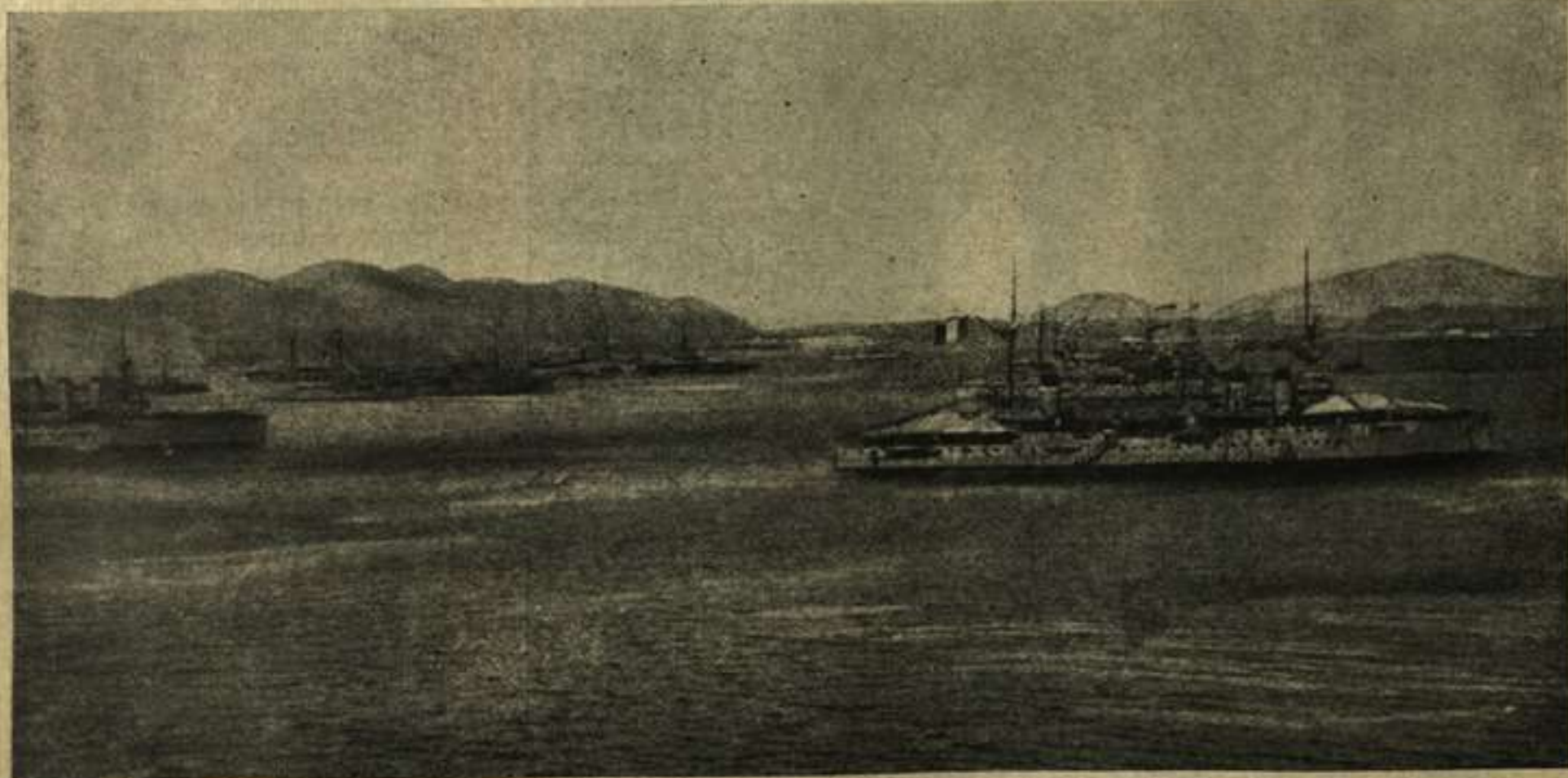

Русский отряд на фронте наших союзников. Молебенъ.

въ БУНАРЕСТЬ въ дни войны.

Устроительница лазаретовъ для Сербовъ леди Педжеть и румынский министръ Тане-Юнеско, издатель газеты «Voromanie», больше всѣхъ содѣйствовавшій выступленію Румыніи.

Эскадра союзниковъ въ виду Пирее у береговъ Греціи.

Литературныя замѣтки.

Революціонная накипь.

Изображеніе революціонной эпохи въ нашей беллетристикѣ прошло черезъ нѣсколько фазъ. Было время, когда беллетристы, выходя на страницахъ романовъ и повѣстей дѣятелей смутнаго времени, старались надѣлать ихъ качествами, свойственными развѣ только титанамъ или сверхчеловѣкамъ. Мы видѣли передъ собой людей, всецѣло поглощенныхъ одною идеей, готовыхъ ради нея на всякія жертвы, чуждыхъ всякихъ слабостей, отрекшихся отъ семьи, отъ женской любви, отъ всѣхъ удобствъ культурной жизни. Только спустя нѣкоторое время авторы набрались настолько смѣлости, что стали выводить революціонеровъ, обуреваемыхъ сомнѣніями, тщетно пытающихся разрѣшить задачу, дозволено ли, хотя бы во имя самой высокой идеи, проливать чужую кровь. Передъ нами прошелъ затѣмъ рядъ героевъ, страдавшихъ самою страшною для революціоннаго дѣятеля болѣзью, имя которой «упадокъ настроенія», а отсюда былъ уже одинъ шагъ до выведенія комическихкихъ фигуръ, порожденныхъ эпохою смуты. Рядъ такихъ фигуръ мы видѣли въ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ назадъ интересномъ сатирическомъ романѣ г-жи Генриэты Карграмъ «Коктатжуйская республика», но писательница ограничилась въ немъ изображеніемъ революціоннаго броженія на далекой окраинѣ, и читатель въ правѣ былъ думать, что герои «революціонной провинціи» ничего общаго не имѣютъ съ тѣми, которымъ приходится дѣйствовать непосредственно на глазахъ у генераловъ отъ революціи. «Маленькая буря» г. Б. Верхоустинскаго переноситъ

насъ въ центральную Россію. Характерно уже то, что движеніе, которое его вожаки считали потрясшимъ всю Россію, до самыхъ ее основъ, превратилось теперь просто въ «маленькую бурю». После же знаменитаго съ дѣйствующими лицами романа читатель не можетъ не придти къ убѣжденію, что почти всѣ они годятся въ герои не въ какомъ случаѣ не «трагедіи всемірной исторіи», а развѣ только кроваваго фарса. Самая героическая фигура — нѣкто Глухихъ, человѣкъ не говорящій, а вѣщающій коротенькими въ два-три слова фразами, или, какъ его характеризуетъ авторъ — «человѣкъ, говорящій точками». «Я искалъ. Мою добродѣтель». «Моя добродѣтель. Лежала въ волчьей ямѣ. Изъ нея сныны. Торчалъ окровавленный колъ». Въ противоположность этой пней въ мужскомъ облачій, приять-доцентъ Златоустовъ говоритъ достаточно складно для того, чтобы оправдывать свою фамилію, и имѣетъ на революціонныхъ митингахъ успѣхъ, но зато во время уличныхъ беспорядковъ, «схвативъ жену подмышки, прикрывается ею, какъ щитомъ, отъ жужжащихъ пуль». «Товарищъ Скарабей», съ «наполеоновскимъ вихромъ» на лбу, очевидно долженствующимъ служить доказательствомъ его энергіи, принимаетъ ее, чтобы насильно овладѣть зашедшею къ нему женою пріятеля, послѣ чего даетъ ей такое милое объясненіе своего поступка: «Обоимъ намъ было пріятно, а это самое главное. Я думаю, женщинамъ болѣе по вкусу, когда ихъ берутъ. Всѣ эти цирлихъ-манирлихъ — измышленія прогнившей въ порокахъ буржуазіи». Недурень и «товарищъ Сатана» изъ азіатовъ, похваляющійся, что, когда онъ былъ въ Турціи въ «четникахъ», онъ «тридцать сѣмь человекъ убилъ», что онъ рѣзалъ раненымъ врагамъ носы и губы, выкалывалъ глаза, при чемъ въ объясненіе всего этого лаконически восклицаетъ: «Масть!» Своимъ товарищамъ по революціонной работѣ Сатана «то предложить заняться изготовленіемъ фальшивыхъ монетъ, то разовѣсть проектъ воровской организаціи» и, въ концѣ концовъ, ему удается-таки организовать «коллективъ прямого воздѣйствія», совершающій въ короткое время рядъ выходящихъ изъ ряду вонъ по дерзости убійствъ и грабежей. На ряду съ этими главными персонажами, авторъ выводитъ множество второстепенныхъ, образующихъ какъ бы фонъ картины. — Еврей-миліонеръ Гафтъ устраиваетъ, въ угоду

Румынская королева Елизавета въ національномъ румынскомъ костюмѣ.

дочери, въ «дискусіонистахъ» сатирически участвуетъ участница порубашечки, гордо куда мнѣ не поучаетъ а фобъ: люди. Но я предъ юмъ, какъ есть создана

ВЪ РУМЫНИИ. — Здание агентства Русскаго Дунайскаго пароходства въ г. Рени. Здание это, какъ и небольшая церковь рядомъ, построено въ русскомъ стилѣ православныхъ церквей.

дочери, въ своемъ великолѣпномъ особнякѣ «дискуссионный вечеръ» съ участіемъ представителей пролетариата. Авторъ нѣсколькими сатирическими штрихами обрисовываетъ участниковъ вечера: какой-то «чернорубашечникъ», нарочно плюющій на паркетъ, гордо заявляетъ: «Я плюю туда, куда мнѣ нравится!»; анархистъ-портной

Хотя дневникъ героини начинается младаучаетъ аудиторію: «я конечно не юдо-децскими воспоминаніями: «мнѣ два года, но скучнымъ дѣтскимъ годамъ въ книжкѣ мѣста отведено немного. Уже на восьмомъ, какъ средствомъ. Духъ разрушенія мой есть созидаящій духъ!» Въ общемъ передъ

читателемъ проходитъ не особенно привлекательная картина, рисующая изнанку революціоннаго движенія.

Донъ-Жуанъ въ юбкѣ.

10-нѣ.

ка!» Петенька, впрочемъ, достаточно трусливъ и неподатливъ, а потому, признавая вполне законной такую осторожность и нѣсколько на нее не обижаясь, героиня продолжаетъ: «Ты боишься, Петенька, быть первымъ? будь, въ такомъ случаѣ, вторымъ». Перега она немедленно же находитъ около въ лицѣ мѣлѣ зараженнаго предрасудками и болѣе смѣлаго Володи.

Таково вступленіе въ жизнь ведущей своей откровенный дневникъ героини, которую описываетъ г-жа Ольга Линдъ. Книга называется «Въ поискахъ принца», и цѣль, очевидно, оправдываетъ средства, какъ и въ судьбѣ знаменитаго Донъ-Жуана, такъ опредѣляемой словами Сатаны у гр. Алексѣя Толстого:

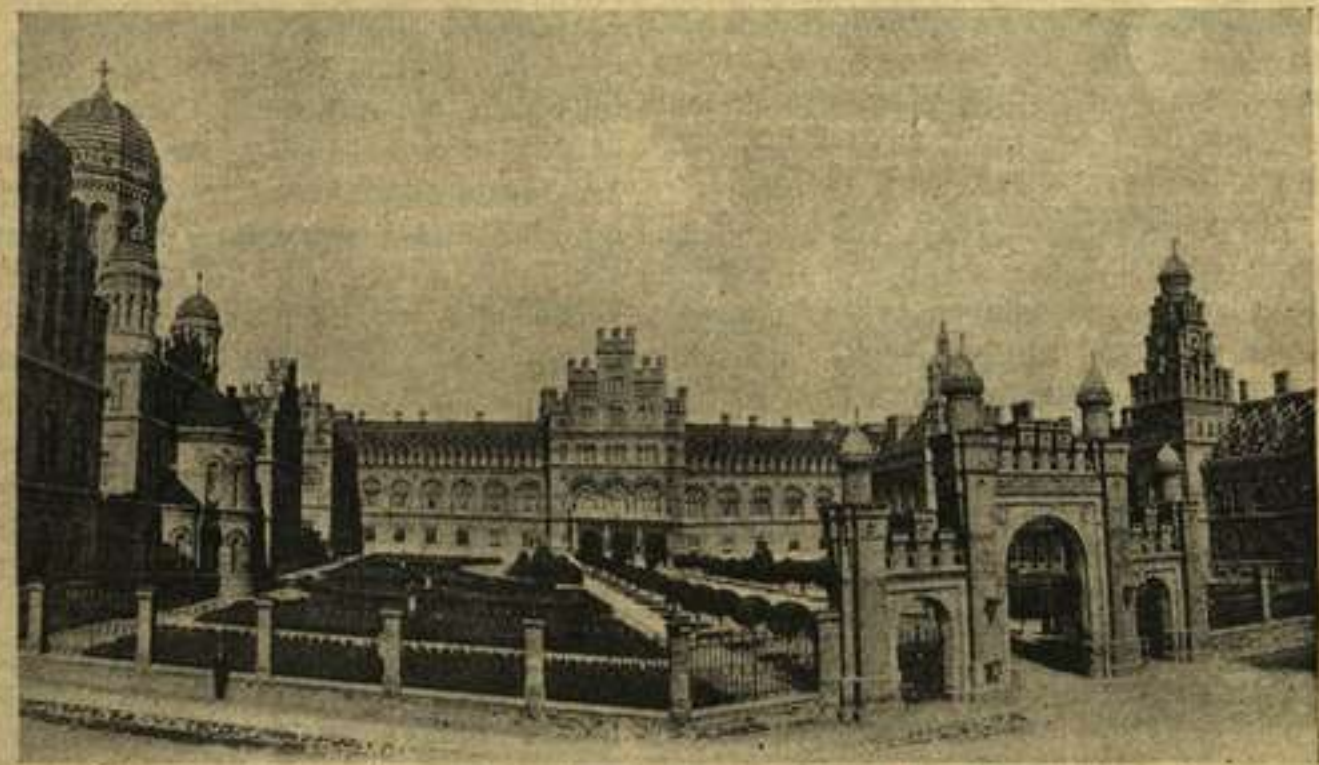
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловить съ вѣчной жадной Все новый идеалъ въ объятыхъ дѣвѣ каждой!

Православный соборъ въ г. Сибинѣ (по-румынски Сибіу, по-нѣмцами Германштадтъ). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города происходятъ бои за обладаніе этой столицей Трансильваніи.

Подполковникъ Георгій ннн. Зубовъ. Награжденъ: 1) орденомъ св. Георгія 4 ст., за извѣстную конную атаку: командиръ боевой части полка, первымъ вступилъ въ 3 линии густыхъ цѣпей наступающихъ 2 венгерскихъ полковъ, при чемъ «наша часть» переколела болѣе двухъ ротъ (до 500 Мадьяръ), захвативъ плѣнныхъ, чѣмъ и остановила наступленіе противника. 2) георгіевскимъ орденомъ за то, что, командуя боевымъ участкомъ (сапѣнными эскадронами) въ бою у дер. С. иди впереди своихъ гусаръ и ободривъ ихъ личнымъ примѣромъ мужества, подъ губительнымъ огнемъ противника, первымъ ворвался съ крикомъ «ура» въ неприятельскій окопъ и, не взирая на то, что былъ самъ раненъ, выбилъ противника изъ трехъ рядовъ сильно укрѣпленныхъ искусственными препятствіями окоповъ и обратилъ его въ бѣгство. Не взирая на страданія отъ ранъ остался въ строю, пока его гусары не были сбиты другими частями.

Богословскій факультетъ въ Черновцахъ, столицѣ «Зеленой Руси». Разсадникъ православныхъ наукъ не только для Австро-Венгрии, но и для балканскаго полуострова.

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ уже не о принцѣ, приходится заплатить солидный дѣвухъ, и соответствующій донъ-жуанскій кушъ отступного за свободу.

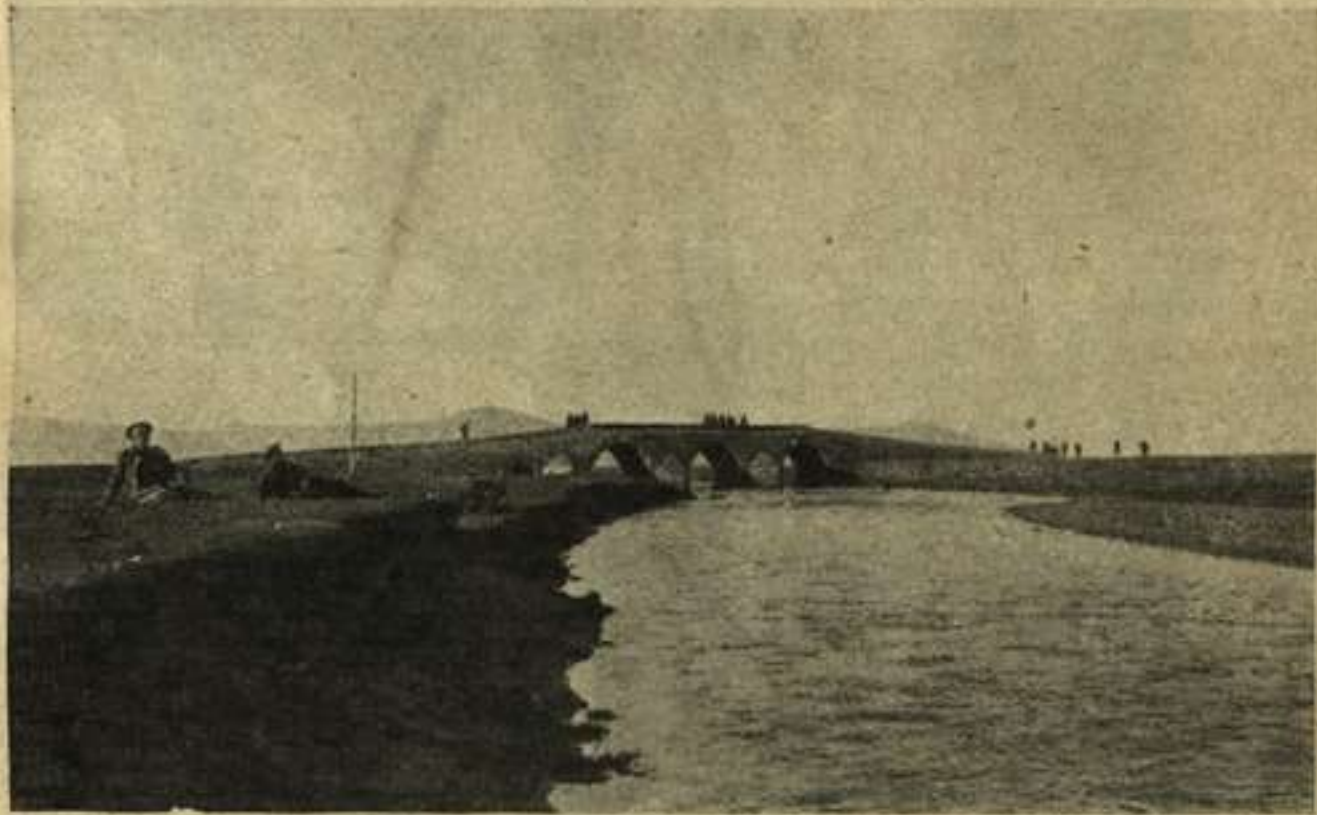
Героиня возвращается въ Россію продолжать свои поиски. Здѣсь она выходитъ замужъ за нѣкоего Никъ-Ника, который, впрочемъ, ей представляется принцемъ только съ одной стороны—со стороны духовной. Но Никъ-Никъ за то ровно ничего

* Ольга Линдъ. «Въ поискахъ принца». Романъ. Книгоиздательство «Альбионъ». Цѣна 2 руб. Стр. 208.

въ нашихъ новыхъ азиатскихъ владѣнйяхъ.

Городъ Платана на южномъ побережьи Чернаго моря. Расположенъ на крутыхъ горахъ въ чрезвычайной живописной мѣстности и извѣстенъ своею гаванью, куда во время бури уходитъ суда на стоянку изъ Трапезунда.

Мостъ черезъ рѣку Пулуръ Чай у селенія Илдиски.

не имѣть противъ ея дальнѣйшихъ донъ-мана этого ожидать пельзы, но въ концѣ жуанскихъ походовъ. Онъ даже самъ ихъ концовъ оказывается, что сказочный съ удовольствіемъ мотивируетъ: «Ты изъ принца въ немъ какъ будто бы найдешь тѣхъ, которыхъ не уложишь ни въ какія Героинѣ тридцать лѣтъ, и книга кончается рамки, ни въ какой установленный для себя словами дневника: «Я счастлива, въ обычныхъ людей трафаретъ. У тебя страстная душа и страстное тѣло. Его желанія стихійны, и бороться съ ними бесполезно». встрѣчались и раньше, да и по самому Чтo и говорить,—муженекъ удобный...

Неудивительно поэтому, что при такой принципиальной поддержкѣ мужа героиня сомнѣніе: а что, если-бъ книга тутъ не окончательна перестаетъ стѣсняться. Се-кончилась? вѣдь героиня измѣнила бы годна Максимъ, завтра Борисъ, послѣзавтра Костя,—у каждого есть свои достоинства, свои притягательныя силы, оправдывающія записи дневника: «я уступила», «напѣлъ вихрь», «живу въ грѣшномъ снѣ» и т. п. Въ концѣ концовъ, все-таки Никъ-Никъ оказался ненужнымъ, и съ Костей она уѣзжаетъ.

Но ненадолго и это: Костя не принцъ, а негодий. Онъ хочетъ жениться на богатой, а у героини деньги уже почти растаяли. Появляется поэтому въ дневникъ новое имя,—какой-то сосѣдъ Михайловъ, въ одинъ прекрасный вечеръ вызванный запиской, и первая свѣдѣнія о немъ таковы: «Я сдѣлаю его своимъ любовникомъ, чтобы Константинъ не воображалъ... Какъ любовникъ, женщинамъ онъ долженъ правиться»...

Михайловъ играетъ, впрочемъ, роль незначительную, и даже въ дневникъ ему не дается никакихъ уменьшительныхъ именъ,—онъ такъ и идетъ подъ одной фамиліей. Его смѣняетъ Александръ Николаевичъ или Аля. По началу новаго ро-

И только радостныя мгновенія любви хочетъ она дать своимъ избранникамъ, никогда любовью требовательную, унылую, ревниво-навязчивую. Она глубоко и искренно не понимаетъ женщинъ, преслѣдующихъ ревностью: «любимаго человека не терзаетъ, его не обливаютъ грязью, не выводятъ изъ себя, не лишаютъ покоя, сна, аппетита... Не доводить до эксцессовъ, до состоянія невѣроятности!»

Писательницѣ хотѣлось сдѣлать, вопреки общепринятымъ оцѣнкамъ, симпатичной свою героиню,—и это ей вполне удалось. Типъ женщины-донъ-Жуана ищущей принца, вышелъ у нея такимъ же симпатичнымъ, какъ и типъ Донъ-Жуана, мужчины-идеалиста, у Алексѣя Толстого.

Р.—ъ.

Пѣсни гусара.

Это современный Денисъ Давыдовъ,—то лихое, веселое воспріятіе невзгодъ и приключеній боевой жизни, которое отдаетъ беззаботной удалью дѣдовъ. Маленькая книжка-сборникъ стихотвореній—тѣмъ и характерна среди массы другихъ, посвященныхъ нашей однообразной «машинной» войнѣ: это, какъ вдругъ мелькнувшій пестрый гусарскій мундиръ того дѣдовскаго прошлаго среди одноцвѣтныхъ современныхъ «хаки». Да и самое ея названіе «Кавалерійскія побѣды» приходится понимать въ этомъ старогусарскомъ, Давыдовскомъ смыслѣ:

Гусаръ—гроза своихъ враговъ,
Гусаръ—любимецъ женъ прекрасныхъ!

Есть и еще очень характерное въ книгѣ, если сравнить съ болѣе обычными нашими стихотвореніями на темы войны,—это отсутствіе торжественнаго пафоса и всякой нарочитой выдумки. Свои боевыя впечатлѣнія новый поэтъ-гусаръ не сортируетъ по рубрикамъ: вотъ это, молъ, достойно моего вниманія, а это сюжетенъ для книги неподходящій, недостаточно книжный и серьезный. Все годится, если складно и ловко сказано. Совсѣмъ по-Давыдовски:

Попавъ поутру въ голенище,
Скончалась къ вечеру блоха.
Должно быть, перемена въ лицѣ
Была причиною грѣха...

Авторъ съ такой беззаботностью раскидываетъ эти свои шутки и такъ непосредственно игриво воспринимаетъ каждую мелочь походной жизни, что дѣйствительно вѣршишь его словамъ:

Ахъ, Боже мой, вѣдь это всѣмъ извѣстно,
Что весело гусару на войнѣ!

Опасности и неудобства, и вѣчныя передвиженія со случайными ночлегами и мимолетными встрѣчами,—вся эта азартно разнообразная сторона войны—это его стихія. Но когда приходится попасть въ обстановку современныхъ траншей, душа кавалериста страдаетъ:

Охъ, надо-бъ сидѣть мнѣ въ мокромъ
и грязномъ окопѣ...
Нѣтъ! неприлично гусару вѣхотное тяжкое дѣло...

За то съ какой любовью онъ говоритъ о своихъ ночлегахъ въ лѣсу, какъ подлинно чувствуетъ ихъ поэзію:

Ночлеги подъ влажною сосною
И чай изъ котелка.
Проказы въ тишинѣ лѣсной
Ночного вѣтерка.
Спокойный и усердный хрустъ
Жующаго коня.
Развѣсистый и сочный кустъ,
Скрывающій меня.

Онъ любитъ природу—этотъ поэтъ-гусаръ, и любить пороховой дымъ, и живо и радостно воспринимаетъ всѣ быгущія на встрѣчу впечатлѣнія своихъ «кавалерійскихъ побѣдъ»:

Вдалекѣ голубоваты,
Мокли старыя Карпаты.

* Клементій Бутковскій. Кавалерійскія побѣды. Стихи. Книгоиздательство «Омфалосъ». Петроградъ. Цѣна 80 к. Стр. 44.

Николай Филиппеско, бывший румынскій военный министръ, содѣйствовавшій выступленію Румыніи на сторонѣ Россіи и союзниковъ. † 1 октября 1916 года.

Санокъ вѣжнмъ силуэтомъ
Былъ красивѣе, чѣмъ лѣтомъ.
Но была красивѣй Санка
Панна Стефа, Галичанка...

А вотъ отрывокъ, уже впрямъ изъ Дениса Давыдова, точно намѣренное подражаніе, точно вызовъ знаменитому партизану, пѣвцу гусарской лихости:

Усы, отросшіе въ походѣ
И порывшіе въ дымъ,
Я подстригу, согласно модѣ,
Нафабри, кверху подыму...
Узрять испуганные дѣды
Изъ золоченыхъ тусклыхъ рамъ
Кавалерійскія побѣды
Надъ доблестью пѣхотныхъ дамъ

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, вполне достаточно, чтобы ясно увидѣть извѣстную оригинальность этого маленькаго сборника въ длинномъ ряду другихъ, посвященныхъ великой войнѣ.

В. О.

Два взора.

Въ твоёмъ лучистомъ, свѣтломъ взорѣ
Мнѣ небо чудится порой—
Въ его сафировомъ уборѣ,
Съ его прозрачной глубиной.
И какъ за твердью безмятежной,
За мглой лазоревыхъ завѣсъ,
Сокрытъ навѣрно міръ безбрежный
Еще невѣдомыхъ чудесъ,—
Такъ иногда твой взглядъ случайный
Въ своемъ мерцаньи голубомъ

Старшій сынъ англійскаго премьеръ-министра лейтенантъ Раймондъ Асхитъ, погибшій смертью храбрыхъ во Фландріи.

Павшие смертью храбрыхъ.

Полковн. В. С. Чайно.

Шт.-нап. А. П. Бобровъ.

Ротм. С. С. Тальковский.

Вольноопр. Ф. С. Строгановъ.

Поручикъ Г. С. Лисуновъ.
Предст. къ орд. св. Георгія 4 ст.

Хранить невѣдомыя тайны
За этимъ видимымъ стекломъ...

Въ твоёмъ горячемъ пылкомъ взорѣ,
Блещущемъ страстью роковой,
Я вижу бѣшеное море
Съ его опасной глубиной...
И какъ въ томъ морѣ ураганомъ,
Подъ лѣной яростныхъ зыбей,—
На днѣ невѣдомо туманномъ
Лежатъ обломки кораблей.—
Такъ взглядъ твой, полный самовластья,
Таитъ въ мерцаньи рокового
Грозу разрушеннаго счастья
И сытость страшнымъ торжествомъ...

Г. Лагодинъ.

Резеда.

Грустная, забыта, бѣлая перчатка...
На градахъ поблекла блѣдно резеда...
Наши чувства были просто—опечатка,
Знаю, не вернетесь больше никогда.

Золотится воздухъ подъ осеннимъ солн-
цемъ:

Резеда увяла, какъ моя любовь,
А подъ строго-темнымъ сѣрѣчатымъ
оконцемъ
улицамъ столицы, но особенно привле-
кало его зданіе Вестминстера—парламен-
та. Онъ до сихъ поръ часто воспомина-
еть, какъ, будучи школьникомъ, приѣз-
жалъ и подолгу караулил у дверей,
чтобы присутствовать при разѣздѣ ми-
нистровъ, которые казались ему како-
ми-то совѣмъ особыми, необыкновен-
ными людьми. Спортсмъ Асквиль зани-
мался сравнительно мало, но зато очень
любилъ театръ.

Я теперь спокойна, прошлое забыто,
А въ альбомѣ старомъ сохнетъ резеда;
Темное окошко наглухо закрыто...
Вы вѣдь не придете больше никогда?

Татьяна Остроумова.

Подпоручикъ А. А. Богословскій.
Скончался отъ контузіи.

Портреты современныхъ политиче- скихъ дѣятелей.

Асквиль, премьеръ-министръ Великобританіи.

Руководить судьбами своей родины въ
самый трудный и критическій моментъ
ея существованія—задача далеко не
легкая, но наши союзники Англичане
полны довѣрія къ таланту, уму и
такту нынѣшняго своего премьеръ-ми-
нистра Асквила. Асквиль заслужилъ это
довѣріе не только всей предыдущей сво-
ей дѣятельностью, но и той рѣшимостью
и энергіей, которая онъ проявилъ за по-
слѣдніе два года небывалой войны.
Судьба страны въ рукахъ опытнаго,
испытаннаго государственнаго человѣка,
и горячаго патріота.

Гербертъ-Генри Асквиль родился въ
Йоркширѣ 12 сентября 1852 года. Дѣдь его
основалъ тамъ большое дѣло, фабрику
шерстяныхъ издѣлій, и отецъ его также
посвятилъ всю свою жизнь этой фабри-
кѣ. Отецъ Асквила умеръ совѣмъ моло-
дымъ, когда сыну было всего восемь
лѣтъ, и ребенка отправили къ одному
родственнику въ Лондонъ. Юный Гер-
бертъ сталъ посѣщать лондонскую горо-
дскую школу и, несмотря на его моло-
дость, уже въ то время учителя и то-
варищи обратили вниманіе на рѣдкій
даръ слова у этого мальчика. Послѣ уро-
ковъ онъ любилъ бродить по шумнымъ
улицамъ столицы, но особенно привле-
кало его зданіе Вестминстера—парламен-
та. Онъ до сихъ поръ часто воспомина-
еть, какъ, будучи школьникомъ, приѣз-
жалъ и подолгу караулил у дверей,
чтобы присутствовать при разѣздѣ ми-
нистровъ, которые казались ему како-
ми-то совѣмъ особыми, необыкновен-
ными людьми. Спортсмъ Асквиль зани-
мался сравнительно мало, но зато очень
любилъ театръ.

Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ
знаменитый Оксфордскій университетъ,
и тамъ, также какъ и въ школѣ, обрати-
ли вниманіе на изумительное краснорѣ-
чіе юноши. Это былъ настоящій Божій
даръ. Обратилъ на это вниманіе и самъ
Асквиль и занялся специально усовер-
шенствованіемъ этого таланта. Черезъ
четыре года, по выходѣ изъ Оксфорда,
онъ поступилъ воспитателемъ къ моло-
дому лорду Лимингтону, который те-
перь, ставши лордомъ Портсмутскимъ,
засѣдаетъ въ палатѣ лордовъ. Но роль
учителя не понравилась Асквиль, и че-
резъ шесть мѣсяцевъ онъ бросилъ мѣ-
сто и сталъ изучать юридическія науки.
Въ 1876 году онъ сдалъ экзаменъ и былъ
принятъ въ составъ лондонской адвока-
туры.

Но счастье не улыбалось молодому
адвокату: дѣлъ поступало очень мало,
заработокъ былъ ничтожный, къ тому
же онъ женился, и черезъ нѣсколько
лѣтъ былъ принужденъ содержать пять
человѣкъ дѣтей. Еле-еле сводя концы съ
концами, жилъ онъ въ то время болѣе,
стикулируетъ. Вся его сила заключает-

сь въ скромно, въ очень отдаленномъ,
тихомъ кварталѣ Лондона. Въ продол-
женіе цѣлыхъ десяти лѣтъ онъ пребы-
валъ въ полной неизвѣстности, трудно
было бы тогда допустить, что человѣкъ
этотъ займетъ первое послѣ короля мѣ-
сто въ Великобританіи. Но Асквиль не
принадлежалъ къ числу слабыхъ, па-
дающихъ духомъ людей,—онъ брался
за всякое дѣло, какое только попада-
лось. Занимаясь онъ, между прочимъ, жур-
налистикой и, кромѣ того, сталъ читать
лекціи по всевозможнымъ вопросамъ.
Чтеніе это приучило его къ публичнымъ
выступленіямъ, еще усовершенствовалъ
и безъ того блестящія ораторскія спо-
собности. Имя лектора стало популяр-
нымъ. Вскорѣ его пригласили быть
юрисконсультомъ газеты «Times», и
онъ выступилъ съ большимъ успѣхомъ
въ нѣсколькихъ громкихъ процессахъ.
Успѣхъ этотъ окрылялъ Асквила,—онъ
рѣшилъ заняться политической дѣятель-
ностью, и при созданной уже популяр-
ности, легко добился избранія въ пар-
ламентъ.

24 марта 1887 года онъ произнесъ пер-
вую большую рѣчь въ палатѣ общинъ.
Рѣчь обратила вниманіе всей страны, и
знаменитый Чемберленъ тогда же пред-
сказалъ молодому депутату большую
будущность. Дѣйствительно, уже въ 1892
году Гладстонъ пригласилъ Асквила на
постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Пер-
вая его жена къ тому времени уже скон-
чалась, и онъ женился вторично на до-
чери крупнаго промышленника Теннан-
та. Тенперешняя мистрисъ Асквиль еще
дѣвухой отличалась очень серьезнымъ,
вдумчивымъ характеромъ,—самъ Глад-
стонъ, встрѣчаясь съ нею въ обществѣ,
любилъ вести разговоръ на политиче-
скія темы,—и немудрено поэтому, что
она сдѣлалась ближайшей помощницей
своего знаменитаго мужа. Когда, вскорѣ
послѣ ухода Гладстона, партія либера-
ловъ, къ которой принадлежалъ Асквиль,
потерпѣла крушеніе на выборахъ,
Асквиль снова вернулся къ адвокатурѣ,
но заработокъ бывшаго министра дости-
галъ уже 50 тысячъ въ годъ, и имя его
гремѣло по всей странѣ.

Въ апрѣлѣ 1908 года король Эду-
ардъ VII вызвалъ Асквила въ Біарицъ,
гдѣ лечился, и предложилъ ему сформиро-
вать кабинетъ. Асквиль согласился,
и тогда же пригласилъ на постъ мини-
стра финансовъ Ллойдъ-Джорджа. Вся
его дѣятельность въ качествѣ премьеръ-
министра протекла среди безконечныхъ
трудностей, въ обстановкѣ вражды и борь-
сы партией унионистовъ. Передъ самой
войной событія въ Ирландіи едва не за-
ставили его покинуть свой постъ. Но во
всѣхъ трудныхъ моментахъ его жизни
на помощь ему приходилъ его спокой-
ный, уравновѣшенный характеръ. Спо-
койствиемъ своимъ онъ импонируетъ не
только отдѣльнымъ собесѣдникамъ, но
и всему парламенту: Асквиль никогда
человѣкъ дѣтей. Еле-еле сводя концы съ
концами, жилъ онъ въ то время болѣе,
стикулируетъ. Вся его сила заключает-

Поручикъ Н. А. Бахмутовъ.
Военный летчикъ гвард. Авиацион. отряда,
разбившійся на смерть при паденіи аэро-
плана.

ся въ интонаціяхъ голоса и необычайно
мѣткихъ словахъ короткой, выразитель-
ной рѣчи.

Работаетъ онъ замѣчательно быстро,
и въ нѣсколько часовъ успѣваетъ сдѣ-
лать работу, которой хватало бы на цѣ-
лый день. Онъ врагъ почныхъ занятій,
и всегда высказывается противъ назна-
ченія позднихъ засѣданій въ парламен-
тѣ. Къ девяти часамъ вечера Асквиль
прѣзжаетъ домой для обѣда и любитъ
весь остатокъ вечера проводить въ кру-
гу семьи, отрѣшавшись отъ всѣхъ заботъ
и волненій. Событія европейской войны
даютъ, впрочемъ, не мало поводовъ для
такихъ волненій и безпокойствъ, и пуж-
на особая уравновѣшенность натуры, что-
бы справиться съ ними и сохранить ду-
шевное равновѣсіе. На дняхъ Асквиль
перенесъ величайшее горе въ своей жи-
зни: убитъ во Фландріи его старшій сынъ,
(см. портретъ на 10 стр.), сражав-
шійся вмѣстѣ со своимъ братомъ за
честь и свободу родины. Но личное по-
счастье только укрѣпило желѣзную рѣ-
шимость этого государственнаго дѣяте-
ля, его непреклонную волю сокрушить
ненавистную Германію. Вильгельмъ и
Иѣмцы хорошо знаютъ, что въ лицѣ
Асквила они имѣютъ заклятаго врага,—
поэтому-то въ Германіи не прекращаютъ
жестокія, но безсильныя нападки на
этого человѣка какъ въ рейхстагѣ, такъ
и въ повседневной печати.

Редакторъ М. Н. Мазазевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

Тѣнь „Второй имперіи“.

Вотъ уже который годъ обыватели одного изъ крохотныхъ англійскихъ городковъ, полныхъ тихаго уюта и строгаго комфорта, привыкли почтительно привѣтствовать на улицѣ—скорѣе парковой аллеи—старую даму, совершающую свою обычную прогулку.

Мелкими шажками, подавшись подъ напоромъ видимо многихъ десятилѣтій, идетъ она въ сопровожденіи столь же почтенной старушки и болѣе чѣмъ пожилого господина. Она вся въ траурѣ, вся подернута налетомъ давнишней грусти, уже отвыкнувшей отъ словъ и замкнувшейся въ скорбной складкѣ губъ. Ея витѣнный обликъ, костюмъ, манеры, отдають—такъ кажется—молчаливымъ протестомъ противъ духа и стили времени, напоминая прекрасно когда-то выполненный, теперь уже поблекшій дагерротипъ хорошаго мастера. Хочется, глядя на нее, вывѣять представленіе о мило-чопорныхъ вкусахъ нашихъ бабушекъ, хочется, мимолетно встрѣтившись съ нею, поскорѣе забѣжать въ букинисту и попросить альбомчикъ Гаварни.

О красотѣ ея былой молодости можно догадаться по надломленому, но далеко не обезображенному рисунку старческаго лица. А полный достоинства—иногда величія—наклонъ ея головы, отвѣчающій на святую передъ ней шляпу, тоже скромно-краснорѣчивъ. Онъ говоритъ о высокихъ старомодныхъ трюмо, долго помогавшихъ при изученіи каждаго жеста, въ немъ видится отраженіе большихъ залъ, парадныхъ приемовъ, эффектныхъ выходовъ, онъ тщательно бережетъ умѣние дѣйствовать на толпу всеми отбѣнками благоволенія и горделивой сдержанности...

Въ поздній вечерній часъ скромный провинціальный коттеджъ, гдѣ доживаетъ свою долгую жизнь старая дама, покорно отходитъ подъ непреодолимую, чарующую власть воспоминаній далекаго прошлаго.

Оживаютъ выцвѣтшіе портреты на стѣнахъ комнаты, озаряется улыбкою лицо много лѣтъ назадъ соннаго въ могилу императора Наполеона III, и въ мягкомъ полумракѣ загорается огнемъ золотой сувениръ русскаго государя, поднесенный царственнымъ рыцаремъ въ одну изъ хорошихъ памятныхъ тюльрійскихъ бесѣдъ. Стѣны домика словно раздвигаются въширь и въглубь, неслышно выплываютъ амфилады дворцовыхъ покоевъ, наполненныхъ группами статсъ-дамъ въ кринолинахъ и камергеровъ въ раззолоченныхъ мундирахъ, всюду утонченная французская рѣчь, дипломаты всѣхъ державъ, преданные лица маршаловъ Второй имперіи, и посреди ихъ невысокій человекъ, съ стрѣлкою закрученными усами, подъ руку съ очаровательною красавицею, отъ которой трудно отвести глаза.

Потомъ налетаетъ какой-то туманъ, и сквозь его тающую въ воздухѣ дымку грознымъ строемъ выдвигаются противныя остроконечныя каски, сѣрая шинели, налитыя шепъ, грубые голоса, сливающиеся въ ровъ пушечныхъ залповъ. Въместо залитыхъ свѣтомъ огромныхъ комнатъ, гдѣ такъ торжественно и пышно, маленькая наемная карета, запряженная парой плохенькихъ лошадокъ, спѣшный отъѣздъ куда-то по темнымъ улицамъ, тѣсная пароводная каюта, путь черезъ Ламаншъ и безконечные въ своемъ образѣ дни уединеннаго прозябанія вдали отъ родины и Франціи.

Все тѣнно и преходяще въ этомъ невѣроятномъ мѣрѣ, и кому лучше, какъ не

Рѣдкій фотографическій снимокъ, момента взрыва германской мины загражденія за кормомъ у нашего тральщика.

Мина взорвалась при уборкѣ трала во время уничтоженія неприятельскаго миннаго загражденія. На тральщикѣ поврежденій не было, и только огромный столбъ воды, поднятой взрывомъ мины, рухнулъ съ громадной высоты на палубу и чуть не снесъ за бортъ людей, находившихся въ то время на палубѣ.

бывшей императрицѣ Евгени, зная не-шисъ въ складкахъ своего длиннаго надежностью судебъ человѣческихъ съ ихъ платьемъ, то на обыкновенно безстрастномъ стихійными порывами, равно губитель-лицѣ царственнаго хозяина отразилось ныхъ на всѣхъ ступеняхъ бытія? такое сильное и искреннее чувство без-

Когда однажды, въ декабрѣ 1852 г., покойства, что оно послужило для мно-во время одного изъ «малыхъ» баловъ гнѣхъ проищательныхъ людей, находив-при дворѣ новой имперіи, танцовавшая шихся при этой сценѣ, прямиымъ поясне-графиня Евгени Монтихо упала, запутав-ніемъ характера и глубины волновавшихъ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГРЕЦІИ.

Толпа сторонниковъ Венизелоса на улицахъ Салоникъ.

его чувствъ. А букетъ изъ фиалокъ, предложенный потомъ императоромъ юной восхитительной испанкѣ, подчеркнул остальное.

Новость очень скоро разошлась по Парижу и была принята различно. Высшее общество, легитимисты и орлеанисты съѣзжались и изощрялись въ каламбурахъ. Изумленная буржуазія, особенно строгая въ вопросахъ увлеченія, глухо ворчала и обвинялась замѣчаніями, далеко не лишеными недоброжелательности. Самъ же виновникъ всѣхъ пересудовъ хладнокровно замѣтилъ кому-то изъ своихъ приближенныхъ, что красота является въ его глазахъ важнѣйшимъ и самымъ убѣдительнымъ достоинствомъ женщины.

Осуществленіе matrimonіальныхъ плановъ императора шло быстрымъ темпомъ, и 29 января 1853 г. сохранившійся въ государственныхъ архивахъ Франціи отъ времени великаго Наполеона списокъ членовъ императорской фамилии пополненъ новою записью. На его страницѣ, вѣдь за актомъ объ усыновленіи Наполеономъ I Евгения Богарнѣ, сына Жозефины, и протоколомъ о рожденіи короля римскаго, былъ внесенъ актъ, освятившій брачный союзъ Наполеона III съ графиней Монтихо.

Вся брачная церемонія была совершена въ полнѣйшемъ соответствіи бракосочетанію Наполеона I съ Маріею-Луизою Габсбургскою. Даже число придворныхъ каретъ и порядокъ ихъ слѣдованія были тѣ же. Кортѣжъ дѣйствительно произвелъ впечатлѣніе своею пышностью. Огромныя толпы окружали шествіе и искренно восхищались чертами прекрасной чужеземки, успѣвшей внушить императору его непреклонное рѣшеніе.

Новая императорская чета была встрѣчена коронованною Европою довольно-таки холодно. Великосвѣтскіе генеалогіи прекрасно знали, что мать новой императрицы, вышедшая въ свое время какъ-то «экспромтомъ» за испанскаго аристократа, была по рожденію дочерью самаго обыкновеннаго англійскаго чиновника Киркъ-Патрика, служившаго консуломъ въ одномъ изъ испанскихъ портовыхъ городовъ. За англійскую кровь вступилось британское самолюбіе, и визитъ королевы Викторіи въ Парижъ какъ бы санкціонировалъ новую странячку Готскаго альманаха, введя госпожу Монтихо въ тѣсный кругъ вѣнценосныхъ особъ. Надо отдать справедливость императрицѣ Евгени и ея безспорнѣйшему вкусу: приемъ, оказанный королеви и проведенный по плану тюльрійской хозяйки, былъ восхитителенъ и пріятно изумилъ гостей своею изящною прелестью. Особенно эффектнымъ вышелъ балъ, инсценированный императрицею въ стилѣ празднествъ Людовика XV.

Королева Викторіи оставила Парижъ подъ обаяніемъ личности юной французской государыни, въ полной мѣрѣ обнаружившей весь свой богатый арсеналъ удивительной внимательности, не разъ обращавшей ея враговъ въ друзей поневолѣ. Уже поднятъ былъ вопросъ объ отвѣтномъ визитѣ. Увы! Отдать его императорской четѣ суждено было уже не въ блескѣ счастья, не въ очарованіи видимаго могущества, но подъ мрачнымъ покровомъ бѣдствій, еще не оправаясь отъ потери трона.

Въ разгаръ парижской конференціи, ликвидировавшей ни для кого неудачную, въ сущности говоря, крымскую кампанію, произошло радостное для Наполеона III событіе, которое, казалось, упрочивало положеніе династіи Бонапартовъ и удачно со-

спадало съ исходомъ неблагоприятно начатаго военного предпріятія на Черномъ морѣ.

16 марта 1856 г. Франція получила императорскаго принца, будущаго носителя короны. По точному подсчету надлежащихъ лицъ и установлений, обстоятельство это обошлось государственному казначейству въ 898 тысячъ франковъ, израсходованныхъ на золотой дождь, щедро пролитый вокругъ колыбели новорожденнаго Лулу, впоследствии трагически погибшаго въ африканской глуши отъ шального коня зулусскаго воина. Достаточно сказать, что авторство различныхъ кантатъ, одъ и стиховъ, восхвалявшихъ семейную радость Наполеона и его супруги, извлекло изъ государственнаго кармана 94 тысячи франковъ.

Если Первая имперія всю свою жизнь провела въ бояхъ и неустаннымъ влеченіи новыхъ лавровъ въ побѣдныя трофеи французскаго солдата, то Вторая... веселилась, танцевала, изощрялась въ фестиваляхъ и проглатывала бисмарковщину съ ея походомъ на благополучіе Франціи, мазавшее глаза восточнымъ сосѣдямъ.

Сама императрица Евгенія, не знавшая утомленія отъ вѣчнаго праздника, съ охотою охотой принимала живѣйшее участіе въ брачныхъ соединеніяхъ любящихъ сердецъ. Два брака членовъ ея новой семьи по мужу устроились при энергичномъ ея содѣйствіи, и въ обоихъ случаяхъ дѣло касалось Россіи.

Сводный братъ Наполеона, графъ Морни, игравшій первую роль при государственномъ переворотѣ 1851 г., былъ отправленъ въ Петербургъ представлять собою Францію на коронаціи императора Александра II, къ которому Евгенія чувствовала особую симпатію и который всегда платилъ ей теплымъ сочувствіемъ. Морни былъ встрѣченъ русскимъ обществомъ до такой степени привѣтливо, — у него были безпорочныя личныя достоинства крайне тактичнаго человѣка, — что его оставили на берегахъ Невы постояннымъ и уже формальнымъ посломъ. Морни пріѣхалъ въ Россію пожилымъ, но не связаннымъ узми Гимноей человекомъ. Присмотрѣвшись къ нашимъ порядкамъ и петербургскому высшему свѣту, онъ рѣшилъ, что его будущая подруга жизни желательна ему изъ знатнаго «боярскаго» рода, хорошо принятаго при дворѣ. Вниманіе графа остановила на себѣ молоденькая княжна Трубецкая. Нескрываемыя намѣренія пріятнаго французскаго дипломата, съ блестящею карьерою впереди, были встрѣчены княжескою фамиліей благосклонно. Наполеонъ ихъ всецѣло одобрялъ, Евгенія положительно хлопала въ ладоши въ предвкушеніи ожидавшихся развлеченій, все налаживалось... Но черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ того, какъ парижскія газеты оповѣстили въ отдѣлѣ великобританской хроники о задуманномъ бракѣ, петербургская почта доставила графу пренепріятнѣйшій пакетъ. Въ конвертѣ лежалъ отгѣченный въ надлежащемъ мѣстѣ номеръ болтливой газетки со сдѣланною на поляхъ припискою:

«Милостивый государь! Предварю васъ, что если, по полученіи этого письма, вы не опровергнете упомянутаго извѣстія, то я предамъ гласности письма, бумаги и документы, которые, какъ вамъ извѣстно, находятся въ моихъ рукахъ. Начну я съ тѣхъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ событіямъ 2 декабря 1851 г.»

Впечатлѣніе, произведенное на графа этою неожиданностью, было самымъ ошеломляющимъ. Специальный курьеръ полетѣлъ въ Парижъ съ подробнымъ донесеніемъ къ августѣйшему брату, цѣль говорилось: «Государь, подумайте надъ этимъ и благоволите дѣйствовать поспѣшно, или мы не будемъ въ состояніи избѣгнуть большаго скандала».

Наполеонъ растерялся: всякія «неоскромности» по поводу «2 декабря» явля-

НА ФРАНЦУЗНОМЪ ФРОНТѢ.

Жизнь офицеровъ въ Лотарингіи у линіи огня. «Квартира полковника».

лись болѣе чѣмъ нежелательными. Нужно было что-нибудь предпринять, но что и какъ — ему не приходило въ голову. На помощь пришла быстрая сообразительность императрицы. Приглашенъ былъ многоопытный префектъ парижской полиціи, корсиканецъ Пьетри, и путемъ ловко поставленной агентуры получилась возможность установить въ этомъ дѣлѣ ручку нѣкоей особы, считавшей себя заинтересованной въ безбрачій графа Морни. Благодаря политикѣ соглашеній, претензіи ея получили надлежащую компенсацію, хотя и была установлена просто шантажная подоплека, — и бракъ графа былъ осуществленъ. Его свадьба состоялась въ Петербургѣ, безъ особаго шума, но молодая графиня, по непосредственному почину Евгеніи, была съ особымъ уваженіемъ встрѣчена парижскимъ свѣтомъ, тотчасъ же обѣднаннымъ умъ, изяществомъ и граціою своего новаго союзна.

Вторымъ успѣхомъ императрицы Евгеніи въ области франко-русскаго альянса на почвѣ брака, можно считать женитьбу богатѣйшаго русскаго «набоба» князя Демидова на принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ. Впрочемъ — не маловажную роль здѣсь играло и личное увлеченіе принцессы оригинальнѣйшимъ обликомъ русскаго архи-миліонера, впервые встрѣченнаго ею въ своеобразномъ костюмѣ, въ которомъ тотъ «вожировалъ» по Европѣ, поражая всѣхъ бездонностью своихъ кармановъ. Демидовъ изображалъ изъ себя Армянина, — въ надлежащемъ платьѣ, съ высокою бараньей шапкою на головѣ и

длинною бородою. Все это было ему къ лицу и выставляло въ невыгоднѣйшемъ свѣтѣ его дѣйствительно красавую внешность. Впоследствии, когда Демидовъ отъкасался отъ этой живописности и перемѣнилъ ее на черный фракъ, узкія панталоны, лакированные сапоги и высокую, неуклюжую цилиндрическую шляпу, — онъ уже утратилъ свою оригинальность, незаурядность, — и начавшееся разочарованіе въ немъ, вѣроятно, и послужило къ возникновенію тѣхъ взаимныхъ неувольствій, которыя въ концѣ-концовъ привели къ разведенію супруговъ.

Въ 1869 г. императрица Евгенія совершила путешествіе въ Константинополь и Египетъ, гдѣ присутствовала при открытіи Суэцкаго канала. Эта поездка имѣетъ историческое значеніе потому, что переписка императрицы съ Наполеономъ вполне точно опредѣляетъ значеніе, пріобрѣтенное ею въ правительственномъ механизмѣ и ту долю участія, которое она принимала въ государственныхъ дѣлахъ. Нельзя забывать и того, что императору сильно импонировала рѣшительность Евгеніи и ея самообладаніе, особенно сказавшееся при одномъ изъ покушеній на жизнь Наполеона, произведенномъ въ присутствіи его супруги. Всегда рѣшительный, Наполеонъ любилъ говорить обиняками, отдѣлываться полуотвѣтами и давать надежду на полусогласіе. Порывистый, южный темпераментъ Евгеніи требовалъ рѣшительныхъ мѣръ, лю-

Полковникъ принимаетъ въ своемъ «рабочемъ кабинетѣ».

билъ открытую борьбу, не уклонялся отъ явнаго сопротивленія. Несомнѣнно, что въ развитіи обстоятельствъ 1870 г., вызвавшихъ крахъ Второй имперіи, неукротимость императрицы была ловко учтена Бисмаркомъ, и его знаменитая провокація съ кандидатурою Гогенцоллернскаго принца на испанскій тронъ строилась именно на раздраженіи Наполеона, часто смотрѣвшаго глазами Евгении.

Громъ седанскихъ пушекъ явился погребальнымъ салютомъ наполеоновской монархіи. Паденіе Наполеона повлекло за собою регентство Евгении, но остановить лавину историческихъ событій было уже поздно. Политическая система Наполеона, приведшая страну къ національному бѣдствію, была совершенно скомпрометирована неудачнымъ подборомъ дѣятелей, и приходилось уступить...

Поздно вечеромъ 4 сентября 1871 г. къ одному изъ заднихъ подъездовъ Тюльрийскаго дворца былъ поданъ скромный фіакръ. Быстро спустилась по лѣстницѣ дама въ черномъ кашемировомъ платьѣ, съ узкимъ бѣлымъ воротничкомъ; сверху былъ накинутъ темный плащъ; костюмъ дополняли темныя перчатки и черная шляпа Дерби съ густымъ вуалемъ. Въ рукахъ былъ небольшой ридикюль съ наиболѣе дорогими сувенирами, въ числѣ ихъ — подарокъ императора Александра Николаевича, а пятнадцать тысячъ франковъ банковыми билетами. Дама спѣшила къ дому своего постояннаго зубного врача Американца Эванса, человѣка глубоко преданнаго и энергичнаго. Тотъ поинялъ дѣло съ одного слова и, не теряя ни минуты, помчалъ свою августѣйшую пациентку въ приморскій Довиль. Тамъ какъ разъ случайно стояла яхта сэра Джона Бургойна. Джентльменъ, узнавъ положеніе вещей, съ почтительнымъ поклономъ предложилъ бывшей императрицѣ свое суденышко, и въ бурную ночь, по яростно ревущему морю, доставилъ свою неожиданную пассажирку въ Гастингсъ, на гостеприимный берегъ Англій, стародавняго убѣжища всѣхъ гонимыхъ ударами судьбы.

Въ маленькомъ Чизлмеретѣ нашлась подходящая выла для гостя британскаго народа, и тихо потекла частная жизнь бывшей графини Монтихо, до маститой старости не утратившей своего титула «экск-императрицы», титула, нигдѣ не узаконеннаго, но всема за ней сохраненнаго.

Открытая французская душа не злопаметна и высоко ставитъ всякое уваженіе къ личности человѣка пострадавшаго. Въ графинѣ Монтихо французскій гражданинъ нашихъ дней видитъ прежде всего облеченную въ постоянный трауръ женщину и на этомъ строитъ свое отношеніе къ ней. Незадолго до войны, сильно взволнованной Евгенией, она какъ-то посылала Парижъ; такія поездки, разумѣется, инкогнито, она совершала неоднократно, и газеты облетѣлъ трогательный рассказъ о случаѣ съ нею въ какомъ-то парижскомъ паркѣ. Гуляя, старушка обратила вниманіе на пригланувшійся ей цѣтокъ въ клумбѣ и машинально попросила свою спутницу сорвать его. Такое нарушеніе благочинія вызвало внимательство откуда-то подвернувшегося блюстителя порядка, и тотъ потребовалъ у графини назвать свое имя на предметъ составленія надлежащаго карательнаго акта. Бывшая императрица переконфузилась и едва слышимымъ голосомъ назвала себя. Лицо браваго полицейскаго дрогнуло, рука почтительно поднялась къ косяку, фигура пріосанилась, и съ молодцоватымъ поворотомъ служака, разорвавъ приготовленный имъ листокъ, медленно зашагалъ прочь, галантно извинившись за причиненное безпокойство.

Древній рыцарскій завѣтъ: «Place aux dames» для Француза на первомъ мѣстѣ. Едва ли найдется въ исторіи другой народъ, въ прошломъ котораго женщина играла бы такую роль, какъ во всѣхъ слав-

ныхъ и т
галльской
забываем
ти и пом
всѣхъ ст
нія и оди
достя и

Въ пестр
Жизнь у
Такъ ош
Такъ чар

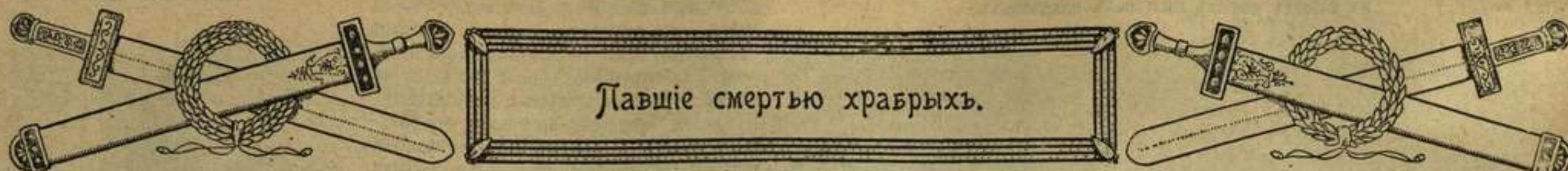
Ночи вес
Жгучая в
Вгидное
Неотрази

Все мнѣ т
Счастье
Лаской ж
Нѣжно со

Вѣтеръ л
Мѣсяцъ л
Чары жи
Радость

Все мнѣ
Гдѣ вы,
Чары пр
Радости с

Оброшен
Грезы у
Жизнь м
Жажимъ

Корнетъ Н. Е. Переславцевъ.

Капитанъ Н. Л. Малашиковъ.

Подпоруч. В. Н. Кручининъ.

Подпоруч. А. В. Сатунинъ.
Предст. къ орд. св. Георгия 4 ст.

Шт.-нап. Г. П. Михайловъ.

Поручикъ В. И. Ремизовъ.

Подпоруч. Г. А. Мосналевъ.

Подпоруч. В. В. Будаповъ.

Прапорщ. Н. П. Антоновъ.

Поручикъ М. Ф. Яиченко.

ныхъ и трагическихъ перипетяхъ великой галльской нации, сумевшей выдвинуть незабываемый въ своей яркости типъ подруги и помощницы, равно незаменимой на всѣхъ степеняхъ общественного положенія и одинаково дѣятельной въ минуты радости и горя.

В. Анд.—ъ.

Жизнь.

Въ пестромъ нарядѣ изъ радужныхъ сновъ
Жизнь увлекла, манила впередъ,—
Такъ опьянло дыханье цвѣтовъ,
Такъ чаровалъ голубой небосводъ.

Ночи весенней живой аромать,
Жгучая нѣга цвѣтущаго дня,
Вѣдное утро и яркій закатъ
Неотразимо плѣняли меня...

Все мнѣ твердило: любуйся, живи,
Счастье украситъ твой жизненный путь,
Лаской желанной стыдливой любви
Нѣжно согрѣвъ безпокойную грудь.

Встерь ли рябью скользилъ по водѣ,
Мѣсяцъ ли плылъ изъ-за розовыхъ скалъ,—
Чары живыя я чувалъ вездѣ,
Радость восторговъ душой ощущалъ...

Все мнѣ о счастье твердило... и что-жъ?
Гдѣ вы, надежды?... ихъ болѣе нѣтъ...
Чары природы—коварная ложь,
Радости счастья—несбыточный бредъ.

Оброшена маска жестокой судьбой,
Грезы ували... разбиты мечты...
Жизнь мнѣ открылась, пугая собой,—
Жажимъ скелетомъ своей наготы...

Г. Лагонидъ.

Литературныя замѣтки.

Николай Бердяевъ.

За последнее время и въ печати, и въ разговорахъ все чаще мелькаетъ имя Николая Бердяева. Его фигура какъ-то вдругъ выдвинулась на замѣтный планъ. Известный до сихъ поръ лишь сперва въ марксистскихъ кругахъ, затѣмъ въ кругу лицъ, интересующихся религіозно-философскими вопросами, онъ теперь вызываетъ интересъ въ гораздо болѣе широкихъ слояхъ. Еще немного—и похоже, что онъ сдѣлается однимъ изъ «героевъ» нашей интеллигенціи, которыхъ, кстати сказать, она уже такъ давно не обрѣтала.

И это будетъ до известной степени «въ порядкѣ вещей». Справедливость требуетъ признать, что въ лицѣ Бердяева мы имѣемъ дѣло во всякомъ случаѣ съ крупнымъ явленіемъ. Это можно сказать независимо отъ степени личнаго согласія. Самая рѣзкая черта Бердяева, прежде всего бросающаяся въ глаза, — та чрезвычайно индивидуальная, совершенно обособленная позиція, которую онъ занимаетъ въ нашей литературѣ. Бердяева (если оставить въ сторонѣ нѣкоторый налетъ «либеральнаго» прошлаго) невозможно причислить ни къ какой нашей литературной партіи, ни къ какому «направленію», къ которымъ, какъ обыкновенно къ полицейскимъ участкамъ, «приписаны» наши свободолобивые россійскіе писатели. Особенно подчеркнута эта индивидуальная позиція г. Бердяева гонимъ—со времени замѣчательныхъ статей о нашихъ новыхъ религіозныхъ теченіяхъ (въ лѣтнихъ книжкахъ «Русской Мысли»), которыми онъ «сосчитался» направо и налево, отграничавъ себя отъ недавнихъ еще, казалось бы, полныхъ единомышленниковъ.

Какъ-то странно видѣть писателя, и именно русскаго писателя, въ такой смѣлой уединенности. На Западѣ этия, конечно, никого особенно не удивили — тамъ вѣдь «еще въ шестомъ на десять вѣкъ» философствовали и рассуждали, Монтань (какъ говорилъ Карамзинъ), да и ранѣе даже, въ пору духовной незрѣлости, никогда не было той партійной стрижки подъ гребенку, какъ въ русской литературѣ. Но славянофилы правы: какое-то «хоровое начало» сидитъ въ русской душѣ, и, можетъ быть, даже не столько въ душѣ русскаго мужика, сколько въ душѣ русскаго интеллигента...

Именно эта духовная независимость и была, конечно, главной причиной новаго, «свѣжаго» взгляда, которымъ могъ, которому рѣшился взглянуть Бердяевъ на строй «традиционныхъ» утвержденій, нынѣ болѣе всего отдаленный его отъ его вчерашнихъ сомысленниковъ. Здѣсь главная цѣнность Бердяева: никто въ современной русской литературѣ не обращаетъ такъ опредѣленно въ сторону религіозныхъ ожиданій — въ направление религіознаго будущаго, а не религіознаго прошлаго. Другими словами, ни у кого мы не встречаемся съ такой увѣренной вѣрой (увы, это совсѣмъ не плеоназмъ!) въ творческія религіозныя силы русскаго народа, въ тѣ духовныя и историческія возможности, которыя лежатъ еще передъ нами, которыя скрыты и добываются въ его будущемъ, а не только завѣщаны прошлымъ. Въ этомъ я вижу основное достоинство мысли Бердяева: у него есть чувство инициативы, естественная, сама собою дающаяся рѣшимость думать и вѣровать заново—такъ, какъ это было когда-то весьма давно, въ тѣ счастливыя эпохи, которыя не столько имѣли традиціи, сколько создавали ихъ.

Конечно, онъ болѣе общаетъ, чѣмъ даетъ. И, пожалуй, сознательно только общаетъ. Онъ дышетъ больше ожиданіемъ, чѣмъ исполненіемъ, — и это слишкомъ понятно... Но въ той области, къ которой обращена мысль Бердяева, уже самое ожиданіе иногда можетъ быть исполнено въ заслугу. Незадолго до появленія мусульманства, въ религіозномъ броженіи, охватившемъ тогда Аравійскій полуостровъ, выдвигались фигуры «искателей», не удовлетворившихся ни одной изъ существовавшихъ уже религіозныхъ системъ. Объ одномъ изъ такихъ людей сказалъ впоследствии Мухаммедъ: «Онъ одинъ составилъ на страшномъ судѣ цѣлую церковь». Эти промечуточные моменты субъективной «вѣрности» повторялись, конечно, и раньше, и послѣ VII вѣка...

Основной недостатокъ Бердяева, также прямо связанный съ его особой «позиціей», столь же легко бросается въ глаза: онъ именно «внѣ-церковенъ» — не только въ историческомъ смыслѣ этого положенія, но и въ психологическомъ. Его недаромъ такъ тянетъ къ древнему гностицизму; онъ слишкомъ любитъ подчеркивать эзотерическую сторону христіанства въ противоположеніи его экзотерической сторонѣ, беретъ возможную аристократизацию христіанской мысли взамиль ея исторической демократизаціи. Въ этомъ онъ сходится съ нѣкоторыми новыми теченіями въ современномъ христіанствѣ, отраженными, напримѣръ, книгой г. Николаева «Въ поискахъ за Богомъ», о которой мнѣ случилось однажды писать въ «Нов. Врем.» (эта книга сочувственно цитируется и Бердяевымъ). Несомнѣнно мы имѣемъ здѣсь нѣкоторый ренессансъ гностической традиціи — единственной, за которой, повидимому, г. Бер-

въ нашихъ новыхъ азиатскихъ владѣнiяхъ.

Семейство турецкихъ бѣженцевъ возвращается на старое пепелище.

Эрзерумъ. — Турецкіе сапожники.

даже склоненъ признавать будущее. Однако, фактъ вѣднѣйшей побѣжденности и внутренняго саморазложенія первоначальнаго христіанскаго гностицизма остается въ исторіи церкви предостерегающимъ примѣромъ. Теоретически г. Бердяевъ какъ будто бы видитъ опасности своего пути: онъ самъ подчеркиваетъ невозможность сведенія религіозной задачи къ чисто-индивидуальнымъ рѣшеніямъ (что составляетъ отливательный недостатокъ, на примѣръ, германскаго мистицизма). Однако, не ясно не только рѣшеніе задачи множественности, задачи церковности у Бердяева, но не видно даже никакихъ къ ней путей (кроме слишкомъ неопредѣленныхъ оговорокъ). Въ концѣ концовъ Бердяевъ остается на чисто-личной почвѣ одинокаго мистицизма, хотя бы и углубленнаго до послѣдней остроты. Въ этомъ онъ подобенъ своему любимому Якову Беме. И здѣсь открывается, можетъ быть, самая печальная (хотя и неизбежная, вѣроятно) сторона бердяевской мысли — какая-то «нерусскость» его духовнаго облика, отсутствіе именно того самаго «хороваго начала», безъ котораго, безъ этого общаго «горшка съ кашей», какъ-то дѣйствительно невообразимъ русскій человекъ, хотя бы эта каша и забивала ему слишкомъ часто ротъ...

Конечно, мнѣ могутъ сказать, что такой упрекъ легокъ, что это самый легкій упрекъ, который можно сдѣлать Бердяеву. Именно его не разъ уже высказывали по его адресу Розановъ... Слишкомъ трудно въ Россіи быть индивидуалистомъ; слишкомъ не национально въ Россіи быть «са-

мому по-себѣ». И когда этотъ упрекъ идетъ «отъ традицій», когда въ существѣ онъ сводится къ упорамъ за «безпокойство», за нарушеніе общей тишины въ классѣ, — тогда онъ скученъ и досаждающъ. Цѣльность Бердяева, повторю, все-таки въ томъ, что онъ вѣритъ въ завтрашній день. И вѣритъ въ него болѣе, нежели во вчерашній. Переступить черезъ очарованный кругъ традиціоннаго трудно всегда и во всемъ, но сугубо трудно это тамъ, гдѣ прошлое само не было отмѣчено печатью національнаго творчества. Кто еще никогда не сотворилъ, — плохо вѣритъ въ собственное «начало»... И здѣсь мужество Бердяева, спокойная убѣжденность его утвержденій привлекаютъ къ себѣ сочувственное вниманіе. Все-таки какая-то своя, новая «традиція» силится зазеленѣть въ Россіи — и ея первые побѣги пахнутъ весной... П. Пирцовъ.

Записи театралъ *

Это, въ большинствѣ случаевъ, краткія, но обстоятельныя помѣтки, очень близкаго къ театру человека, съ лѣтописной объективностью записавшаго все видѣнное и достойное воспоминаній въ театральнѣйшей жизни за четыре послѣднія десятилѣтія. Авторъ себѣ не ставитъ никакихъ предвзятыхъ задачъ, не выступаетъ судьей и критикомъ, защитникомъ или обвинителемъ, онъ относится съ одинаковымъ уваженіемъ ко всемъ выдающимся именамъ и ко всемъ школамъ. Если и являются попутно неизбежныя оцѣнки, онѣ проникнуты тѣмъ глубокимъ безпристрастіемъ, къ которымъ обязывается позиція лѣтописца. Это не значитъ, что у автора нѣтъ своихъ собственныхъ симпатій и собственныхъ взглядовъ, — ихъ видишь часто, чувствуешь, какъ необходимый выводъ, — но совершенно отсутствуетъ въ книгѣ желаніе что-либо читателю навязать, отсутствуетъ страстность тона, полемическая тенденція. Вместе съ тѣмъ нельзя назвать книгу историческимъ очеркомъ, охватывающимъ опредѣленный періодъ: въ ней есть интересныя историческія мате-

* Баронъ Н. В. Дризень. *Сорокъ лѣтъ театра. Воспоминанія 1875 — 1915 гг.* К-во «Прометей». Цѣна 3 руб. Стр. 188.

На улицѣ Эрзерума.

ТИПЫ МАЛОЙ АЗИИ.

Кочевникъ-Курдъ.

Армянинъ-Дружинникъ.

риалъ театральнѣйшей хроники, но самъ баронъ Дризень ей далъ подзаголовокъ «Воспоминанія», освободивъ себя тѣмъ отъ необходимости выполнить какую-то программу. Поэтому онъ въ правѣ свободно говорить, о чемъ хочетъ, въ правѣ передавать и описывать лишь запавшія, сохранившіяся впечатлѣнія.

Баронъ Дризень подробно вспоминаетъ театральную жизнь обѣихъ столицъ, въ особенности русскую драму, лучшие годы Александринскаго театра, возникновеніе дѣла въ театрѣ А. С. Суворина, судьбу Комиссаржевской, прошлое театра Московскаго Художественнаго, вспоминаетъ болѣе или менѣе замѣтные любительскіе спектакли, нѣкоторыхъ актеровъ русской провинціи и заграничныхъ гастролеровъ. Онъ дѣлится своими интересными впечатлѣніями отъ мистерій «Страсти Господни» въ Обераммергау. Не мало разсѣяно въ книгѣ мѣткихъ и вдумчивыхъ замѣчаній, обнаруживающихъ большую ясность мысли, большой опытъ внимательнаго и серьезнаго театралъ, влекомаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ рампѣ. Рассказываетъ онъ, между прочимъ, и о собственныхъ своихъ выступленіяхъ — въ качествѣ драматурга, и въ качествѣ актера. Со свойственнымъ ему спокойнымъ юморомъ, онъ отмѣчаетъ, что даже создалъ на одномъ изъ любительскихъ спектаклей роль архіепископа Іова въ трагедіи Алексѣя Толстого «Царь Федоръ», — «ибо, когда пьесу потомъ разрѣшили, цензура исключила всѣхъ духовныхъ лицъ, и ни до меня, ни послѣ никто эту роль никогда не игралъ».

Воспоминанія изложены, вообще, сжато и сдержанно, съ нѣкоторымъ даже лаконизмомъ. Но мѣстами этотъ лѣтописный тонъ какъ будто преломляется, — это въ тѣхъ случаяхъ, когда автору есть сказать

что-нибудь высказатъ отстраненно тописца. живающъ, больше бы напрямѣр нал оцѣнкѣ «Кокдэнъ» тидесятый по, въ пе были и д Бернаркъ. Но русскіи внутренне ству. Онъ старается нечно, бо опасность ній». Мнѣ въ связи увлеченія рой отлос той: «Вс казались первый тельности случилось обыкновене который, стоятель ламъ, пу Рѣдко-рѣ прежня

въ нашихъ новыхъ азиатскихъ владѣнiяхъ.

ЭРЕВАНЪ.—Греческое кладбище въ восточной части города. Замѣчательно своимъ живописнымъ расположенiемъ и красивыми памятниками бѣлаго мрамора. Содержится въ большемъ порядкѣ, въ то время какъ турецкiя кладбища запущены и почти заброшены. Сквозь деревья виденъ городъ.

Подполковникъ Бор. Ив. Рѣзановъ.
Убитъ въ бою 3 сентября.

вновь, и тогда это были настоящiе праздники искусства»...

Всѣми своими интересами авторъ книги связанъ съ театромъ, и эта глубокая привязанность дѣлаетъ ее искренней и правдивой. Сорокъ лѣтъ жизни такого подлиннаго театралы, какъ баронъ Н. В. Дризень.

Модернизироваиe быта.

Долгое время въ критическомъ обиходѣ почти непрекаемымъ считалось положенiе, что «стиль—это человекъ». Но, по мѣрѣ развитiя стилизацiи и размноженiя стилизаторовъ, приходится, повидимому, измѣнить эту формулу въ томъ смыслѣ, что стиль есть нечто такое, за чѣмъ человекъ, какъ за непроницаемой маской,

скрываетъ свое настоящее лицо, и если все-таки удастся порой его разглядѣть, то это вопреки стилю, а не благодаря ему. Такимъ образомъ несоответствiе между «стилемъ» и «человекъ», является результатомъ того, что, при стилизаторскихъ попыткахъ писатель умышленно беретъ на себя чужое обличiе; но этотъ маскарадъ обыкновенно не проходитъ для него безслѣдно, и онъ рискуетъ, въ концѣ концовъ, дѣйствительно потерять свою индивидуальность. Въ произведенiяхъ г. И. Сургучева довольно замѣтно тяготѣнiе къ модернистскимъ приемамъ письма,—но модернистскiй стиль, при всей его показной яркости и красочности, является въ сущности слишкомъ мало гибкимъ для выраженiя индивидуальныхъ оттѣнковъ, и отличить одного модерниста отъ другого можно развѣ только по очень трудно уло-

ЭРЕВАНЪ.—Турецкiя женщины у фонтана.

вимымъ особенностямъ. Разказы, вошедшiе въ сборникъ подъ заглавiемъ «Сосѣдка», *) относятся, повидимому, къ болѣе ранней полудѣ литературной дѣятельности г. Сургучева, чѣмъ, напр., его «Мельница». Правда, мы встрѣчаемъ и въ этихъ разказахъ время отъ времени образы, кажущiеся намъ нѣсколько странными; бастъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, представляется напр., автору «толстымъ канатомъ, который безпрестанно разворачивается»; у горничной Юлии—«умная (sic!) гладкая прическа», одна изъ героинь ходитъ по комнатамъ «съ огромнымъ комодемъ счастья во всемъ своемъ существѣ».

Ротм. Еяч. Евг. Трояновскiй.
Награжд. орд. св. Георгия 4 ст.

Но все это скорѣе похоже на первые робкiе шаги въ области модернистскихъ вычуръ, чѣмъ на вполне опредѣлившiеся пристрастiя въ этомъ направленiи. Что касается самого содержания разказовъ г. Сургучева, то, по первому впечатлѣнiю, они представляютъ собою какъ бы экскурсiю въ область быта, но въ то же время въ авторѣ замѣчается стремленiе осложнить ихъ или затѣйливѣе модернистскимъ рисункомъ, или попытками поставить героевъ въ довольно необычныя условiя. Можетъ быть, поэтому, самый бытовой фонъ является иногда расплывчатымъ, а выводимыя авторомъ фигуры не кажутся достаточно реальными. Восьмилѣтнiй Ванька (въ разказѣ «Ванькина молитва»), котораго мать собирается отдать на службу въ трактиръ, въ подручные, съ одной стороны, задаетъ матери наивные вопросы, въ родѣ того, напримѣръ, есть ли на свѣтѣ такіе люди, «чтобъ руки сто верстъ были»; съ другой,—прощаясь съ нею, онъ читаетъ ему такіа, кажущiеся умѣстными въ устахъ болѣе взрослого мальчика, правоученiя: «Ты тутъ безъ меня не дури! Знай, что я человекъ строгiй и шутокъ не люблю... Собакъ маленькихъ не обижай зря. Тебѣ-то, старому хрюну, и самому это знать нужно». Приглашая пса къ себѣ въ гости, онъ говоритъ: «Придешь, поговоримъ,—все свой человекъ. На душѣ и полегчаетъ. Вамъ, собакамъ, добро: денегъ зарабатывать не надо, а намъ надо...» Выводитъ авторъ на сцену прокурора (разказъ «Счастье»),—и его образъ является для насъ не болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ Ванькинъ. Вотъ какъ этотъ представитель правосудiя выражается въ разговорѣ съ портнымъ:

— Хоть ты, братецъ, нѣсколько и тово, попортился, такъ сказать... въ землю ужъ, такъ сказать, выражался юридически, шагаешь... Ну, а все-таки тово... Держи, выражаясь по военному, знамя высоко... Женщина—это крѣпость, которую нужно брать иногда долгой молитвой и постомъ... Да... Такъ сказать, нужно воспринять убо...

* Илья Сургучевъ. *Сосѣдка*. Разказы. Т-во «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ». 1916 г. Стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

самъ ба-
наголовокъ
себя тѣмъ
какую-то
въ свободно
авъ пере-
вшiя, со-

оминаетъ
лицъ, въ
ише годы
икновенiе
а, судьбу
еатра Мо-
оминаетъ
ительскiе
ь русской
ролеровъ.
и впечат-
Господи,
стiано въ
амѣчанiй,
ость мыс-
ого и се-
ь самыхъ
азываетъ
твенныхъ
ствѣ дра-
Со свой-
ромъ, онъ
а одномъ
роль ар-
еся Тол-
гда пьесу
склчила
меня, ни
игралъ».
ще, сжа-
даже ла-
гонисный
—это въ
ь сказать

что-нибудь свое, когда онъ не можетъ не высказаться, когда вдумчивый театралъ отстраняетъ на нѣсколько мгновѣнiй лѣтописца. И тогда баронъ Дризень обнаруживаетъ глубокую вѣрность сужденiй: побольше бы намъ такихъ театраловъ. Вотъ, напримѣръ, чрезвычайно мѣткая параллельная оцѣнка французской и русской игры: «Кокленъ игралъ Сирано въ трехсотъ пятидесятый разъ, какъ игралъ его, вѣроятно, въ первый и второй. Въ томъ же родѣ были и другiе западные артисты—Сарра Бернаръ, Сальвини, Муиз-Сюлли и проч. Но русскiй человекъ не есть человекъ внутренней дисциплины, по преимуществу. Онъ всегда играетъ «по-разному», старается «пережить» роль. Въ этомъ, конечно, большая заслуга, но и большая опасность для его повторныхъ выступленiй». Много очень вѣрнаго говоритъ онъ въ связи съ этимъ и о театральнхъ увлеченiяхъ Комиссаржевской, къ которой отлосится съ самой искренней теплотой: «Всѣ эти Клерхенъ, Марики, Норы казались безконечно ближе зрителю въ первый перiодъ ея артистической дѣятельности, чѣмъ позже. Что-то затѣмъ случилось съ ней. Можетъ быть, то, что обыкновенно является удѣломъ человека, который, бросивъ группу пловцовъ, самостоятельно, довѣряя собственнымъ силамъ, пускается въ дальнее плаванiе... Рѣдко-рѣдко выдавались спектакли, когда прежняя Комиссаржевская воскресала

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ.— Живописные виды окрестностей Изонцо.

Конечно, бывают прокуроры и не берутся писатели за сказку, эту свобод-слишком красноречивые; но довольно ную форму, вмещающую вымысел самой трудно представить себе все-таки, чтобы капризной мечты. Такими преградами и Лучшими страницами сказки слѣдует человекъ, въ течение многихъ дѣтъ упраж- условностями задавлена и сужена сейчас нившийся въ судебномъ красноречии, не наша реальная жизнь, что поневоле отра- могъ въ обыденномъ разговорѣ связать ду и радость черпаешь въ сказкѣ, гдѣ не двухъ-трехъ фразъ, не уснаживъ ихъ цѣ- знаетъ условныхъ преградъ произволь- лымъ рядомъ такихъ словечекъ, какъ фантази. Отъ всѣхъ тяготъ нашихъ ны- «тово», «такъ сказать» и т. п. нѣшнихъ будней къ яркому, красивому

Не внушаетъ въ иныхъ случаяхъ до- вымыслу! Сказка о любви принца и королевы на- статочного доверія и фабула рассказовъ г. писана не для дѣтей. Это романъ, облечен- Сургучева. Что старозавѣтный купецъ, у ный въ форму сказки, психологически- которого сынъ сталъ «сочинителемъ», былъ огорченъ тѣмъ, что онъ пишетъ кни- сложной, запутанной въ тончайшей пау- ги не о высокихъ матеріяхъ, а только о тинѣ ощущений. Да и прекрасная короле- «падшихъ женщинахъ, вертепахъ вся- ва—героиня совсѣмъ не дѣтская. Она про- кихъ, пьяныхъ разгульныхъ ночахъ, по- тивопологается «вѣрному принцу», какъ боищахъ»,—этому мы можемъ повѣрить. красивое олицетворение вѣтренной жен- Но когда авторъ, рисуетъ намъ далѣе кар- ственности, какъ другой полюсъ любви, тину того, какъ этотъ самый купецъ, же- любви страстного очарованія, съжны вдох- лая скрыть отъ своей, не умбющей чи- новеній, и только смерть окончательно тать, жены, содержание произведений ихъ примиряетъ уже дважды расходившихся Сашеньки, вмѣсто того, чтобы читать ей любовниковъ.

Сказка написана образнымъ, вырази- то, что действительно напечатано въ его тельнымъ языкомъ, и это ее главное до- книгѣ, импровизируетъ цѣлые рассказы койство. Выдержаны подлинныя сказоч- поучительнаго и высоко нравственнаго со- ные тона, несмотря на психологическую держанія,—насъ беретъ сомнѣніе. Въ дру- сложность отдѣльныхъ разговоровъ и мы- гомъ рассказъ авторъ выводитъ пьяницу слей. Встрѣчаются иногда фразы, въ кото- портного Петухина, который занимается рыхъ есть краткая остротность афоризмовъ, сводничествомъ, убѣждая молодую жену и напрягѣрь: «Вѣрь женщинамъ до перваго на своего хозяина взять въ любовники кра- красивого парня Гаврюшку. Въ этомъ нѣтъ ничего, возбуждающаго недоумѣніе. Но когда г. Сургучевъ хочетъ изобразить намъ этого самаго Петухина, какъ какого- то «идейнаго», сводника, который не можетъ допустить, чтобы старый мужъ былъ счастливъ съ молодой женой, который, какъ онъ самъ выражается, «исправ- влать жизнь долженъ»,—то мы болѣе склонны признать этого «исправителя жизни» продуктомъ авторской фантази, чѣмъ реальнымъ лицомъ. Въ общемъ, впечатлѣніе отъ рассказовъ г. Сургучева получается смутное; у автора есть и умѣнье рассказывать, и нѣкоторый запасъ наблюденій, но желаніе сказать что-то особенно значительное портитъ большую часть его вещей.

В. Ю. В.

Сказка любви.

Красиво изданная книга, въ формѣ поэтической сказки, повѣствующая о любви прекрасной королевы и повелителя соседней страны—принца*. Все чаще и чаще, точно въ повсѣкахъ утраченнаго действительностью идеала, который все-таки дороть и близокъ и увлекаетъ по прежнему,

* С. Реннинъ. Сказка о любви прекрасной королевы и вѣрнаго принца. Иллюстраціи Егора Нарбута. Петроградъ. 1916. Типографія Р. Голике и А. Вальборга. Цѣна 3 руб. 80 коп. Стр. 63.

Соборнякъ боярскаго рода Котрочень въ румынскомъ національномъ стилѣ, одно изъ оригинальнѣйшихъ зданій Бухареста. Национальный стилъ, близкій, если не тождественный съ нашимъ, все болѣе и болѣе прививается въ румынской столицѣ.

Мелочи.

Ростъ цѣны у нашихъ союзниковъ.

Во Франціи и въ Англіи много гово- рять о дороговизнѣ жизни за послѣдніе два года. Жалобы эти основательны, такъ какъ цѣны на всѣ продукты значи- тельно возросли за это время и продол- жають расти съ каждымъ мѣсяцемъ войны все болѣе и болѣе. Правда, не въ столь быстрой прогрессіи, какъ у насъ, но тѣмъ не менѣе объ этомъ теперь много говорятъ и пишутъ. Приходится утѣшаться, что въ Германіи и въ Ав- стріи положеніе должно быть еще тя- желѣе.

Основной продуктъ народнаго питанія во Франціи—хлѣбъ—съ начала войны почти не вздорожалъ, но зато цѣны на мясо поднялись приблизительно въ пол- тора раза. Въ 1913 году килограммъ мяса (почти 2½ фунта) стоилъ въ зависи- мости отъ качества—отъ 90 сантимовъ до 1 франка 90 сантимовъ, а съ 1916 го- да поднялся до полутора и двухъ съ половиною франковъ. Другими словами—одинъ фунтъ лучшаго мяса обходится во Франціи приблизительно одинъ франкъ. Почти тѣ же цѣны стоятъ и на другіе продукты мясного питанія: въ этомъ отношеніи различій во Франціи почти не наблюдается. Телятина, сви- нина, баранина,—все приблизительно въ одной цѣнѣ, разница только въ санти- махъ (телятина до 2 фр. 48 сант. за килограммъ, баранина до 2 фр. 35 сант., свинина до 2 фр. 58 сант., т. е. опять- таки въ круглыхъ цифрахъ по одному франку за фунтъ лучшаго сорта). За- мѣтнѣе вздорожали матеріи и металлы. Вздорожаніе, напримѣръ, сукна надо счита- ть почти вдвое. Что же касается ме- талловъ, то мѣдь поднялась въ цѣнѣ въ два съ половиною раза, олово приблизи- тельно вдвое, свинецъ вдвое и цинкъ болѣе чѣмъ въ четыре раза.

Но въ общемъ цѣны на жизнь во Фран- ции возрасли все-таки нѣсколько мень- ше, чѣмъ въ Англіи. Во Франціи, на- примѣръ, совсѣмъ не вздорожали квар- тирны, а въ большихъ городахъ, согла- сно военному закону, даже еще значи- тельно подешевѣли. Недавно лондонскій журналъ «The Economist» опубликовалъ точныя цифры повышенія цѣны на про- дукты питанія въ англійскихъ городахъ съ 1 июля 1914 года. Согласно этимъ цифрамъ продукты эти вздорожали уже въ сентябрѣ, въ первую же осень войны, на 11%. затѣмъ къ январю 1915 года вздорожаніе выразилось въ 19% сравни- тельно съ до-военными цѣнами, августъ того же года даетъ уже 36%, а январь 1916—48%. Въ настоящее время вздоро- жаніе продуктовъ питанія надо считать въ Англіи до 70%. Это цифры официаль- ныя, недавно доложенныя въ одномъ изъ засѣданій палаты общинъ. Къ нимъ ан- глійскій журналъ добавляетъ еще и другія, касающіяся вздорожанія квар- тиръ, отопленія, одежды и главнохъ предметовъ домашняго обихода. Квар- тирныя цѣны поднялись въ концѣ 1915 года всего на 2% и такъ и остались безъ дальнѣйшаго повышенія, отопленіе ста- ло дороже на 40%, одежда приблизи- тельно въ полтора раза (на 50—55%), а другіе необходимыя предметы хозяй-

Авторъ м.т. общег. го, ка. книги

ства про- ныхъ циф- го журнал- видностью- ютъ того- шительно- мыхъ для- реживаеми

Знамени- Роднѣ сл- динѣ. Он- ству, въ п- колекціи о- ственной п- ся, чтобы- нены, а п- нимъ пожо- оедѣ. д- «Музей Р- на дости- 2.086.505 ф- фрагковъ. Родана. В- нья его- щины». «- памятникъ Гуго, Пю- Большу- бою такж- руку вопл- искусства- римской о- вительств- благодарн- высчитало- дана» буд- тсясятъ ф- полагаютъ- блики уж- зомъ гор- однимъ с- будетъ п- цевъ.

Условія

Больши- дей, жи- не отли- предпочт- жизни. В- ка, имъ- тельно, ч- ствуетъ и- вается ч- страстн- всякимъ- ствамъ, д- шествуетъ- ный уд- природой. А между- работы т- умѣренн- 40-лѣтн- шій, какъ- доспособн- рилъ, что- нѣ, и сам- крашалъ- алкоголя- гда онъ- ядомъ, н- средства. часто у- повышен- оказалис- ровля: ут- рить, од-

Е. И. Игнатьев. Автор книги «Наука о Небѣ и Землѣ» удостоенной Русск. Астроном. обществомъ преміи А. А. Сольскаго, какъ лучшей научно-популярной книги по астрономіи на русскомъ языкѣ.

прибывшіе къ нимъ, какъ, напримѣръ, поэтъ Поль Верленъ, притупляя свою чувствительность, должны были постепенно все увеличивать дозы, пока надъ ними не разражалась, наконецъ, неизбежная катастрофа. Еще въ древности Эсхилъ, по словамъ Плутарха, творилъ свои трагедіи только тогда, «когда былъ распялтъ виномъ». Этимъ же свойствомъ отличался и греческій писатель Аристофанъ. Но теперь люди уже не обладаютъ ни тѣмъ здоровьемъ, ни тѣми нервами, и всякія излишества ведутъ къ скорому разрушенію организма.

Знаменитый французскій историкъ Мишле былъ большимъ любителемъ крѣпкого кофе и съ утра выпивалъ его въ большомъ количествѣ, что, по его мнѣнію, способствовало хорошей работѣ мысли. Такимъ же любителями кофе были, по его словамъ, Дидро, Руссо и Бюффонъ. Но это пристрастіе весьма пагубно: любовь къ кофе свела преждевременно въ могилу знаменитаго французскаго писателя Бальзака. Бальзакъ, работавшій всегда по ночамъ, выпивалъ за работой безчисленное количество чашекъ крѣпкого кофе. Доктора много разъ его предостерегали отъ этой дурной привычки, но Бальзакъ не придавалъ этому значенія. Другой жертвой кофе былъ писатель Флоберъ, который тоже, для вдохновенія, постоянно пилъ крѣпкій черный кофе безъ сахара. Въ результатѣ Флоберъ заболѣлъ тяжелой периферической болѣзью, отъ которой уже не оправился.

А между тѣмъ путемъ множества наблюдений установлено, что человѣкъ работаетъ гораздо продуктивнѣе не въ возбужденномъ состояніи, ибо всякое возбужденіе истощаетъ, — а въ самомъ уравновѣженномъ спокойномъ настроеніи, когда голова ясна, такъ какъ максимумъ интеллектуальныхъ силъ дается именно этимъ гармоничнымъ покоемъ души.

ВЪ НАШИХЪ НОВЫХЪ АЗИАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

ЭРЗЕРУМЪ.—Развалины его юго-западной части.

ства процентовъ на 30. Изъ приведенныхъ цифръ французскаго и англійскаго журналовъ явствуетъ съ полной очевидностью, что союзники не испытываютъ того бѣшеннаго поднятія цѣнъ рѣшительно на всея категории необходимыхъ для жизни предметовъ, какое переживаемъ мы.

Даръ скульптора Родана.

Знаменитый французскій скульпторъ Роданъ сдѣлалъ цѣнный даръ своей родиѣ. Онъ пожелалъ передать государству, въ полное его обладаніе, все свои коллекціи скульптуры и живописи. Единственной просьбой жертвователя является, чтобы коллекціи эти не были разрознены, а помѣщены вмѣстѣ въ его, тоже имъ пожертвованномъ, великолѣпномъ отелѣ, который носилъ бы названіе: «Музей Родана». Стоимость дара Родана достигаетъ по точному вычисленію 2.086.505 франковъ, изъ коихъ 1.300.000 франковъ стоятъ произведенія самого Родана. Въ эту коллекцію вошли извѣстныя его скульптуры: «Сотвореніе женщины», «Адамъ», «Двери Ада», а также памятники и бюсты Бальзака, Викторя Гюго, Пюи де-Шаванна и эли Варвикъ.

Большую цѣнность представляютъ собою также античная коллекція, въ которую вошли 562 предмета египетскаго искусства и 398 предметовъ греческой и римской скульптуры. Французское правительство, принявшее даръ Родана съ благодарностью отъ лица всей націи, высчитало, что содержаніе «Музея Родана» будетъ обходиться государству 13 тысячъ франковъ въ годъ. Музей предполагаютъ открыть для обозрѣнія публики уже послѣ войны. Такимъ образомъ городъ Парижъ обогатится еще однимъ сокровищемъ искусства, которое будетъ привлекать вниманіе иностранцевъ.

Условія творчества и привычки писателей.

Большинство писателей и вообще людей, живущихъ умственнымъ трудомъ, не отличаются спортивнымъ духомъ, предпочитаютъ комнатный, сидячій образъ жизни. Великое движеніе, даже прогулка, имъ въ тягость, — поэтому неудивительно, что ожиреніе почти всегда сопутствуетъ ихъ старости. У многихъ развивается чрезмѣрный аппетитъ, а о пристрастіи людей пера къ напиткамъ и всякимъ другимъ наркотическимъ средствамъ, давно уже всѣмъ извѣстно. Существуетъ даже старая поговорка: первый ударъ — вотъ награда, даруемая природою за долгую умственную работу. А между тѣмъ самый характеръ этой работы требуетъ особаго воздержанія и умеренности, въ особенности послѣ 40-лѣтняго возраста. Еще Гёте, сохранившій, какъ извѣстно, замѣчательную трудоспособность до самой старости, говорилъ, что тайна молодости — воздержаніе, и самъ онъ съ каждымъ годомъ сокращалъ меню своего обѣда. О вредѣ алкоголя излишне и говорить теперь, когда онъ уже сталъ общепризнаннымъ ядомъ, но и всея другіе возбуждающія средства, какъ, напримѣръ, кофе, столь часто употребляемая писателями для повышенія писательскаго настроенія, оказались крайне опасными для здоровья: употребленіе этихъ средствъ старитъ, одряхляетъ всея органы. Люди,

привыкая нюхателей къ отлученію отъ церкви, а второй прибѣгалъ къ еще болѣе радикальному средству, въ духѣ своей страны, а именно, приказывалъ отрѣзать носы всѣмъ, кто упорствовалъ въ этой привычкѣ. Но страсть къ куренію Гёте считалъ недопустимымъ, чтобы «геніальный человѣкъ могъ курить». Кромѣ него никогда не курили Викторъ Гюго, Мишле, Сентъ-Бёвъ, Александръ Дюма (отецъ), Гейне, Сарра и др., зато Мильтонъ, Вальтеръ Скоттъ, Байронъ, Понсаръ, Жоржъ Зандъ, Альфредъ-де-Мюссе, Болдэръ, Сарду, Тэйтъ, Флоберъ, Эмиль Зола и Доде, наоборотъ, были страстными курильщиками. Другіе, какъ Бэконъ, Ньютонъ и Кантъ одновременно и курили и нюхали табакъ. Викторъ Гюго говорилъ: «Табакъ вреденъ для работы мысли: онъ превращаетъ мысль въ мечтаніе, а въ мечтахъ мысль утопаетъ».

Но большинство въспомоменованныхъ писателей принуждены были ко второй половинѣ жизни, по причинамъ здоровья, отказаться отъ куренія. Для многихъ разлука съ дорогой привычкою была очень тягостна и стоила большихъ усилий: Октавъ Фелье сталъ страдать такими нервными припадками, что пришлось совершенно бросить куреніе, и тогда, по его собственному признанію, здоровье поправилось. Александръ Дюма (сынъ), авторъ «Дамы съ камеліями», почувствовалъ сильныя головокруженія отъ куренія, и принужденъ былъ навсегда отъ него отказаться. «Табакъ наравнѣ съ алкоголемъ, — говорилъ онъ впоследствии, — это самыя опасныя враги разума». Также и Эмиль Зола: къ 1880 году Зола началъ страдать серьезной сердечной болѣзью; доктора признали отравленіе табакомъ и потребовали разъ навсегда проситьсь съ папиросой.

Во общемъ установлено, что писатели-геніи, какъ Гёте, Левъ Толстой и Викторъ Гюго — не курили. Вся исключительность натуръ этихъ великихъ людей не мирилась съ одурманиваніемъ табакомъ или другими наркотическими средствами. А среди прочихъ талантливыхъ писателей, очень многіе оказались курильщиками, но и они всегда совѣтовали окружающимъ не подражать ихъ примѣру и признавали весь вредъ куренія для напряженной умственной работы.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Переправа кавалеріи черезъ понтонный мостъ.

Полковой судъ на позиціяхъ.

ПОПРАВКА. Въ иллюстрированномъ приложеніи № 14581 въ подлинѣ подъ рисункомъ на стр. 341, воспроизводящемъ заданіе агентства русскаго дунайскаго пароходства въ гор. Рени, вкрадлась опечатка: вмѣсто «Въ Румыніи», слѣдуетъ читать: «У границы Румыніи».

Редакторъ М. Н. Маззевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина —

«НОВОЕ ВРЕМЯ».

1-е ПЕТРОГРАДСКОЕ СРЕДНЕЕ УЧИЛИЩЕ

Вѣдомства
Министерства
Земледѣлія.

СЕЛЬСКАГО СТРОИТЕЛЬСТВА, н. д. ПОРАКОВЫМЪ.

учрежденное инженеромъ

со всеми правами правительственныхъ техническихъ училищъ.

Въ 1 классъ прин., въ порядкѣ подачи прошеній, безъ экзамена окончившіе городск., высш. начальн., духовн., низш. техн., с.-хоз. учил., торг. школ., 4 кл. средн. учебн. зав., имѣющ. зв. вольноопред. II разр., не моложе 15 лѣтъ. Окончившіе получ. званіе ТЕХНИКА СЕЛЬСКАГО СТРОИТЕЛЬСТВА съ правомъ самост. произв. всяк. род. строит. работы и ПРАВО ПОСТУПЛ. ВЪ ВЫСШ. УЧЕБН. ЗАВЕД. ПО ВОИНСК. ПОВ. ПРАВА I РАЗРЯДА.

Начало занятій 15-го октября.

Петроградъ, РАЗЪѢЗЖАЯ улица, № 40, тел. 142-19.

Г.г. ОФИЦЕРАМЪ
Небывало долго горящи

ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
аккумуляторные и батарейные
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 33.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обучение. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АУТЕ-СТАТЬ.** Льготныя условія подшкиски и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**

Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразова- нія». Б. Ружейная, 7-11.

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ

ВЪКЪ НЫНѢШНІЙ

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время».

БЫСТРОЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ

и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, да- етъ Кефалдолъ Д-ра Стора. Отпускается изъ вѣсѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефал- долъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВАЯ КНИГА

САДЫ-ГОРОДА
И
ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ
ВЪ АНГЛІИ.

П. Г. МИЖУЕВА.

Красивое изданіе. Больше 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ копееч- ковомъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во вѣсѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Окладъ изданія — книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время», Невскій, 40.

ВОИЗЪЖАНІЕ ПОДДѢЛКЪ ТРЕБУЕТЪ ЗАМѢРЫ ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ интентивныхъ болѣзней, рекомендуется успешно, какъ высоко питательное и укрѣпляющее средство **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.**

Всѣдствие содержанія въ **«Лециталь»** снательно-питатель- лаго и укрѣпляющаго химическаго тѣла леци- тина, гемоглобина (составъ красныхъ кровяныхъ шариковъ) и малътовъ (экстрактное вещество соеда), **«Лециталь»** вполнѣ вслуживаетъ ибто между питательными и укрѣпляющими сред- ствами при малокровіи и нервномъ истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:

Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Каждая Коробка снабжена фабрич- ной маркой, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на коробкѣ, это есть вредная нигуда негодная поддѣлка.

Продажа **«Лецитали»** во вѣсѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаа. Брошюра высыл. бесплатно. Цѣна 1 кор. **«Лецитали»** — 5 руб. 50 коп.; двойная кор. — 10 руб.

Главный складъ Д-по: Медико-Фармацевтическаго Товарищества: Петроградъ, У. Невскаго — Садовая 15, отд. — 014

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батардъ и пр. 906 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для на- правл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вѣщи. Образъ на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и переп. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ вѣсѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ бук- вою Ъ. Вѣсѣхъ правилъ легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубля.

Адр.: Книгомад. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — Петроградъ, Б. Ружейная, 7-11.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообразованія. 368 страницъ. Цѣна 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. упр., формы прошен., писемъ, какія вѣщи должно принести, чтобы обезпечить собѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для вѣсѣхъ торгово-промышленн. дѣлителей и служащихъ. 443 страницъ. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля.

При посылк. налог. плат. на 25 к. дороже.

В. КОШКО.

„БУРЖУАЗНЫЯ ДУШОНКИ“

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).

Продаются во вѣсѣхъ книжныхъ магазинахъ и жел. станціяхъ.

Въ октябрьскихъ номерахъ **„ВѢСТНИКА МОДЫ“** помѣщено 166 рис. дамскаго и дѣтскаго туалетовъ; 48 рис. руководствъ; 37 выкроекъ. Идеалы на Бермудскихъ островахъ. Понѣвѣ Галль. Заживо погребенные. Раз. Р. Кишлингъ. Пути къ счастью. Весѣла 4-я и 5-я. Основныя правила умѣнной жизни. А. Ришо. Меню завтрака и обѣда съ подроб- нымъ наложеніемъ приготовленія. Е. Николаевой. Предупрежденіе наложныхъ заболѣваній. Средства противъ неровностей кожи, д-ра Моленъ. Нервные тики и манія, д-ра Винаншъ. Скориничинство (съ рис.). Журналъ до 1-го сентября распечатанъ. Открыта подписка на 3 мѣс., съ 1-го сент. цѣна 2 р. 50 к. и на годъ съ 1-го декабря. Цѣна 7 руб. Новый адресъ конторы: Петроградъ, Александринская пл., 9.

БИНОКЛИ ПРИЗМЕН. ЦЕЙСЪ и др. фабрикт., военн. образцъ 6 и 8.Х.Х. БОЛЬШ. ПРИЗМЕН. СТЕРЕОТРУБА ГЕРЦА. 10 и 15.Х.Х. оставлены для комисіон. продажъ въ **Складѣ Новыхъ Изобрѣтеній, Морская, 33. Петроградъ.**

КАМЕИ,
серьги малыхъ и оникс. Случайно: **ВОЛАНЪ БРЮС. КРУЖ.** Ювел. пеци.

УРАЛЬСКАЯ ЯШМА.
Пушкинская, II.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ
А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
Невскій, 96 (уголь. Надеждинской).
Тел. 168-95.

Бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, александриты, жемчуга и пр. и пр.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ **„УРАЛЬСКИХЪ КАМНЕЙ“**

Пріемъ на комиссію и покупка драгоцѣнныхъ камней и ломбардныхъ кмитанцій.

Продажа случайныхъ вещей.
Пріемъ заказовъ на всевозможныя ювелирныя издѣлія.
Художественная работа.
Цѣны внѣ конкуренціи.

Въ книж. магаз. Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» продается книга

ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ.

Историко-художественное описаніе А. Барта.

248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художествен- ной обложкѣ.

Перевелъ Н. М. Лаговъ.

Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ:
Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Панорама Царьграда. — II. Царьградъ вблизи. — III. Изъ прошлаго. — VI. Сооруженіе Св. Софіи. — V. Св. Софія въ наши дни. — VI. Другіе храмы. — VII. Развалины дворцовъ и водопроводы. — VIII. Городскія стѣны и монументы. — IX. Въ древнемъ Царьградѣ. — X. Мечети турецкой постройки. — XI. Серай. — XII. Новые дворцы, бѣ- зары, фонтаны и пр. — XIII. Кладбища. — XIV. Окрестности.

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натураль- ный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, кото- рый постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ воз- вратить имъ натуральный цвѣтъ. — Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. — Я съ радо- стью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.**

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія КАЛЪТОНА, МОСКВА, Фуриасвскій пер., домъ — 109АК

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14595

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 22 ОКТЯБРЯ (4 НОЯБРЯ) 1916 ГОДА.

№ 14595

Электрикъ.

(Разказъ).

I.

Старикъ генералъ Бухановъ былъ сегодня опять не въ духѣ, и опять совершенно напрасно доставалось его дочери Ленѣ.

Онъ всталъ послѣ обѣда полуголодный и ворчалъ, не успокаиваясь.

— Поспать хорошо на сытый желудокъ... а извольте заснуть послѣ макаронъ да пустого супа... Я человекъ большой, слабый... Ты объ этомъ не думаешь...

— Курица стоитъ, папочка, четыре рубля,—каждый день невозможно. Приходится экономить.

— Изъ всѣхъ твоихъ экономій толку никакого... Деньгъ идетъ, все равно, чертова пропасть...

— Да вѣдь теперь, папа, дорого. Трагитъ, сколько есть.

— А умывальникъ мой когда-же починятъ? Я уже говорилъ, что въ ваннѣ мыться не могу. Развѣ ты не понимаешь?—не могу нагнуться.

— Я мастера звалъ: не идетъ.

— Какъ это такъ не идетъ мастеръ? А ты скажи:—его превосходительство требуетъ.

— Говорила.

— А онъ что?

— Да ничего. Не идетъ. Отвѣтилъ: некогда.

— Ну, и пародъ нынче пошелъ: все ему некогда! съ барышнями, должно быть, гуляетъ,—я самъ вчера изъ окна видѣлъ... Ну, и пародъ!..

Бухановъ махнулъ рукой и сердито закричалъ и хрипло, по-генеральски расканился.

— Чортъ знаетъ что!

Онъ громко высморкался и сталъ вытирать слезы носовымъ платкомъ. Потомъ, видимо, собрался идти въ другую комнату, но на порогѣ остановился.

— А, можетъ быть, умывальникъ починитъ этотъ нашъ Электрикъ? Отчего его, кстати, не зовутъ? вѣдь и звонки у насъ еле-еле дѣйствуютъ.

— Лучша къ нему уже ходила, да нешла,—куда-то онъ теперь перѣхалъ.

— Такъ надо сыскать. Этотъ ко мнѣ, слава Богу, явится. Слышите его обязательно.

Бухановъ тяжелой стариковской поступью, что-то хрипло ворча, пошелъ въ кабинетъ.

«И жалко его и силъ никакихъ вѣтъ

дальше терпѣть», думала Лена, провожая отца глазами.

Вотъ уже четыре года, что они остались вдвоемъ, съ тѣхъ поръ какъ мать умерла отъ рака. Вначалѣ было всетаки куда лучше: съ ними жила старая няня Анисья, теперь слѣпая, параличомъ разбитая, доживающая послѣдніе дни въ богадѣльнѣ. Лена могла спокойно выходить, поддерживать кой-какія сохранившіяся знакомства, иногда бывать въ театрѣ. Она даже утѣжалась на нѣсколько мѣсяцевъ къ старшей замужней сестрѣ въ Орелъ, оставивъ отца съ Анисьей.

Теперь это было бы невозможно. Отецъ всецѣло на ея попеченіи и нуждается въ уходѣ, какъ ребенокъ. Онъ, въ сущности, еще не такъ старъ—ему только шестьде-

сять три, но онъ очень одряхлѣлъ и опустился послѣ смерти жены. Вышелъ въ отставку, махнувъ на себя рукою. А вѣдь еще сравнительно недавно мечталъ получить какое-нибудь большое назначеніе.

Боевой офицеръ, участникъ двухъ войнъ, онъ одно время дѣлалъ хорошую карьеру, два раза губернаторствовалъ, но оказался слишкомъ независимымъ и попалъ въ столицу членомъ совѣта. Онъ думалъ—ненадолго, но что-то въ судьбѣ человека точно переломилось. Растаяли къ тому времени послѣдніе остатки небольшого дворянскаго состоянія, заболѣла серьезно жена,—Бухановъ сталъ опускаться, терять почву. Другіе вездѣ люди, другія требованія, вліятельные родственники не у дѣлъ, многіе умерли. Онъ скоро

почувствовалъ, что окончательно сланъ въ архивъ, что о немъ больше не вспомнятъ, и сразу себя почувствовалъ большимъ и дряхлымъ. А съ кѣмъ-то не поладивъ, послѣ смерти жены вышелъ въ отставку.

Какъ все круто измѣнилось за послѣднія десять лѣтъ въ ихъ семьѣ! Развѣ давно это было? Огромный губернаторскій домъ съ тѣнистымъ садомъ, съ цѣлымъ штатомъ прислуги, свои лошади, шиваники, вѣчныя развлечения. Лена, тогда еще институтка, была окружена молодежью, за ней ухаживали какъ за взрослой, два раза ей дѣлали «предложеніе». И почему это она не вышла за Ямина? Онъ уже полковникъ генеральнаго штаба, человекъ съ прочнымъ положеніемъ,—какъ легко и покойно живетъ теперь его женѣ!

Но можно ли было тогда предвидѣть? Сѣрый армейскій офицеръ, штабсъ-капитанъ Яминъ, ничѣмъ рѣшительно не выдававшійся, неизвестно изъ какой семьи, и губернаторская дочка Лена въ любимица отца, юная, хорошенькая, всегда парадная, избалованная. Разумѣется, его не считали «партіей». Даже про старшую сестру Варю говорили, что она неважно вышла—за товарища прокурора, а вѣдь Варя совсѣмъ некрасивая.

Вопросъ о замужествѣ очень беспокоитъ Лену. За кого ей дѣйствительно выйти? И какъ это неправильно—такъ воспитывать дочерей, что онѣ себя считаютъ рожденными для какихъ-то жениховъ со всѣмъ исключительныхъ... А что у нея есть у самой? Приданого никакого, никакихъ, въ сущности, связей или хорошаго родства. Только и есть, что пышные волосы, да пышная фигура,—но изъ-за этого одного теперь не женятся.

Ленѣ уже двадцать семь лѣтъ. Она

ПОДЪ РИГОЮ. — Развѣдчики, подкравшись къ выслѣженному «Пулеметному Гибзду» Германцевъ, забрасываютъ его ручными гранатами. Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Гросолочная загражденія и воронка отъ тяжелого снаряда, наполненная дождевой водою.

Поручик П. А. Высочинъ.
Награжденъ орд. св. Георгия 4 ст.
Паль геройской смерти.

старается не поддаваться и не хандрить, боится побороть отъ сидачей, однообразной жизни, а всетаки видитъ, что за послѣдній ходъ отяжелѣла и постарѣла. Кругомъ только одинъ неприятности. Вотъ съ Варей теперь дѣла исторія: мужъ ее почти бросилъ. Добился перевода въ Моззю и уѣхалъ одинъ, — кажется, на комъ-то хочетъ жениться. Опять все изъ-за того же: нужны ему деньги и связи, а не скучная, красивая Вара съ дѣтьми. Это прежде, когда еще можно было надѣяться на генерала Буханова, онъ съ нею считался? А теперь на что она?

Отецъ уже давно сталъ посылать Варѣ сто рублей въ мѣсяцъ. Трудно, очень трудно, да что дѣлать? не помочь было нельзя. Но въ нынѣшнемъ году имъ самимъ никакъ не справиться. Все такъ дорого, — нечѣмъ жить. Лена уже не думаетъ ни о какихъ излишествахъ, о туалетѣ, лишь бы не жаловался отецъ. Онъ вѣдь дѣлательно, боленъ и нуждается въ покоѣ и въ некоторомъ комфорта. Пришлось, потихоньку отъ него, недавно заложить кое-что изъ серебра. А на-дняхъ опять приходилъ старшій дворникъ и объявилъ, что на квартирѣ будетъ прибавка.

Что же имъ теперь дѣлать? Лена знаетъ, что единственное, въ концѣ концовъ, средство — уѣхать куда-нибудь въ провинцію и поселиться вмѣстѣ съ Варей. Но ей этого очень не хочется. Въ провинціи было хорошо жить въ большомъ губернаторскомъ домѣ при тогдашнемъ ихъ положеніи въ обществѣ, но жить, какъ живетъ Вара, — нѣтъ, это ужасно! Здѣсь всетаки тѣшишься какой-то иллюзіей жизни, надеждой на случайную встрѣчу, на знакомство. Приятно уже и то, что тебя не знаютъ, что не слѣдятъ за твоей жизнью, и нѣтъ этихъ провинциальныхъ хихиканій и сплетенъ.

А всетаки имъ уѣхать придется. Надо будетъ продать эту обстановку, — за нее можно теперь хорошо получить. У нихъ много дорогихъ старыхъ вещей, много всякихъ серебряныхъ подносовъ и блюде, въ разное время поднесенныхъ Буханову сослуживцами и подчиненными и теперь совершенно ненужныхъ, — это составитъ все вмѣстѣ нѣсколько тысячъ. Можетъ быть даже удастся купить какой-нибудь клочокъ земли. Да и, во всякомъ случаѣ, въ провинціи жизнь куда дешевле.

Лена въ раздумьи пропала по комнатамъ. Ей стало себя жалко. Развѣ это справедливо, чтобы уходили лучшіе годы на эти скучныя практическія заботы, которыя теперь всецѣло упали на нее? Развѣ объ этомъ обыкновенно думаютъ барышни? развѣ слово для этого готовится къ жизни двадцать семь лѣтъ?

Отецъ уже задремалъ въ своемъ просторномъ креслѣ въ кабинетѣ, и изъ открытой двери слабо доносилось его перов-

ное старческое похрапыванье. Лена осталась передъ большимъ зеркаломъ въ гостиной и поправила свои густые, дѣлительно, прекрасные волосы. Статная, съ задумчивыми глазами — она себя показывала такой благородной и такой породистой. «Къ чему это?» подумала она, презрительно сжимая губы: «кому это все нужно?»

II

Генералъ Бухановъ вертѣлъ въ рукахъ визитную карточку. «Тимоей Парамоновъ Кульковъ. Техникъ».

— Да ты, Луша, его спрашивала — по какому дѣлу?

— Такъ что хотѣть васъ видѣть, а вѣтъ — такъ барышню.

— Ну, позови...

— Имѣю честь кланяться, Валерьянъ Палычъ, — заговорилъ вошедшій, оставившись у дверей, но продолжая еще двигать ногами и руками, точно расшаркиваясь.

Сіяло полнымъ удовольствіемъ его молодое, лоснившееся лицо съ маленькими усиками, и то же самодовольство чувствовалось во всей фигурѣ, — въ этихъ густо напояженныхъ желтыхъ волосахъ, даже въ широкомъ, свѣтломъ костюмѣ какого-то нѣжно-сиреневаго оттенка.

— Развѣ вы, кажется, меня забыли... Тимоей Кульковъ...

Генералъ Бухановъ всматривался въ вошедшаго.

— Извините, что-то не вспоминаю...

— Да Кульковъ же... сынъ Парамонъ Савича... Покойный батюшка у васъ еще столяромъ работалъ... еще, можетъ быть, помните...

— Электрингъ! — вдругъ закричалъ Бухановъ, — да неужели? Вотъ такъ переѣхался!

— Переѣхался, Валерьянъ Палычъ... это вы правы...

— Такъ ты такъ бы и говорилъ: пришелъ Электрингъ. А то какой-то Кульковъ! Почему я его знаю! Визитную карточку еще посылаешь!

— Ну, извольте... для васъ ужъ остался Электрингомъ, если хотите... какъ вы меня еще мальчикомъ такъ прозвали, изъ-за лампочекъ этихъ самыхъ. Ну, и привыкли, конечно: оно понятно. Къ тому-жъ и покойный батюшка...

Генералъ Бухановъ съ любопытствомъ разсматривалъ своего гостя.

— Ты, я вижу, чувствуешь себя хорошо. Разбогатѣлъ, что ли, на лампочкахъ на этихъ?

— Какое, Валерьянъ Палычъ, лампочки! У насъ теперь дѣла всякія...

— А вѣдь не узналъ тебя, Электрингъ! это вѣрно. Вѣдь какимъ былъ всегда грязнымъ и замазаннымъ, когда раньше приходилъ работать... Ты это что-жъ? Тебя Лена вызвала?

— Елена Валерьяновна мнѣ ничего не сообщила. А черезъ старшаго дворника стало известно... какъ онъ намъ свойственникъ...

— Да, да... звонки вотъ у насъ испортились, да еще умывальникъ... Только ужъ теперь стойтъ ли? Кажется, уѣдемъ...

На лицѣ Электрина сначала выразилось нѣкоторое недоумѣніе, но затѣмъ онъ ласково улыбнулся въ полномъ сознаніи своего достоинства.

— Вы не о томъ, Валерьянъ Палычъ. Этими дѣлами я, извините, ужъ больше не занимаюсь. Я, вотъ, насчетъ отъѣзда... какъ ходитъ слухъ, что вы вещи теперь продаете. А мнѣ хорошо известно, какія у васъ нынѣ вещи есть. Я, вотъ, покупаю...

— Такъ ты что-жъ? Вещами теперь торгуешь? Маклакомъ сталъ. Говорятъ, въ нынѣшнее время выгодно...

— Нѣтъ, Валерьянъ Палычъ, — я это для себя присматриваю: квартиру, изволите ли видѣть, хочу обставить...

— И тебѣ нужны такія вещи? Бухановъ нахмурилъ взъерошенные брови, все внимательно разглядывая собеседника, — его тяжелую золотую цѣпь и завязанный огромнымъ узломъ полосатый шелковый галстухъ.

— А вы какъ изволите судить, Валерьянъ Палычъ? Какія есть хорошія вещи — онѣ каждому нужны. Если, конечно, состояніе позволяетъ. Такъ вы продаете?

— Ну, и Электрингъ! точно вслухъ думая, произнесъ Бухановъ: а впрочемъ — хвалю, молодецъ! Ты чѣмъ же теперь, собственно, занимаешься?

— Да разными дѣлами, Валерьянъ Палычъ. Ежели человекъ съ головой, такъ теперь онъ всегда въ люди выйдетъ. Вы мнѣ разрешите присѣсть? какъ наша беседа съ вами затягивается... Какъ изволите поживать, Валерьянъ Палычъ?

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Раненый англійскій солдатъ приветствуетъ идущихъ въ бой товарищей. Его несутъ только что взятые въ плѣнъ немцы.

Капитанъ М. М. Чайковскій.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

— Да, да, — нѣсколько разъ прохрипѣлъ Бухановъ, — молодецъ...

— А Елена Валерьяновна? какъ онѣ? здоровы ли? Я ихъ весной на улицѣ видѣлъ, — ничего, какъ были-съ... Вы это что-жъ уѣзжать теперь вздумали? Оно, конечно, — въ столицѣ нынче живется трудно. Дорого.

— Тебѣ-то, кажется, не очень трудно живется...

— Мнѣ — это дѣло другое. А вотъ, которые на пенсіи или на жалованьи, — тѣмъ, вотъ, трудно. Вы, Валерьянъ Палычъ, конечно, какъ уже старики, къ вамъ не относится, — а теперь, знаете, такое время: ежели ты, напримѣръ, что-нибудь вырабатываешь, другими словами — значить — человекъ нужный, пользу дающій, — тогда тебѣ пожалуйста, деньги всегда готовы, — только возьми. Ну, а ежели ты къ одному жалованью приспособишься, чтобы, значить, двадцатаго числа въ полученіи расписываться, — тогда ужъ извините — на такихъ людей теперь спросу нѣтъ... Вы мнѣ закурить позволите, Валерьянъ Палычъ?

Электрингъ вынулъ большой кожаный портсигаръ съ яркимъ на немъ букетомъ изъ эмали и предложилъ Буханову:

— Осмѣлюсь?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я чужихъ не курю...

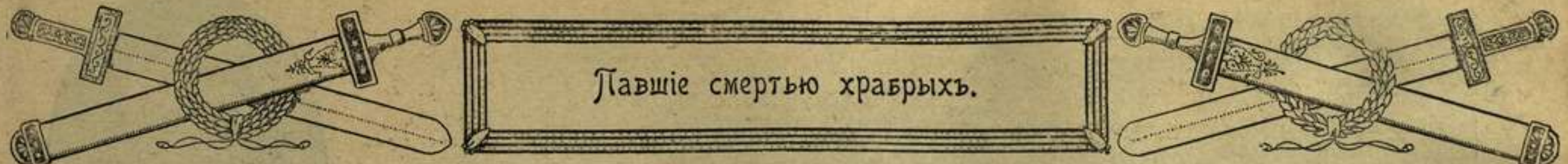
— А табакъ хорошій, турецкій. Рекомендую попробовать. Совсѣмъ особая смѣсь... Это инженеръ Межевичъ, Степанъ Адамовичъ, — можетъ, изволили слышать? такъ это онъ, — по его, значить, рецепту приготовлено. Какъ мы съ нимъ теперь компаньоны... Неужто вы объ инженерѣ Межевичѣ никогда не слышали? о немъ и въ газетахъ пишутъ...

— Не знаю, что-то не помню...

— Изобрѣтатель. Большого ума человекъ. А теперь у насъ съ нимъ техническая контора. Всякіе мы принимаемъ заказы и всякое, значить, посредничество. Нынче, Валерьянъ Палычъ, промышленности толчокъ данъ очень сильный... А еще послѣ войны что-то будетъ! когда понаѣдутъ сюда Американцы... только, знай, держись, — не зѣвай! Конечно, у насъ съ нимъ дѣло покуда не такъ большое, — а всетаки надѣмся. Инженеръ Межевичъ да техникъ Кульковъ — такіе люди, Валерьянъ Палычъ, нынче не пропадаютъ. Теперь вѣкъ новый, какъ говорятъ, американскій...

— Ну, и Электрингъ! — еще разъ повторилъ Бухановъ, не зная, что и отвѣчать на всѣ эти рѣчи неожиданнаго гостя.

— Какъ мой покойный батюшка васъ очень уважали, Валерьянъ Палычъ, да и меня вы почти мальчикомъ помните, такъ

Подпор. Л. Ф. Лупановъ.

Подпор. М. М. Ванъ-дербъ-Шкрюфъ.

Капит. Н. Н. Яцимирскій

Корнетъ Г. М. Серебряновъ.

Поруч. К. Н. Гильдебрандтъ.

Подпоруч. Н. А. Лоскутовъ.

Подпоруч. П. А. Дзевалтовскій.

Прапорщ. Б. М. Приецишевскій.

Поруч. В. В. Новалевъ.

Прапорщ. М. Ф. Васильевъ.

Прапорщ. И. Я. Чигасъ.

Подпоруч. А. И. Нундинъ

Прапорщ. С. В. Чугуновъ.

Прапорщ. Н. А. Соболевъ.

Прапорщ. М. С. Левинъ.

я, конечно, на васъ не сбую. Называйте меня, какъ ужъ тамъ хотите, и даже обращайтесь по-прежнему, — я обижаться не буду. Когда кого съ дѣтства помнать, никакой туть обиды нѣтъ. А только я хочу сказать, для свидѣнія, чтобы, значить, по положенію свое нынѣшнее опредѣлить, что теперь я — Тимошей Парамоновичъ господинъ Кульковъ, какъ вотъ и въ карточкѣ сказано, а по образованію — техникъ.

Электрикъ улыбнулся.

— Вы, Валерьянъ Палычъ, на меня тоже за эти слова не обижайтесь. Давно мы, вместе, съ вами, Валерьянъ Палычъ, не видѣлись, и приходится мнѣ теперь какъ бы заново передъ вами отрекомендоваться. Самы изволите понимать, что и времена другія... Какъ мой батюшка, когда столяромъ работалъ, да и я мальчишкой монтеромъ много мы оскорбленій великихъ терпѣли, —

ну, а ужъ теперь извините — времена да, другія времена, — хрипло протянул Бухановъ.

— Прежнихъ взглядовъ, Валерьянъ Палычъ, людей тоже остается мало. Вотъ возьмите, къ примѣру, инженеръ Межевичъ. Человѣкъ очень образованный, можно сказать, выдающійся, да и такъ вообще — толкъ въ жизни понимающій, насчетъ тамъ квартиры или свѣтскаго обихода или по части художественныхъ искусствъ, а гордости въ немъ никакой. Какъ говорится — держать себя на равной ногѣ.

— Тебѣ какія же вещи? — точно вспомнилъ, наконецъ, что было нужно для крашенія длиннаго разговора, спросилъ Бухановъ: какія вамъ требуются вещи, Тимошей Парамоновичъ? — прибавилъ онъ, шу-

ря въ своей мягкой улыбкѣ глаза: какется, я не ошибся, — Парамоновичъ?

— Такъ, такъ... — тоже улыбаясь, отвѣтилъ Электрикъ, — только не изволите беспокоиться. Я ужъ вамъ сказалъ, Валерьянъ Палычъ: для васъ законъ не писанъ... А что касательно вещей, — такъ вещи мнѣ понадобятся разныя... Есть у васъ, напримѣр, рѣзной орѣховый шкафъ и столярный столъ — хорошия вещи, да и столярный столикъ — тоже хорошия вещи. Серебро тоже надо посмотреть. Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги.

— Лена, — позвалъ Бухановъ: пойдикуда кетати. Покупатель на наши вещи здѣсь у меня сидитъ.

Лена остановилась на порогѣ.

— Имѣю честь кланяться, Елена Валерьяновна, — вскоцилъ съ кресла Электрикъ.

Она отвѣтила на поклонъ, видимо недоумѣвая.

— Это нашъ бывшій Электрикъ, помнишь? — подсказалъ Бухановъ, — теперь техникъ Кульковъ, Тимошей... какъ по отчеству-то?

— Парамоновичъ, Валерьянъ Палычъ.. да вы не изволите беспокоиться, — я же говорилъ...

— Такъ вотъ этотъ самый Парамоновичъ хочетъ у насъ купить кой-какія вещи. Надо будетъ ему показать, — Бухановъ мягко улыбнулся, — да цѣны-то называй подороже: онъ теперь богатый.

— А вы все, Валерьянъ Палычъ, какъ и прежде, шутить изволите. Еще батюшка мой покойный рассказывалъ: шутники-ст

Английский король Георг V в лагерь Ольдершот, около Лондона, послѣ смотра войскамъ, отправляющимся на фронтъ. Короля сопровождаетъ генералъ Френчъ.

Полковникъ Ив. Тимоф. Спѣваевъ. Награжденъ Георгиевскимъ орденомъ. Скончался отъ тяжелой контузии.

генералъ Бухановъ. И тоже, вотъ, всегда прибавлялъ: берите съ нихъ дорожку, потому—богатые...

— Пойдемте, господинъ Кузьковъ,—сухо пригласила Лена,—я вамъ все покажу...

III.

Уже, кажется, въ четвертый или въ пятый разъ явилась Электрина въ домъ къ Буханову. Все онъ еще присматривался, да прищипывался, все прибавлялъ новыхъ и новыхъ вещей къ прежде выбранному. Отъ скуки Лена даже развлекалась этими приходами. А онъ очень любезно прислалъ мастера, который починилъ и звонки и умывальникъ:

— Видь, все-таки еще съ мѣсяцъ проживете.

Когда Лена хотѣла заплатить, онъ рѣшительно запротестовалъ:

— Помилуйте,—изъ нашей конторы. Уже позвольте по старому знакомству. Мы, конечно, такихъ дѣлъ не беремъ. А специально для васъ, Елена Валерьяновна...

Вообще Электрина была даже, пожалуй, забавнѣе въ этой своей обычной свѣтской любезности, которую онъ считалъ совершенно необходимой. Являлся всегда хорошо выбритый и напомаженный, каждый разъ въ новомъ галстукѣ, всегда необычайно широко, самыхъ яркихъ цвѣтовъ. А какъ-то принесъ даже Ленѣ конфеты.

— Вышли мы вмѣстѣ съ инженеромъ

Шт.-кап. Алексан. Ариг. Дрошинъ. Скончался отъ ранъ. Награжденъ въ нынѣшнюю войну орд. св. Георгия 4 ст., а въ Японскую, гдѣ участвовалъ вольноопредѣляющимся, Георгиевск. крестами 4-хъ степ.

Межевичемъ,—объяснилъ онъ свое неожиданное подношеніе: и какъ Степанъ Адамовичъ въ кондитерскую на Невскомъ направились, то и я, стало быть, захватилъ для васъ, Елена Валерьяновна, три фунта. Кушайте.

Въ тотъ же день онъ опять заговорилъ о Межевичѣ.

— А хотите, я васъ съ нимъ познакомлю, человекъ весьма пріятный. У васъ, я вижу, теперь гостей немного. Нехорошо, Елена Валерьяновна. Такая, можно сказать, презентабельная дѣвица, а молодежи кругомъ нѣтъ. Это не полагается. За кого же вы замужъ пойдете, Елена Валерьяновна?

Лена уже привыкла къ постоянной болтовнѣ Электрина и встрѣтила и этотъ его вопросъ своей обычной равнодушно-лѣбливой улыбкой. Она повела плечомъ, слегка поднявъ бровь.

— Ни за кого, вѣроятно.

— Какъ ни за кого? Развѣ это возможно? Такая вы образованная, такая красивая, и вдругъ—на всю жизнь въ дѣвщахъ...

Лена чуть-чуть покраснѣла отъ этихъ комплиментовъ Электрина и мелкою скользнула по нему взглядомъ: онъ стоялъ улыбающийся, напомаженный, точно покрытый лакомъ. Ей стало смѣшно.

— А хотите, я васъ сосватаю?—продолжалъ Электринъ,—видь инженеръ Межевичъ, изволите ли видѣть, еще холостой. Дѣло у насъ очень хорошее. Правда, можетъ быть, не такъ знатной семьи, да теперь это не строго соблюдается. Вы какъ думаете, Елена Валерьяновна?

Гидаятъ-Ага Ханъ-Джеванширъ, палъ геройской смертью при наступленіи нашей доблестной арміи на Луцкъ. Покойный ушелъ добровольцемъ съ 4-го курса Петроградскаго политехническаго института Императора Петра Великаго и поступилъ въ Константиновское артиллерійское училище. По окончаніи вышелъ въ лейбъ-гвардію 3-ю артиллерійскую бригаду.

ВО ФЛАНДРІИ. — Стрѣя бельгійскихъ военныхъ автомобилей.

УСЛОВІЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Британскіе офицеры передъ отправленіемъ въ траншеи.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Полковникъ И. В. Бабуревъ. Награжденъ за текущую войну орд. св. Георгия 4 ст., Георгиевскимъ оруж., английскимъ орд. «за храбрость», чинами подполковника и полковника.

Присяга новому знамени.

Ген.-отъ-инф. Раф. Ник. Флейшеръ. Участникъ войнъ: 1877—78 г.г., 1904—1905 и нынѣшней. † на позиціи 1 октября.

— Я замуж не собираюсь,—оборвала Лена.

— Какъ же это не собираетесь! Въдъ вы же не въ монахини обрелись! Какъ-да дѣвушка собираетесь... обязательно собираетесь...

— Васъ не переспоришь,—сказала Лена уже спокойнѣй и ласковѣй,—оставимъ это. Давайте, займитесь вещами. Отецъ спрашиваетъ, что вы еще берете въ гостиную?

— Шкафъ ореховый, Елена Валерьяновна, обязательно беру со всеми книгами. Потому, какая же квартира, ежели безъ книгъ? А тутъ у васъ все въ полномъ порядкѣ уже имѣется. Реестрикъ книжный, вашей рукою писанный, тоже приложитъ не забудьте. И вашъ маленький столъ пшеничный еще покупаю. По началу-то я не думала, а теперь вотъ и разсудила: въдъ все равно одинокимъ не проживешь, такъ для будущей жены, значитъ,—вместѣ съ вашимъ трюмо, Елена Валерьяновна, и съ шкафомъ грушеваго дерева, что въ спальнѣ... Серебро, которое дарено, съ вырѣзанными надписями,—ужъ, право, не знаю—брать ли? Оно, конечно, вещи очень хорошия,—что называется, фамильныя, только мнѣ-то онѣ къ чему же? Ежели, скажемъ, были бы отъ отца или изъ приданаго за женой, а то для одной декорации даже и повѣсить-то неудобно съ чужими адресами. Я еще объ этомъ подумую, Елена Валерьяновна...

Окопы въ лѣсу,

Ленѣ было очень жаль многихъ вещей, такъ онъ и баринъ. И все равно ему каждый который она помнила еще съ дѣтства. Но гдѣ же ихъ теперь перевозить? а продавать—выгодно. Шифоньерка, напримѣръ, благородствѣ выгода невелика, коли бѣтъ въ спальнѣ,—какъ она напоминаетъ еще покойную бабушку, сѣдую, немного чопорную старуху Буханову, рожденную Сы- сольскую, о которой говорили, что она сдѣлала «mésalliance». А вотъ большое красное кресло, — кажется, это первая вещь, привлекавшая вниманіе въ дѣтствѣ...

Даже Электринъ, въ слѣдующій свой приходъ, когда они подробно осматривали спальною, замѣтилъ, что Лена чѣмъ-то огорчена.

— Жаль это все продавать,—отвѣтила она просто.

— Что и говорить,—вещи хорошия, старинныя. Какъ батюшка мой столаромъ работалъ, то и я въ деревѣ толкъ понимаю... А ежели, Елена Валерьяновна, вы, скажемъ, за инженера Межевича замужъ бы вышли, такъ и продавать не надо. При васъ бы все и осталось...

Лена очень внимательно посмотрѣла Электрину прямо въ глаза,—впервые, кажется, шевельнулась въ ней какая-то догадка.

Электринъ быстро отвелъ взглядъ, но продолжалъ говорить со своей обычной увѣренностью, только смотря куда-то въ сторону.

— Теперь, знаете, происхождение—оно большой цѣны не имѣетъ. Пусть, скажемъ, инженеръ Межевичъ изъ простаго знанія вышелъ, но ежели деньги у него есть,

— Такъ жаль вамъ вещей, Елена Валерьяновна?

— Богъ съ ними,—задумчиво сказала Лена.

— Выбирайте, и кончимъ,—прибавила потѣмъ, дѣлая шагъ къ зеркалу,—такъ это трюмо...

— А могли бы при себѣ сохранить,—живо перебилъ Электринъ,—вѣрное слово—могли бы. Только захотите. А ужъ я съ полнымъ удовольствіемъ. Все купленныя вещи обратно преподнесу...

— Вы это о чѣмъ?—строго спросила Лена.

Ея вопросъ ей не понравился самой, но что было, дѣйствительно, сказать въ отвѣтъ на такой странный оборотъ словъ собесѣдника?

— А насчетъ законнаго брака, Елена Валерьяновна,—Электринъ совсѣмъ опустилъ глаза: самаго незаконнѣйшаго-съ,—упаси Богъ!..

— И вы могли думать, что я за васъ пойду замужъ? сказала Лена очень спокойно и громко, не скрывая своей улыбки.

Электринъ что-то хотѣлъ отвѣтить, весь заневелился и покраснѣлъ, но вдругъ хриплый голосъ генерала Буханова послышался на порогѣ.

— Что такое?... Что?..

— Господинъ Кузьковъ проситъ моей руки,—съ прежнимъ гордымъ спокойствіемъ сообщила Лена,—ты что на это скажешь?

— Господинъ Кузьковъ? — повторилъ Бухановъ.—Вонъ! вонъ отсюда! Да какъ ты смѣла?

Электринъ невольно шагнулъ въ сторону.

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Полковникъ С. Смирновъ. Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ за то, что въ ночной атакѣ на 18 декабря 1914 года, команду батальономъ, овладѣлъ укрѣпленной позиціей противника на опушкѣ Каменнаго лѣса, а затѣмъ, отразивъ рядъ атакъ противника въ теченіе ночи, далъ возможность фланговымъ частямъ полка развить успѣхъ, занять и удержать за собою неприступную позицію и отбросить неприятеля.

Оригинальная кавалькада на снѣжныхъ вершинахъ. Выносливые буйволы вмѣсто нетерпѣливыхъ коней, какъ средство передвиженія нашихъ солдатъ.

— Думаешь, разбогатеешь,—так тебѣ все можно! Вонь!—Бухановъ стукнул кулакомъ по туалету, весь киня негодованіемъ.

Электрикъ побѣднѣлъ но, ни слова не сказавъ, повернулся и вышелъ.

— Наглець!—повторялъ Бухановъ, — сразу тогда не выгнали, такъ и зазнался.. Онъ тяжело дышалъ.

— Успокойся, папа,—подошла къ нему Лена,—не стоитъ того. Ничего плохого этотъ Кульковъ не сдѣлалъ... не хотѣлъ сдѣлать...

Она крѣпко обняла еще дрожавшаго отъ гнѣва отца и вдругъ глубоко вздрогнула сама первой схваткой истерического рыданія.

В. Опочининъ.

Въ Августѣ.

Букетъ изъ вереска сегодня нарвала я: Другихъ цвѣтвъ въ лѣсу и въ полѣ нѣтъ, Лишь сосны на холмѣ, какъ зарево пылая, Стоять и шлютъ душистый свой привѣтъ. Внизу стволы съ отливомъ сердолика Покрываютъ мхомъ, какъ дымкой серебра, Краснѣетъ кое-гдѣ румячки брусника И ближе съ каждымъ днемъ осенняя пора. Крадется въ душу мнѣ опять печаль

Моя Сестра и Муза съ дѣтскихъ лѣтъ... Букетъ изъ вереска сегодня нарвала я — Другихъ цвѣтвъ въ лѣсу и въ полѣ нѣтъ!

А. Андреевская.

Любовь моя къ вамъ—словно лепетъ ребенка невнятный.

Она зародилась въ душѣ, какъ нѣжный цвѣтокъ ароматный,

По волю судьбы заалѣвшій весной; Какъ ласточки пѣсня въ полуденный зной

Поющей безопасно, бездумно, не зная— Зачѣмъ, почему она пѣсно поетъ,

Гдѣ пѣсня родится, гдѣ пѣсня умретъ; Какъ юные листья зеленого мая.

Люблю—вотъ и все! Не надѣюсь, не жду я Отвѣтнаго чувства, горячихъ рѣчей,

Пылающихъ взоровъ любимыхъ очей, Забвенья земного въ огнѣ поцѣлуя.

Нѣтъ дерзостной силы въ желаньяхъ моихъ.

Мой демонъ строптивый покорно утихъ, Гоню оболъщенья, не жажду я ласки,

Живу вашимъ сердцемъ и вашимъ умомъ. Люблю и признаться не смѣю вамъ

Какъ Золушка принцу въ таинственной обидѣ эта утрата, что именно въ послѣд-

Гесса.

Знаки военного отличія, полученные крѣпостью. Вверху—русскій орденъ св. Георгія, далѣе слѣва направо: англійскій Военный крестъ, орденъ Почетнаго Легіона, французскій Военный крестъ, итальянская медаль, сербская медаль, бельгійскій крестъ Леопольда и черноморская медаль. На-днѣхъ, въ ознаменованіе доблестной обороны, пожалованъ крѣпости еще и старинный японскій мечъ.

Литературныя замѣтки.

Посмертная брошюра *).

Читая эту брошюру, думаешь не столько о Константинѣ Леонтьевѣ, сколько объ ея авторѣ, Александрѣ Закржевскомъ,—молодомъ, едва начинавшемъ мыслитель, такъ рано и обидно лишившемъ смертью (онъ скончался этимъ лѣтомъ). Темъ обиднѣе эта утрата, что именно въ послѣдней своей брошюрѣ еще вполне юный ав-

* Александръ Закржевскій. «Одинокій мыслитель». (Константинъ Леонтьевъ). Кіевъ, 1916 г. Ц. 50 к.

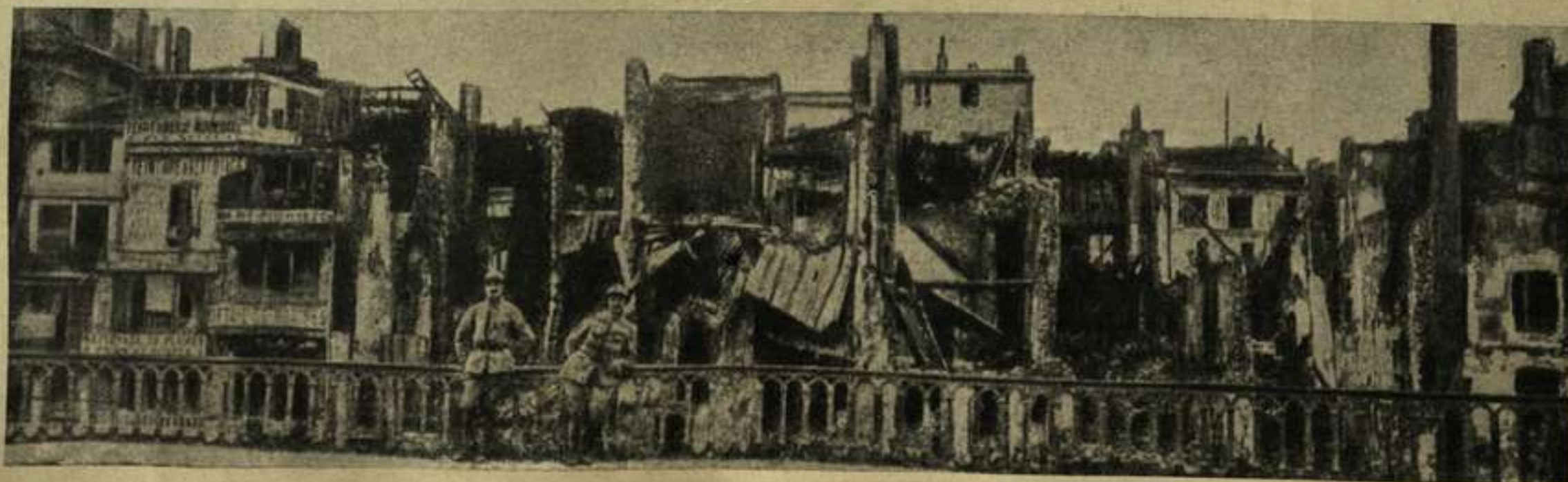
торъ сдѣлалъ весьма ощутительный шагъ впередъ сравнительно съ первыми своими работами, которыя мнѣ случалось разбирать въ «Нов. Врем.». Самый языкъ его сталъ совсѣмъ другимъ, почти совершенно освободившись отъ той нерускости и неприятно звучащаго на нашемъ языкѣ пафоса, которые были невольной данью польскому происхожденію писателя. Последняя брошюра Закржевскаго написана уже почти совсѣмъ просто, лишь съ рѣдкими всплывками стараго риторизма,—видно, что онъ овладѣлъ своей рѣчью и вмѣстѣ, своей мыслью. А освободиться отъ вычурности, надо прибавить, особенно трудно,

даже и чистокровно-русскому автору, въ наши «бальмонтскіе» дни, когда писать въ приподнято-истерическомъ тонѣ съ обиліемъ «страшныхъ» словъ и прописныхъ буквъ считалось (а отчасти еще и считается) прямо требованіемъ «хорошаго тона» и чуть ли не признакомъ «культурнаго» писателя. Нѣтъ такого Андрея Бѣлаго и Тимофея Зеленаго, который не пускалъ бы со своего пера десятки этихъ словесныхъ пузырей на каждой страницѣ. Эта эпидемія ложнаго пафоса составляетъ серьезное препятствіе къ дѣйствительному духовному углубленію русской литературы и мысли. Пока мы не станемъ искреннѣе, мы не найдемъ ничего прочнаго ни въ себѣ, ни вокругъ насъ...

Покойный Закржевскій, какъ ясно доказываетъ сопоставленіе его разныхъ книгъ, стремился именно къ такой искренности. Борьба съ «высокой словесностью» давалась ему, можетъ быть, труднѣе, нежели кому-либо, потому что въ польскомъ языкѣ, какъ и въ польской психологіи, лежитъ какой-то небольшой, можно сказать «естественный» наклонъ къ «несестественности», къ гиперболичности. «Сѣверные Французы» въ этомъ отношеніи еще характернѣе своихъ западныхъ прототиповъ. Русскому же языку, какъ и русской душѣ, напротивъ, не только свойственна стихія простоты, но она переходитъ у насъ даже въ своего рода односторонность — въ искреннее непониманіе чужого пафоса.

Самый строй мышленія Закржевскаго также отразилъ на себѣ происшедшую въ его душѣ борьбу двухъ національных стихій. Въ прежнихъ своихъ книгахъ онъ всегда громоздилъ Оессу на Пеліонъ, дѣло въ нихъ всегда шло о безднахъ и послѣднихъ тайнахъ. Миръ и «разбираемые» авторы принимали сугубо-романтичeskій видъ почти заговорниковъ изъ «Бальмаскарада» и со страницъ вѣяло «жуткимъ демонизмомъ». Опять и въ этомъ отношеніи въ послѣдней брошюрѣ юный авторъ замѣтно возмужалъ, сталъ спокойнѣе, трезвѣе и въ виду этого пронизательнѣе. Конечно, и здѣсь есть отчасти срывы въ прежнее, тѣмъ болѣе, что Леонтьевъ даетъ къ нимъ особенно соблазнительные поводы. Но все-таки брошюра написана съ такой серьезностью мысли, что ее необходимо принять во вниманіе каждому, кто думаетъ о Леонтьевѣ (а такихъ, слава Богу, съ каждымъ годомъ становится все болѣе).

Это не значитъ, что возможно во всемъ согласиться съ Закржевскимъ. Напротивъ, его точка зрѣнія вызываетъ на большой споръ. Слишкомъ многое въ Леонтьевѣ здѣсь «субъективно» отбрасывается, какъ «случайное» (вся «политическая» его сторона), и съ такой ампутаціей Леонтьевъ въ концѣ концовъ уже не есть Леонтьевъ, а лишь «пониманіе Закржевскимъ Леонтьева». Въ этой интерпретаціи снова рѣзко сказана національная «подпочва» молодого автора. На самомъ дѣлѣ, политическая сторона именно не случайна въ

Набережная города Вердена въ ея вынѣшнемъ видѣ.

Женщина въ стна. Около

Леонтьевъ, признакъ, б одно крупн лой мысли Тютчевъ). «государств ваетъ тотъ эстетически тической ре раго застан вать надъ з изображеніе aberrацию в хологін. Отч нія объ отч чески-русск личавшихъ проповѣдник народники). Ыль ли въ ленъ въ т поральномъ временника дилъ (если основнаго с комъ случа ція» (если тьова, дѣла русскаго Ос взглядъ, я сильный да ховнаго мр

Ск Все-таки ной страни буквъ. Когд такими фра «Миръ ес мръ есть п вое, верхъ и вверху и Мо ночью, звѣз чее, Тому П какъ нужно тило бы тоз буквъ... Я взялъ книжки, п вми. «Поэзія, мента—уди дняшняго, н дня книжка ждали» и « недавно. И д цѣлаго деся «Человѣк Море. А въ коралловые красные»,—

Женщина-врач Г. Ар. Михаил Волкова, известная общественная деятельница. † 8 октября 1916 г. Около станции Усинькира Финл. ж. д.

Михаил Осипович Лучинский. † 1 октября 1916 г. Корренторъ «Новаго Времени».

всё цвета спектра. «И таинственные водоросли, и узорные медузы», — и прочее тому подобное, что можно усмотреть на таблицах школьного атласа, изображающих морское дно. Перечисление идет на целый страничку. «И живут в миротворческом Морь лучистая корненожка, являя всё причуды узорного лика»... Пригодились и корненожки для объяснения «поэзии, как волшебства»!

Дальше — очередь мексиканских богов. «Виньякнатль, Женщина Змья, бог Пёны и Пляски (все с большими буквами, конечно!), Макулль-Кочитль, Царь Цвётгов, Кочичилли, Желтоликое Пламя», — и так далее, и так далее. Только мы проглотили эти застрявшие в горле семизатяжные имена, как нас стёрли орошитель мифологией Майевъ. «Мететель шаров по Волку прерий, Мететель шаров по Дуутробствъ, Блвыи, Великий охотчикъ, Изумрудный Змьй. Операнный, Сердце Озеръ, Сердце Моря», — и Прочее, Тому Подобное. Пожалуйста не забудьте, что все это с большими буквами — непременно с самых Больших Букв! Боже, какой ученый этот Бальмонт! Какія сверхчеловѣчскія эрудици! Я увѣренъ, онъ даже знаетъ, какъ по-египетски «здравствуйте!»

И дальше продолжает онъ пытать насъ своими «четыреугольностями» и «четыресторонностями» — сей Мететель словъ по Публикъ. Онъ подробно посвящаетъ насъ въ эту эпоху, когда не было еще «ничего, что цѣплялось за что-нибудь другое»... Онъ даже увѣряетъ, будто была такая эпоха, когда «не существовало ничего, что стояло бы прямо» (чему я рѣшительно не вѣрю!). Былъ, видите ли, только «Гукунитцъ, Операнный Змьй Изумрудно-Лазурный»... А намъ-то, спрашивается, какое до него дѣло?

Впрочемъ «никогда Птичій Кловъ не овладеетъ наукой и искусствомъ знаковь Священныхъ Начертаній»... «Да не разсѣетъ онъ путь, да слухаетъ смыслъ, не озаривъ ихъ сѣтъ изъясненіями... Здѣсь ударится онъ, дальше — остунится. Рѣчь это — узелъ, слово ирѣбно; выводитъ сводъ; дробитъ, крошитъ горы; извивы, извилисто»...

Идетъ цѣлая страница этой филологической истерии: «оно преклоняется, онъ возвращается, слово; свито, скручено, сжато; четкое, рѣзвое, черпстое; нераздѣльное, слоченное... оно ускользаетъ жеманное, оно искривлене гримасой; улыбочное, веселящее; горькое вкусомъ, сладкое; свѣже-холодное, какъ свѣже-просоленный огурецъ; повторися бѣлость зубовъ, что со-звучно дробитъ и стозвучно свриняетъ; раз-вилисто вилъ, перекладина, на которой кто-то повѣсился; кладовая лѣтѣйнаго сердца, гдѣ хранится Фунтъ Сахару»... Боже, такъ ли я цитирую? Я подавленъ этимъ ураганнымъ сгнемъ бальмонтскихъ батарей... Впрочемъ слово, оказывается, еще и тыква, ведро, водоёмъ, колодець жаждающему». Тыква — такъ тыква... Но почему оно одновременно «пасть пуи

(есть такой звѣрь), что встала, нависла, вотъ?»..

Цѣлыхъ девятюсто съ лишнимъ страничекъ этого Великаго Словозверженія. Не знаю, одолѣли ли ихъ даже тѣ журнальные критики, которые почтительно хвалили эту книжку (нельзя — Бальмонтъ!). Но меня положительно трогаетъ эта дѣтская увѣренность Бальмонта, что нетрудно писать «по-умному»: нужно только подобрать побольше «пугающихъ» словъ и наставить прописныхъ буквъ. Это и будетъ она самая — «философія»! И, повторяю, это не его личный грѣхъ — это характерная черта только что отошедшей въ вѣчность «символической» нашей эпохи.

Теперь воздухъ войны — этой трезвѣйшей изъ реальностей — всѣмъ намъ трезвить головы. Словесный пулеметъ Бальмонта смѣнитъ своей наивностью. Хочется бросить книжку подъ столъ и сказать автору: «а нельзя ли по-просту? по-человѣчески?» Ибо кончилась эпоха Кривляныя и Ломанья, и какъ-то вдругъ захотѣлось правды — даже съ маленькой буквы.

Искатель жемчуга.

Мелочи.

Условія творчества и привычки писателей.

Вопросъ о томъ, каковъ лучший образъ жизни для писателя, способствующій продуктивности его работы, всегда привлекалъ вниманіе заинтересованныхъ людей. Александръ Дюма (сынъ), авторъ «Дамы съ камелиями», составилъ цѣлую программу или «Планъ поведения для писателей»: «Гуляй по два часа ежедневно, спи семь часовъ въ сутки, ложись, какъ только клонитъ ко сну, вскакивай съ постели тотчасъ, какъ проснешься и сейчасъ же принимайся за работу. Пей и ѣшь очень умеренно и не спѣша. Говори мало. Пиши только то, что можешь под-писать своей фамиліей. Знай должную цѣну деньгамъ: они — хороший слуга, но дурной хозяинъ челоѣка. После 40 лѣтъ отдались навсегда отъ женщинъ. Не презирай людей и не смѣйся особенно надъ ними, а лучше жалѣй ихъ. Думай каждое утро и каждый вечеръ о смерти».

Самъ авторъ проводилъ въ жизнь почти всѣ пункты этой программы. Но большинство другихъ писателей были рабами своихъ дурныхъ, а подчасъ даже смѣшныхъ привычекъ и вели часто очень нерегулярный и нездоровый образъ жизни. Писатель Бальзакъ ложился спать въ 6 или 7 часовъ вечера, просыпался въ полночь и принимался за работу, попиная все время крѣпкій черный кофе. Когда ему приходилось, почему-либо, въ видѣ исключенія, писать днемъ, онъ плотно закрывалъ всѣ шторы и зажигалъ двѣ свѣчи на письменномъ столѣ, чтобы со-здать иллюзію ночной работы.

Писательница Жоржъ Зандъ тоже считала ночь лучшимъ временемъ для творчества, но вмѣсто кофе, она искала вдохновения въ куреніи безчисленныхъ папир-рося.

Дидро облачался для писанія въ длин-

ный шерстяной плафрокъ и увѣрялъ всѣхъ, что въ другомъ туалетѣ не можетъ ничего сочинять. Помимо этого плафрока, большую роль въ часы занятій игралъ его парикъ; быстро шагалъ по комнатамъ, жестикулируя и волнуясь, онъ все время срывалъ этотъ парикъ съ головы, подбрасывая его въ воздухъ, ловилъ, а иногда и топталъ ногами.

Теофиль Готье могъ писать только въ красномъ халатѣ, Коппе — съ ермолкой на головѣ, а Сарду — въ бархатной курткѣ и черной бархатной шапочкѣ. Разумѣется, всѣ эти причуды сами по себѣ не играли никакой роли въ появленіи вдохновения у этихъ писателей, а были только привычкой, но писатели, всегда все превеличивающіе, смотрѣли на нихъ съ неподобающимъ почтеніемъ. Жанъ-Жакъ Руссо начиналъ день съ того, что садился переписывать ноты. Это занятіе благотворно дѣйствовало на его нервную систему, послѣ завтрака онъ отправлялся гулять, взявъ съ собою карандашъ и тетрадо-чку. «Видъ письменнаго стола, листа бѣлой бумаги и пера отбиваетъ у меня всякую охоту писать», — сознается онъ самъ. И только на прогулкѣ, созерцая красоты природы, голова его начинала работать, и онъ тутъ же заносилъ свои мысли въ захваченную тетрадочку. Англійскій поэтъ и философъ Поупъ декламировалъ свои стихи цѣлыми часами вслухъ и заносилъ ихъ на бумагу уже въ законченномъ видѣ. Мильтонъ писалъ «Потерянный Рай» въ старомъ затасканномъ халатѣ, требуя, чтобы его чинили, когда онъ сталъ приходить въ полную ветхость. Прудонъ говорилъ, что у него «ноги заводятъ голову», т. е., что ему необходимо двигаться, ходить для того, чтобы мысль стала работать, какъ слѣдуетъ. Только обдумавъ все до малѣйшихъ деталей, онъ принимался записывать это на бумагѣ. Викторъ Гюго тоже творилъ на-ходу, расхаживая по кабинету, и только время отъ времени, стоя, записывалъ на отдѣльныхъ листочкахъ, которые часто потомъ находили разбросанными на полу. Какъ курьезъ, можно указать на поэта дю-Барта, который, желая описать въ стихахъ галопъ лошади, прыгалъ, двигаясь на стулѣ по своему кабинету, въ поискахъ за желаннымъ ритмомъ.

Только за самое послѣднее время порождается новый типъ писателя, — писателя-спортсмена, — который день свой начинаетъ съ холодныхъ душей, ведетъ регулярный и здоровый образъ жизни, посвящая много часовъ спорту. Они начали появляться, — эти новые люди, — не только въ Англии, гдѣ вся обстановка способствуетъ такому направленію, но и во Франціи, въ Италіи и въ другихъ странахъ.

Леонтьевъ, а составляетъ тотъ типичный признакъ, безъ котораго не обходилось ни одно крупное явленіе русской національной мысли (славянофилы, Достоевскій, Тютчевъ). Въ частности, у Леонтьева его «государственность» какъ разъ перекидываетъ тотъ соединяющій мостъ между эстетическимъ индивидуализмомъ и аскетической религіозностью, отсутствіе котораго заставляетъ Закржевскаго недоумѣвать надъ зияющей пропастью. Вообще его изображение Леонтьева даетъ характерную аберацію въ сторону «западнической» психологии. Очень любопытны его соображенія объ отсутствіи у Леонтьева специфически-русскихъ «этическихъ» чертъ, отличающихъ другихъ современныхъ ему проповѣдниковъ (Достоевскій, Толстой, народники). Но еще большой вопросъ, былъ ли въ этомъ Леонтьевъ не националенъ въ типомъ или только въ темпоральномъ смыслѣ, т. е., расходясь съ современниками, такъ ли далеко онъ отходилъ (если разрушать «мосты») отъ основного строя русской души? Во всякомъ случаѣ исключительная «эстетизация» (если можно такъ выразиться) Леонтьева, дѣлающая изъ него что-то въ родѣ русскаго Оскара Уайльда, есть, на нашъ взглядъ, явный «субъективизмъ», безъ сильнаго дающаго полное объясненіе всего духовнаго міра «православнаго Алкивиада».

П. Перцовъ.

Скука большихъ буквъ.

Все-таки это очень скудно, когда на одной страничкѣ пестритъ много большихъ буквъ. Когда встрѣчаешься, напримѣръ, съ такими фразами:

«Миръ есть всегласная музыка. Весь миръ есть изваянный Стихъ. Правое и лѣвое, верхъ и низъ, высота и глубина, Небо вверху и Море внизу, Солнце днемъ и Луна ночью, звѣзды»... ну, и такъ далее. И Прочее, Тому Подобное. Всякій и самъ знаетъ, какъ нужно дописать этотъ періодъ. Хватило бы только въ типографіи большихъ буквъ...

Я взялъ эту цитату изъ маленькой книжки, перегруженной большими буквами.

«Поэзія, какъ волшебство», Бальмонта — удивительно типичная для сегоднешняго, пѣтъ, вѣрнѣе — для вчерашняго дня книжка! Да, именно такъ мы «разсуждали» и «философствовали» еще очень недавно. И даже приблизительно въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, если не больше...

«Человѣкъ есть капля, и человѣкъ есть Море. А въ Морѣ сколько сокровищъ! Тамъ коралловые лѣса, бѣлые, голубые, розовые, красные», — и такъ далее: перебираются

На римскомъ фронтѣ. Пльные германцы.

Редакторъ М. Н. Мазаевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина —

«Новое Время».

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданию Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно БЫСТРЕЕ и УСПЕШНЕЕ достигнете намеченной цели, чем при занятиях у учителей. Съ первой же лекции Вы заинтересуетесь изучаемым предметом, и так как Вам не придется напрягать свои мозги на заучивание наизусть, то заранее можете быть уверены, что легко, без напряжения

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ применения въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробно со всеми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на знанія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. до 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтерія, ком. корр., ком. ариом., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. д.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—9 руб. Бухгалтерія 4 тома—8 руб.

Коммерческая Корреспонденція. Русскія, Французскія, Англійскія. Каждый по 1 р. 50 к.

Коммерческая ариометика. 1 руб. 50 коп.

Ариометич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языковеденія. Для усовершенствованія въ языкахъ Франц., англ. и нѣм. по 45 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕСПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазговая ул., с. д. 18.

Собств. магазины } ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65;
(для проживающихъ въ }
Москвѣ и Петроградѣ): } МОСКВА, Мясницкая 18.

В. КОШКО. „БУРЖУАЗНЫЯ ДУШОНКИ“

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и жел. станціяхъ.

РЕВМАТИЗМЪ

Шипучій ДІСТИЛЕНТЪ-ДІАМИНЪ
МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО Т-ВА.

является, какъ содержащій ПИПЕРАЗИНЪ средство противъ ревматизма, какъ острого, такъ и хроническаго, такъ также противъ всѣхъ формъ подагры, мочекаменнаго діатеза и мочевого песка, равно и почечныхъ и почечныхъ камней.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Въ виду повившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте ДІСТИЛЕНТЪ-ДІАМИНЪ только Медико-Фармацевтическаго Товарищества. Каждый флаконъ снабженъ фабричною маркою, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на флаконѣ, это есть вредная иккуда негодная поддѣлка. Врощи вы имѣете право бесплатно по первому требованію.

Цѣна 1 флак. ДІСТИЛЕНТЪ-ДІАМИНА—4 р.

Главный складъ депо Медико-Фармацевтическаго Товарищества:
ПЕТРОГРАДЪ,
уголь Невскаго-Саломая, 15. Отд.—014.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОГО ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННОЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденія высылается БЕСПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕСПЛАТНО. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕСПЛАТНО. 2/3-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Тел. гр. здр., Москва, Калейниковъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменнаго железа готовится естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничѣмъ общаго не имѣетъ съ химическимъ приготовленнымъ сперминомъ.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ
А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
Невскій, 96 (уголь Надеждинской).
Тел. 168-95.
Бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, александриты, жемчуга и пр. и по ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

„УРАЛЬСКИХЪ КАМНЕЙ“
Пріемъ на комиссію и покупка драгоцѣнныхъ камней и ломбардныхъ квитанцій. Продажа случайныхъ вещей. Пріемъ заказовъ на всевозможныя ювелирныя издѣлія. Художественная работа. Цѣны внѣ конкуренціи.

ВИНОКЛИ ДЕЙСЪ
и другіе офицерскіе военные новаго лучшаго образца 6, 8, 10 и 12хъ вь СЛАДѢ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ МОРСКАЯ, 33.

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ
ВѢКЪ НЫНѢШНІЙ
КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.
Цѣна 2 рубля.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

НОВАЯ КНИГА:
Н. Б. Смольяниновъ.
ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ
(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).
Изданіе М. А. Суворина. Цѣна 2 рубля.
Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на ст. ж. д.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
Небывало долго горііе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
аккумуляторные и батарейные
СЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 33.

НОРМАЛЬНО
противъ запоровъ
Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ
Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.
ПРІЯТНО

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе, Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготныя условія полнѣеки и пробная лекція БЕСПЛАТНО.
Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованія». Б. Ружейная, 7—11.

СЛѢДЫЕ
Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральнй цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знаковъхъ возвратитъ имъ натуральнй цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
Пишите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА, Функасовскій пер., домъ—109 В. А.
ВОЛОСЫ

ОЗЕРО БАБИТЬ.—Казачій дозоръ.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

ПОЭТЪ-СОЛДАТЪ.

Возвращенье.

Последняя верста. Мы подъезжаемъ!
 Лѣса окончилась, пошла поля—
 Родная, милая, усталая земля,
 Съ сокрытымъ въ ней градуцимъ уро-
 жаемъ.
 Деревня въ сторонѣ... покой и тишь кру-
 гомъ,
 Лишь лай собакъ встревоженныхъ несетъ.
 И сердце радостно волнуется и бьется—
 Сейчас увижу я и старый садъ, и домъ!
 Тотъ домъ, гдѣ жизнь моя струей кипѣла
 полной
 безсмертныхъ радостей, безъ горестныхъ
 утеръ.
 Безпечный, шумный домъ, бывало, а теперь
 покинутый, угрюмый и безмолвный.
 Изъ стѣнъ его унесена волной
 стремленийъ смутныхъ, въ чуждыя мнѣ
 страны,
 Везу одну тоску, одиѣ больныя раны,
 Въ забытый домъ, принять последний мой.
 Гемма.

Бывшій пациентъ.

1.

Когда хоронили известнаго актера,
 когда могли засыпаны и живые ра-
 зошлись, я пошелъ бродить по кладбищу
 и наткнулся на могилу доктора Снѣго-
 вика.
 На ней было много цвѣтовъ: осеннія

ГЛЕБЮЛЬ Д'АННУНЦІО. Съ послѣдняго портрета итальянскаго писателя, своими выступлениями такъ сильно способствовавшаго присоединенію Ита-
 лии къ рядамъ борцовъ за право и правду. На полѣ брани поэтъ оказался
 доблестнымъ воиномъ. На дняхъ за особые отличія д'Аннуцио былъ произ-
 веденъ въ капитаны. Въ стѣ объ этомъ онъ получилъ отъ вондья итальян-
 ской арміи, генерала Иадорна, приславшаго поэту свои задушевныя поздра-
 вленія.

бѣлыя астры, ибѣжныя розовыя луціо-
 лусы. И опять на меня посмотрѣло это
 странное лицо доктора Снѣговика, съ
 копной волосъ, съ серьезнымъ, какъ
 будто мрачнымъ и вмѣстѣ добрымъ выра-
 женіемъ большихъ глазъ, выглядывав-
 шихъ изъ-подъ очень густыхъ, почти
 сросшихся бровей.

И я вспомнилъ опять всю эту стран-
 ную, трагическую исторію, которая
 разыгралась лѣтъ двадцать тому назадъ.

Доктору Снѣговнику слѣдовало бы на-
 зываться Черновикомъ. Онъ имѣлъ внѣш-
 ность гнома, но добраго гнома.

Маленькій, кряжистый, очень черный,
 съ этой копной волосъ, съ этими глаза-
 ми, огромными, въ глубинѣ которыхъ
 таился какъ-будто какой-то вулканъ,
 докторъ Снѣговикъ поражалъ оразу
 всякаго, въ особенности женщины.

Разсказывали, что однажды былъ та-
 кой случай въ театрѣ. Въ соседнюю
 ложу съ занятой какими-то дамами во-
 шелъ докторъ Снѣговикъ, и одна изъ
 дамъ, на которую онъ устремилъ свой
 взглядъ, упала въ обморокъ.

Я зналъ другую даму, которую онъ
 долго лечилъ внушеніемъ. Эта же-
 щина, страдавшая различными страхами,
 обмираніями сердца, навязчивыми мысля-
 ми, освобождалась отъ нихъ только въ
 его присутствіи. Достаточно было ему ея
 не только усыпить, но просто взять за
 руки или пристально смотрѣть ей въ
 глаза и говорить съ ней, чтобы моя зна-
 комая начинала испытывать облегченіе,
 успокоеніе и какое-то, какъ она выра-
 жалась, блаженное подчиненіе, какой-то

«выходит из самой себя». Через несколько лет я ее встрѣтил и спросил о докторе Сигговике. Она сказала, что перестала у него лечиться и больше никогда его не видит.

— Почему? Выздоровѣли?

— Да, я чувствую себя лучше, если и не совсемъ выздоровѣла,—отвѣтила она.—Но я должна была освободиться отъ доктора Сигговика.

— Освободиться?

— Да. И именно—освободиться. Съ каждымъ днемъ я чувствовала, что его власть надо мною все растетъ. Съ каждымъ днемъ я все меньше и меньше «чувствовала самое себя». И вотъ я начала страшиться этого уничтоженія самой себя при жизни. Вообразите, что на мѣстѣ доктора Сигговика былъ бы какой-нибудь шарлатанъ, какой-нибудь злоумышленникъ, что могъ бы сдѣлать надо мной? Я не сомнѣваюсь въ честности доктора Сигговика, но эта власть, это уничтоженіе имъ меня самой стало мнѣ страшно, какъ-то мистически страшно.

— Вы же, бывало, говорили, что испытываете блаженное состояніе при этомъ «выходѣ изъ самой себя»?

— Да, да, испытывала. Но въ это, знаете, въ родѣ состоянія блаженства отъ морфія или опиума. Мнѣ стоило многу усилій, чтобы оставить доктора. И я даже до сихъ поръ боюсь встрѣчи съ нимъ, даже когда вотъ говорю о немъ, такъ дѣлаю, на манеръ итальянцевъ, боящихся «джеттатора», рогульку пальцами.

— Вотъ какъ!

А затѣмъ, вскорѣ послѣ этого разговора, въ томъ же году случилась и эта трагическая исторія доктора Сигговика.

II.

Докторъ Сигговикъ получилъ однажды письмо, которое не сразу понялъ.

Собирался онъ на визитацию въ своей собственной лечебницѣ для душевнобольныхъ, когда подали ему письмо съ заграничной маркой. Написано оно было размахистымъ, стремительнымъ, но очень яснымъ почеркомъ, и вотъ какое имѣло содержаніе.

«Господинъ докторъ Сигговикъ! Къ вамъ обращаетъ просьбу человекъ, судьбой котораго вы опять начинаете играть по какому-то, вложенному въ васъ, необъяснимому влеченію къ злу. Несколькими годами назадъ я былъ вашимъ пациентомъ долгое время, вы были для меня не только врачомъ, но и другомъ.

Да, да, такъ казалось мнѣ тогда, когда я еще не понималъ, кто вы. Послѣ двухъ лѣтъ леченія, считая меня выздоровѣвшимъ, вы увезли меня къ себѣ въ имѣніе, ввели въ свою семью, окружили меня, казалось мнѣ, лучшими пожеланіями о моемъ здоровьи, о моей жизни. Въ вашей громадной библиотекѣ я открылъ для себя многое изъ того искусства вашей науки, которому вы посвятили вашу дѣятельность. Наконецъ вы выпустили меня на свободу. Сказали: «Ступайте, живите, вы здоровы». И я вступилъ въ жизнь, я началъ ею пользоваться, благословляя вашу доброту, ваше искусство. Теперь мнѣ выпало на долю лучшее счастье, какого желаю для себя каждый человекъ. Я полюбилъ, я встрѣтилъ взаимность, я женатъ.

И вотъ тутъ-то, тутъ-то, докторъ, вы и начали вашу ужасную работу. Никто, быть можетъ, вамъ не говорилъ о моей женитбѣ. Вамъ не нужно посредство другого. Вы, вѣдь,—теперь это для меня ясно,—знаете все благодаря той силѣ, которую дали вамъ тѣ атомы зла, которые, также какъ и атомы добра, наполняютъ эфиръ вселенной и образуютъ собою души демоновъ. Насъ разделяетъ огромное разстояніе, но что значить это разстояніе для работы вашей злой воли?

И вы начали эту работу. Вы знаете, о чемъ я говорю, вы сейчасъ же, читая это, понимаете, о комъ идетъ рѣчь. Вы не дадите мнѣ, докторъ Сигговикъ, пользоваться моимъ счастьемъ мужа. Вы парализуете вашей злой волей каждое проявленіе моей любви, моей ласки. Вы, видимо, подглядываете, какъ какой-то ревнивый демонъ (потому что въ духъ зла неизмѣнно ревнивь ко всему, что даетъ радость, блаженство человеку), накладываете этотъ ужасный запретъ на мои чувства, на мою душу. Докторъ Сигговикъ! Я пытаюсь обратиться къ вамъ просительно: я прошу васъ оставить меня въ покоѣ, я прошу васъ: смирите вашу злоую волю, кончите вашу злоую работу. Вы понимаете, кто вамъ пишетъ, вы отлично знаете, кто я».

Это неподписанное письмо не имѣло и адреса. Названъ былъ только по почтовому штампу итальянскій городъ. Докторъ Сигговикъ, однако же, очень быстро догадался, кто ему писалъ.

«А, несчастный!»—сказалъ онъ себѣ. Но какая интересная обратная форма помѣшательства! Да, онъ ясно теперь видѣлъ передъ собой этого своего пациента, Всеволода Улыбьева, наркотика, человека съ наследственной восприимчивостью къ пейсосу, красиваго, мягкаго, утонченнаго, въ которомъ была творческая талантливость, но на ряду съ этимъ та лишняя работа воображенія, которая не даетъ сосредоточиваться и овладѣвать полною объектомъ наблюденія, при которой можно творить что-то отрывочное, красочное, туманное или очень острое, но никогда не схватить образа во всей его плоти и крови.

И докторъ Сигговикъ, и его жена очень полюбили этого пациента, окружали его заботами, попеченіями, и въ теченіе трехъ лѣтъ жизни въ лечебницѣ и, наконецъ, въ домѣ доктора Сигговика пациентъ Улыбьевъ, какъ-будто, вошелъ въ колено. Онъ отвыкъ отъ наркозовъ, сталъ интересоваться реальной жизнью, почувствовалъ въ ней влеченіе, а также и очень большой интересъ возбуждали въ немъ научныя книги по леченію гипнозомъ, въ эти внушенія, дѣлаемые во снѣ, внушенія на разстояніи, вся та подосознательная работа мозга, которая подчиняется сознательной (а, быть можетъ, подсознательной?) силѣ чужой воли.

Пациентъ Улыбьевъ покинулъ домъ доктора Сигговика. Некоторое время между ними велась переписка. Потомъ Улыбьевъ умолкъ, и нѣсколько лѣтъ докторъ Сигговикъ ничего не зналъ о немъ, и вотъ вдругъ это письмо! Оно не осталось единственнымъ. Недѣлю черезъ три снова пришло письмо, опять безъ подписи, во уже короткое:

«Докторъ Сигговикъ! прекратите вашу работу. Я еще продолжаю просить васъ,—подумайте».

А затѣмъ пришло письмо угрожающее: «Я приказываю вамъ оставить меня въ покоѣ. Смотрите же, докторъ Сигговикъ!»

Неизмѣнно это: «докторъ Сигговикъ» и восклицательный знакъ.

— Я, какъ она разрастается — эта магия, — говорилъ докторъ, показывая письмо женѣ.

— Какая фантастика! Что можетъ быть фантастичнѣ работы мозга? Я хотѣлъ бы его видѣть, я хотѣлъ бы попытаться азять, совсѣмъ, въ свои адскіе когти? Туть жена доктора, слушавшая весь этотъ разговоръ изъ-за двери, пріотворила ее и увидѣла, что рука Улыбьева опустилась въ карманъ.

Она крикнула мужу: — Берегись, Федоръ.

Но докторъ уже замѣтилъ движеніе руки въ карманъ и стремительно протянулъ свою къ его плечу. Все это было дѣломъ минутъ. Докторъ не успѣлъ или не ловко схватилъ за плечо. Бывшій пациентъ вы-

хватилъ револьверъ и выпустилъ одинъ за другимъ, какъ ошениый, всѣ заряды.

Докторъ былъ убитъ на мѣстѣ.

А часа черезъ два пришла телеграмма отъ жены Улыбьева: «Не у васъ ли мой мужъ Всеволодъ Дмитриевичъ Улыбьевъ, больной? Вѣжаль. Ольга Улыбьева».

— Вы сказали, что это не часъ пріема? — Сказала: они не на визитѣ. А что очень нужно сейчасъ же видѣть.

Докторъ Сигговикъ тутъ же почувствовалъ, что это онъ.

— Впустите, — сказалъ онъ.

И Улыбьевъ вошелъ.

Докторъ Сигговикъ стоялъ за своимъ большимъ рабочимъ столомъ.

Какъ человекъ очень опытный въ наблюденіяхъ надъ больными, онъ сейчасъ же опредѣлилъ состояніе духа своего бывшаго пациента.

Состояніе это было, по наблюденію доктора, рѣшительное, крайне напряженное, въ той степени напряженности, когда мозгу особенно тяжело, когда нужно найти для этой тяжести выходъ. Состояніе крайне туго натянутой струны, близкое къ удару или къ нападению.

И докторъ Сигговикъ понялъ, что нужно сейчасъ предупредить такую рѣшимость въ этомъ человекѣ, который изъ пациента превратится во врага,—врага, у котораго ужъ бѣгаютъ кровавые мальчики въ глазахъ.

— Я васъ ждалъ, — сказалъ докторъ, смѣло выходя изъ-за стола, чтобы тотъ не успѣлъ подумать, что онъ себѣ дѣлаетъ засаду, и готовясь на него сейчасъ же подѣйствовать этимъ безстрашіемъ, увѣренностью въ себѣ, увѣренностью въ своей побѣдѣ надъ нимъ.

— Я не сомнѣвался, что вы меня ждали, — оказалъ Улыбьевъ, — такъ какъ вамъ всегда все известно.

Докторъ Сигговикъ, сейчасъ же подхватывая его фразу, фиксируя его своимъ взглядомъ черныхъ, загорающихся, громовскихъ глазъ, и подоидя въ упоръ, отвѣтилъ:

— Да, да. И такъ хорошо, что вы опять здѣсь у меня!

— Хорошо ли? — спросилъ тотъ, кривя какую-то странную улыбку.

— Конечно, хорошо. У меня-то теперь, когда мы побѣждаемъ съ вами подольше, мы и разберемъ всѣ эти запутанные вопросы, которые вы тамъ, наединѣ съ собой, разрынали совершенно ошибочно.

Но откуда вы? — Прямо съ дороги.

— А вещи?

— Какія вещи? Какъ будто нужны непременно вещи. Мнѣ не до вещей.

— Но какъ же васъ такъ отпустила ваша супруга?

— А вамъ какое дѣло, докторъ Сигговикъ, до моей супруги? Вы не даете мнѣ существовать съ моей женой и еще предлагаете вопросъ о моей супругѣ.

— Вопросъ совершенно естественный, согласитесь, когда видишь человека жедатаго, съ дороги, такой дальней, безъ багажа. Да вы одинъ или съ супругой?

— Опять «съ супругой»! Нѣтъ-съ одинъ. Недоставало, чтобы я еще мою жену привезъ и сдалъ подъ ваше демонское крыло.

— Хм... Все это мы разяснимъ. А теперь вамъ нужно съ дороги и отдохнуть, прежде всего, и умыться. Милости прошу, мой домъ къ вашимъ услугамъ. Вотъ сюда. Пожалуйста.

Но тутъ бывшій пациентъ весь насторожился и какъ-то, будто, встреонулся и стремительно оказываемы? И все думаешь: я повѣрю. Хочешь совсѣмъ мою душу азять, совсѣмъ, въ свои адскіе когти?

Туть жена доктора, слушавшая весь этотъ разговоръ изъ-за двери, пріотворила ее и увидѣла, что рука Улыбьева опустилась въ карманъ.

Она крикнула мужу: — Берегись, Федоръ.

Но докторъ уже замѣтилъ движеніе руки въ карманъ и стремительно протянулъ свою къ его плечу. Все это было дѣломъ минутъ. Докторъ не успѣлъ или не ловко схватилъ за плечо. Бывшій пациентъ вы-

хватилъ револьверъ и выпустилъ одинъ за другимъ, какъ ошениый, всѣ заряды.

Докторъ былъ убитъ на мѣстѣ.

А часа черезъ два пришла телеграмма отъ жены Улыбьева: «Не у васъ ли мой мужъ Всеволодъ Дмитриевичъ Улыбьевъ, больной? Вѣжаль. Ольга Улыбьева».

— Вы сказали, что это не часъ пріема? — Сказала: они не на визитѣ. А что очень нужно сейчасъ же видѣть.

Докторъ Сигговикъ тутъ же почувствовалъ, что это онъ.

— Впустите, — сказалъ онъ.

И Улыбьевъ вошелъ.

Докторъ Сигговикъ стоялъ за своимъ большимъ рабочимъ столомъ.

Какъ человекъ очень опытный въ наблюденіяхъ надъ больными, онъ сейчасъ же опредѣлилъ состояніе духа своего бывшаго пациента.

Состояніе это было, по наблюденію доктора, рѣшительное, крайне напряженное, въ той степени напряженности, когда мозгу особенно тяжело, когда нужно найти для этой тяжести выходъ. Состояніе крайне туго натянутой струны, близкое къ удару или къ нападению.

И докторъ Сигговикъ понялъ, что нужно сейчасъ предупредить такую рѣшимость въ этомъ человекѣ, который изъ пациента превратится во врага,—врага, у котораго ужъ бѣгаютъ кровавые мальчики въ глазахъ.

— Я васъ ждалъ, — сказалъ докторъ, смѣло выходя изъ-за стола, чтобы тотъ не успѣлъ подумать, что онъ себѣ дѣлаетъ засаду, и готовясь на него сейчасъ же подѣйствовать этимъ безстрашіемъ, увѣренностью въ себѣ, увѣренностью въ своей побѣдѣ надъ нимъ.

— Я не сомнѣвался, что вы меня ждали, — оказалъ Улыбьевъ, — такъ какъ вамъ всегда все известно.

Докторъ Сигговикъ, сейчасъ же подхватывая его фразу, фиксируя его своимъ взглядомъ черныхъ, загорающихся, громовскихъ глазъ, и подоидя въ упоръ, отвѣтилъ:

— Да, да. И такъ хорошо, что вы опять здѣсь у меня!

— Хорошо ли? — спросилъ тотъ, кривя какую-то странную улыбку.

— Конечно, хорошо. У меня-то теперь, когда мы побѣждаемъ съ вами подольше, мы и разберемъ всѣ эти запутанные вопросы, которые вы тамъ, наединѣ съ собой, разрынали совершенно ошибочно.

Но откуда вы? — Прямо съ дороги.

— А вещи?

— Какія вещи? Какъ будто нужны непременно вещи. Мнѣ не до вещей.

— Но какъ же васъ такъ отпустила ваша супруга?

— А вамъ какое дѣло, докторъ Сигговикъ, до моей супруги? Вы не даете мнѣ существовать съ моей женой и еще предлагаете вопросъ о моей супругѣ.

— Вопросъ совершенно естественный, согласитесь, когда видишь человека жедатаго, съ дороги, такой дальней, безъ багажа. Да вы одинъ или съ супругой?

— Опять «съ супругой»! Нѣтъ-съ одинъ. Недоставало, чтобы я еще мою жену привезъ и сдалъ подъ ваше демонское крыло.

— Хм... Все это мы разяснимъ. А теперь вамъ нужно съ дороги и отдохнуть, прежде всего, и умыться. Милости прошу, мой домъ къ вашимъ услугамъ. Вотъ сюда. Пожалуйста.

Но тутъ бывшій пациентъ весь насторожился и какъ-то, будто, встреонулся и стремительно оказываемы? И все думаешь: я повѣрю. Хочешь совсѣмъ мою душу азять, совсѣмъ, въ свои адскіе когти?

Туть жена доктора, слушавшая весь этотъ разговоръ изъ-за двери, пріотворила ее и увидѣла, что рука Улыбьева опустилась въ карманъ.

Она крикнула мужу: — Берегись, Федоръ.

Но докторъ уже замѣтилъ движеніе руки въ карманъ и стремительно протянулъ свою къ его плечу. Все это было дѣломъ минутъ. Докторъ не успѣлъ или не ловко схватилъ за плечо. Бывшій пациентъ вы-

бѣ на темн мундирѣ. Оп приглядываясь разборомъ плодую, полную, если бы не то человѣче даже свѣжем желемъ, ост ражени не рока.

— Нензла раличь,—ска ный докторъ цовъ.

И наконецъ жилая во в весь ужасъ к карикатурн во всѣхъ эти лишенны стѣдливости

И что-то эту несущимъ отраженныхъ лось, какъ-то плакаты.

— А Улы доктора.

— А вотъ

И я увидѣ эти болѣе дес толстѣл и кое, нѣжное заставившимъ, на какой-то проникло ни

— Онъ по

— А вотъ сказаль докт вотъ господи говорить.

И отошелъ

Какъ тол оглянувшис мнѣ и сталъ

— Вы не

— Пшшу.

— Ахъ, т опишите про

— Какого!

— Вотъ э

ра. Онъ корми киселемъ, кот потому, что с поработить. П мою волю. У не удался, х

вотъ онъ душ Меня отъ нег достъ. Въ кон жу себя... Он

его продерну

Я бы очень

Я сказалъ:

— Хорош

И затѣмъ,

глаза, спроси

— А скал

Сигговика?

Лицо Улыб таинственое

— Доктор

я есть, это

мститъ овсян

Я уходиль

думалъ:

«Есть ли

ское, чѣмъ не

Сел

Въ ораніе уютномъ дом

Ставскихъ. С

служиль еще

тѣмъ, при не

части, быть

... один за
... заряды.
... ть.
... телеграмма
... ли мой
... Улыбевъ,
... ва».

... стало мнѣ
... му что два
... ской исто-
... женъ его
... подробно
... Сибгювика,
... за доктора
... аетъ дѣло
... его лечеб-

... ва. И, на-
... ся), очень
... ра Сибгю-
... овъсімъ не
... аслива въ
... ъ. Ея горе
... устроена,
... или, наобо-
... И самое
... ое: въ од-
... томъ—ти-
... ла. Вдова
... мѣ дѣломъ
... гична. Но
... мужа) все
... авилъ отъ
... дѣтямъ, и
... вились дру-

... такъ какъ
... овой жану
... этотъ че-
... а.

... рая назы-
... въ самый
... всю эту

... лечебницу,
... одержится)
... вника.

... мой ста-
... тамъ было
... ль и балъ.

... ихъ мрач-
... кновенно.
... докторовъ,
... дрогнуть
... ейся «нор-
... какъ часто
... авляютъ и
... этого тан-

... ни только
... сть и мой
... въ каче-
... енію, по-
... и. Ему это
... ольствие.
... даже осво-
... ъ, тоскли-
... не выхо-
... воли, какъ
... ъ, будучи
... тетировать
... этимъ за-
... вечеръ, то
... о первому
... благопри-
... нными. Я
... блондинку
... чертами и
... мнѣ ге-
... го романа,
... женныхъ
... ганцовать,
... стала дѣ-
... движения
... ногами,
... ве хорошо
... какой-то
... ьстро по-
... вели.

... шивый со-
... ающей се-

бѣ на темя косицы и крутившій усы, въ мундирѣ. Онъ долго расхаживалъ по залѣ, приглядываясь какъ будто съ большимъ разборомъ къ дамамъ. Потомъ выбралъ молодую, полную, даже красивую брюнетку, если бы не совершенное отсутствіе чего-то человѣческаго въ лицѣ, правильномъ, даже свѣжемъ, но какимъ-то до-кальза тяжелымъ, остановившемся гдѣ-то, въ выраженіи переноса и отвисающаго подбородка.

— Нездолечимая, 19 лѣтъ. Полный параличъ,—сказалъ мнѣ мой знакомый главный докторъ.—Дочь очень богатыхъ купцовъ.

И наконецъ, когда этотъ балъ закружился во всемъ своемъ разгарѣ, вдругъ весь ужасъ какой-то тяжелой, трагической карикатуры какъ бы повесился, закружилась во всѣхъ этихъ танцорахъ и танцовкахъ, лишенныхъ гармоніи, граціи, разума, стыдливости движеній.

И что-то давило горло при взглядѣ на эту несущуюся толпу людей, какъ бы отраженныхъ кривымъ зеркаломъ, и хотѣлось, какъ-то коевульсено, и смѣяться и плакать.

— А Улыбевъ не здѣсь?—спросилъ я доктора.

— А вотъ онъ,—сказалъ докторъ.

И я увидѣлъ этого мужа моей жены. За эти болѣе десяти лѣтъ заключенія, онъ подостлѣлъ и его правильное, когда-то тонкое, нѣжное лицо, стало теперь какъ бы застывшимъ, тяжелымъ, точно запертымъ на какой-то замокъ, сквозь который не проникало никакого луча.

— Онъ помнить убійство?—спросилъ я.

— А, вотъ вы съ нимъ поговорите,—сказалъ докторъ и позвалъ:—Улыбевъ, вотъ господинъ гость хочетъ съ вами поговорить.

И отошелъ.

Какъ только онъ отошелъ, Улыбевъ, оглянувшись кругомъ, близко подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить почти шепотомъ:

— Вы не пишете въ газетахъ?

— Пишу.

— Ахъ, такъ, пожалуйста, прошу васъ: опишите продѣлки этого господина.

— Какого?

— Вотъ этого... нашего главного доктора. Онъ кормитъ меня постоянно овсянымъ киселемъ, котораго я не выпоню. И это потому, что онъ меня ненавидитъ и хочетъ поработить. Понимаете? Хотите поработить мою волю. Ха-ха! Ему это, разумеется, не удастся, хотя онъ и демонски хитеръ. И вотъ онъ душитъ меня овсянымъ киселемъ. Меня отъ него тошнитъ, а ему-то это и радость. Въ концѣ-концовъ, я вѣдь ему покажу себя... Онъ увидитъ. Такъ вотъ, если бы его продернули, хорошенько продернули! Я бы очень былъ вамъ признателенъ.

Я сказалъ:

— Хорошо. Непремѣнно продерну.

И затѣмъ, пристально глядя ему въ глаза, спросилъ:

— А скажите, вы помните доктора Сибгювика?

Лицо Улыбева вдругъ приняло какое-то таинственное выраженіе, и онъ зашепталъ:

— Доктора Сибгювика? Да вѣдь это онъ и есть, это онъ и есть. Онъ-то мнѣ и мститъ овсянымъ киселемъ.

Я уходилъ изъ этого Дантова круга и думалъ:

«Есть ли что-либо болѣе фантастическое, чѣмъ нашъ мозгъ?»

Н. Вильде.

Семья героевъ.

Въ ораніенбаумской тиши, въ своемъ уютномъ домикѣ, глѣздитъ дружная семья Ставскихъ. Отецъ, бывшій лейбъ-егерь, служилъ еще въ учебномъ батальонѣ, затѣмъ, при переформированіи этой воинской части, былъ нѣкоторое время помощникомъ

СОВРЕМЕННЫЙ АХИЛЛЕСЪ.

Какъ новый Ахиллесъ выходитъ изъ своей палатки...
«De Amsterdamer».

начальника стрѣлковой офицерской школы, вычайно важно запасться, пока время Подъ его руководствомъ подготавливались не упущено, возможно большимъ числомъ тысячи ротныхъ, батальонныхъ и полко-неопровержимыхъ документовъ. Среди нихъ служебную свою дѣя-предсмертныя письма павшихъ на войнѣ, училище, пишеть родителямъ: «Какъ гро-

мозомъ поразила меня вѣсть о смерти Коли. Не могу найти себѣ мѣсто, не могу ничего дѣлать, такъ хочется быть ближе къ вамъ въ эту минуту... Черезъ четыре мѣсяца я пойду по слѣдамъ братьевъ, отомщу за Ко-

лю, займу его мѣсто. Жаль его, но что дѣлать, на все Божья воля. Умереть въ бою—это славная смерть»...

Юнкеръ «Ваня Ставскій» просить со-хранить для него георгиевскую шапку уби-

того, такъ какъ онъ надѣется заслужить оружіе храбрыхъ.

Въ іюнь 1915 года, въ самый тяжелый періодъ для нашей арміи, прапорщикъ

Иванъ Михайловичъ Ставскій направляется на фронтъ, гдѣ быстро попадаетъ въ око-

пы. Двѣ недѣли протекають въ сплошныхъ бояхъ.

Слѣдующій, по возрасту, четвертый братъ, Иванъ Михайловичъ, только что поступившій тогда въ Павловское военное училище, пишеть родителямъ: «Какъ гро-

мозомъ поразила меня вѣсть о смерти Коли. Не могу найти себѣ мѣсто, не могу ничего дѣлать, такъ хочется быть ближе къ вамъ въ эту минуту... Черезъ четыре мѣсяца я пойду по слѣдамъ братьевъ, отомщу за Ко-

лю, займу его мѣсто. Жаль его, но что дѣлать, на все Божья воля. Умереть въ бою—это славная смерть»...

Юнкеръ «Ваня Ставскій» просить со-хранить для него георгиевскую шапку уби-

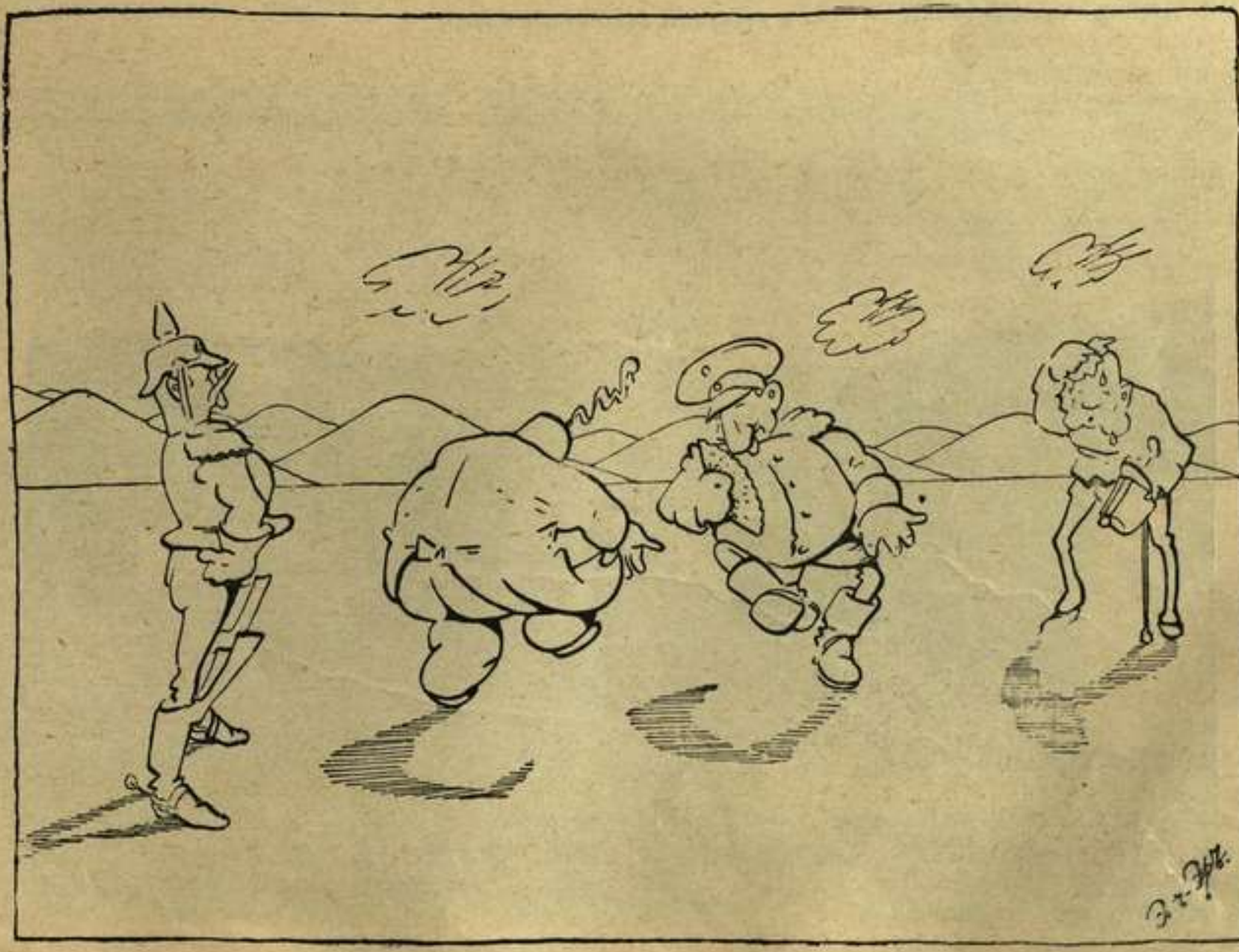
того, такъ какъ онъ надѣется заслужить оружіе храбрыхъ.

Въ іюнь 1915 года, въ самый тяжелый періодъ для нашей арміи, прапорщикъ

Иванъ Михайловичъ Ставскій направляется на фронтъ, гдѣ быстро попадаетъ въ око-

пы. Двѣ недѣли протекають въ сплошныхъ бояхъ.

ВТОРАЯ ФИГУРА БАЛКАСКОЙ КАДРИЛИ.

Дамы «соло»

СЪ РУССНИМИ ВОЙСКАМИ ВЪ АЗІИ.

У фонтана въ Эрзиджанѣ.

«... А шрапнель все рвется и рвется,— резь два часа былъ снова на старомъ мѣ-
тишеть И. М. Ставскій домъ.—Да ваши стѣ. Страшный, ураганный огонь. Шрап-
хорошенькіе часики прекратили свое су- нелн рвались ежеминутно, но Богъ меня
ществованіе, осколокъ шрапнели попалъ хранилъ, хотя шинель у меня пробита въ
въ нихъ, когда они лежали въ моей трехъ мѣстахъ на рукавѣ и на груди. Что
землянкѣ и они... разбились. было потомъ расскажу послѣ. Изъ моихъ

... Эхъ, сильно обстрѣливаютъ!.. Око- 25 товарищей осталось четверо.
ны разрушаются, но это ничего не значить, «Сейчасъ я команду 7 и 8 ротами—это
за ночь опять починимъ... Солдаты все не шутка... Только одно неприятно, дожди
бывалые, болынею частью Малороссы. Бу- льютъ съ утра до ночи... Устаешь адски, а
ду учиться говорить по-малороссійски. все-таки все интересно, все хочется ис-
Сейчасъ нужно снаряжаться. Спѣшу»... пытать. Прелестная вещь для меня
Въ слѣдующемъ письмѣ онъ съ юноше- война».

скою подкупающею наивностью рисуетъ Не пришлось юному командиру полуба-
бесную обстановку. тальона рассказать подробно о бояхъ. Во

«... Утромъ въ 4 часа сбѣгился, а че- главѣ двухъ ротъ ринулся онъ въ атаку

СЪ РУССНИМИ ВОЙСКАМИ ВЪ АЗІИ.

На окраинѣ Эрзиджана, взятаго нашими кавказскими войсками.

ВЪ Салоникскомъ порту.

Русскій отрядъ въ Салоникахъ.

на Нѣмцевъ. Вражеская пуля попала въ
голову молодого воина и сразила его на-
пожалъ.

Недолго онъ воевалъ, но успѣлъ моло-
децки провести тяжелые бои, отличился и
паль славной смертью.

Но этимъ еще не закончилась траурная
полоса для семьи Ставскихъ. Недавно,
1 октября 1916 года, поручикъ л.-гв. Дра-
децки Александръ Михайловичъ,
также былъ убитъ, убитъ во время нашей

БРАТЯ-ГЕРОИ.

Поруч. Николай Михайловичъ Ставскій.
Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.
Убитъ 29 января 1915 г.Прaporшч. Иванъ Михайловичъ Ставскій.
Убитъ 12 июля 1915 г.
(Пробылъ на войнѣ лишь двѣ недѣли).Поруч. Александръ Михайловичъ Ставскій.
Кавал. ордена св. Георгія 4 ст.
Убитъ 10 октября 1916 г.

атаки на нѣмецкіе окопы.

Онъ не предназначался къ военной
службѣ. По своей мягкой, склонной къ
мистическому созерцанію натурѣ, каза-
лось, далеко былъ отъ кровавой сѣчи, отъ
боевого огня. Съ ранняго дѣтства обнару-

Команду
слѣдникъжилъ боль-
уже выдер-
гимназій. С-
тергофскую
тетъ и ос-
ціи. Война

въ ГАЛИЦИИ.

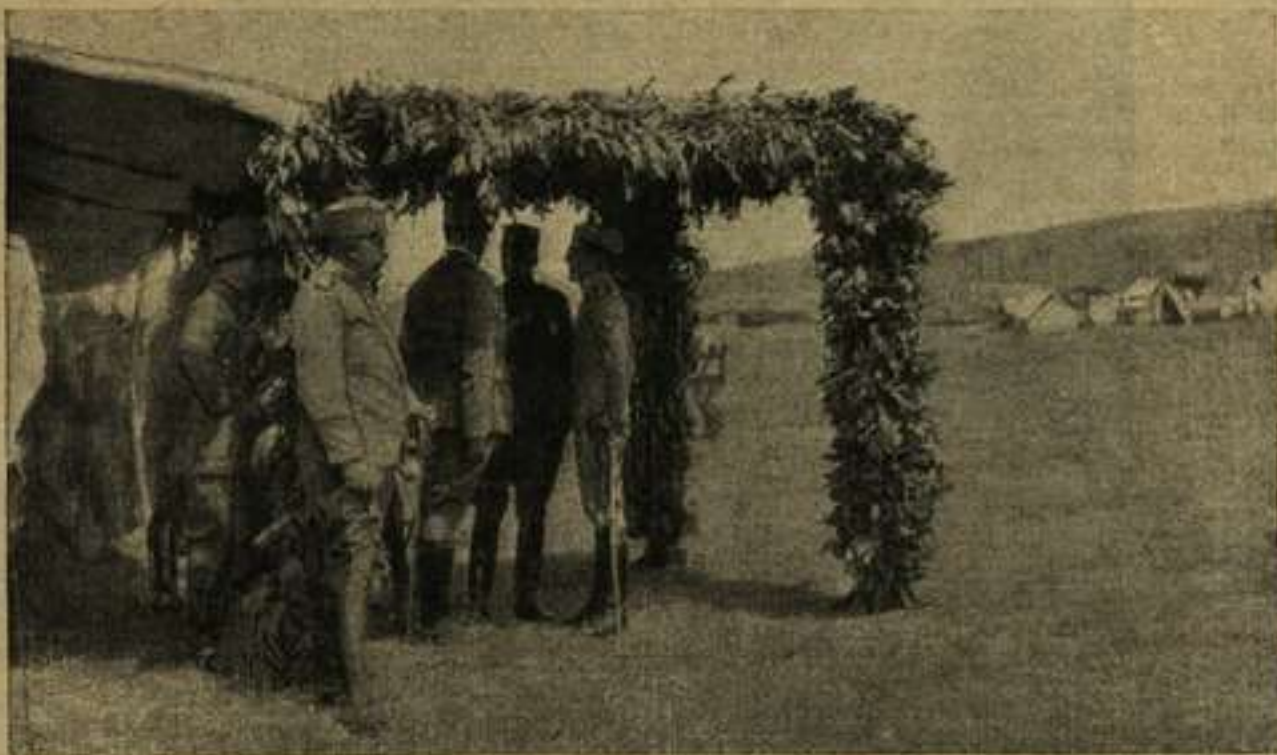

Галиційскіе крестьяне въ г. Станиславѣ за покупками

Памятникъ Мицковичу въ Станиславѣ.

У СЕРБОВЪ.

Командующій французскими войсками въ Салоникахъ въ Ставкѣ королевича Александра. Наслѣдникъ сербскаго престола, командующій сербской арміей, стоитъ у средней колонны цвѣточной арки.

Летчикъ-наблюдатель соти Борисъ Алексѣевичъ Кундюковъ. Дважды во время воздушной развѣдки 26 июля с. г. губительнымъ пулеметнымъ огнемъ заставилъ германскіе альбатросы уходить со сниженіемъ. Погибъ смертью героя отъ непріятельскаго снаряда. Представленъ за развѣдки къ орденамъ св. Владиміра 4 ст. и св. Георгія 4 ст.

жилъ большія способности, восьми лѣтъ ряды полка. Александръ Михайловичъ уже выдержалъ экзаменъ въ первый классъ добился опредѣленія въ лейбъ-драгун-гимназіи. Окончилъ съ золотой медалью пены, гдѣ отбывалъ ранѣе воинскую торговую гимназію, затѣмъ универсиповинность. Вскорѣ ему довелось вы- 1914 года онъ отправился на развѣдку съ пятомъ противникомъ, «подвергаясь еже-десятью всадниками въ тылъ непріятеля. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ, въ районѣ, за-

и захваченнымъ, перенося неминуемыя лишения, онъ, поручикъ Ставскій, тѣмъ не менѣе производилъ развѣдку, пока наконецъ неоднократная попытка пробиться черезъ районъ, занятый непріятелемъ, не увѣчалась успѣхомъ, и поручикъ Ставскій не присоединился къ своимъ войскамъ». Такъ свидѣтельствуется о подвигѣ Ставскаго Георгіевская Дума.

За этотъ выдающійся кавалерійскій рейдъ Александръ Ставскій награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ 4 степени.

Незадолго до кончины онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами командированъ былъ на время въ нѣхоту. И здѣсь велъ себя геройски. Вотъ что именно о немъ телеграфировали въ «Новое Время» изъ дѣйствующей арміи (№ 14577).

«Храбрость и стойкость нашихъ офицеровъ и солдатъ чрезвычайна. Такъ, напримеръ, ротный командиръ поручикъ Ставскій подъ свинцовымъ огнемъ пулеметовъ и ружей непоколебимо велъ свою роту въ атаку на окопъ, занятый Германцами, и шавшии своимъ фланговымъ огнемъ продвиженію впередъ сосѣднихъ ротъ полка. Будучи уже дважды раненъ, поручикъ Ставскій не оставилъ своей роты, подвелъ ее къ окопу, бросилъ въ штыки и, сраженный третьей пулей наповалъ, палъ смертью храбрыхъ».

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА СРЕДИ СВОИХЪ СОЛДАТЪ.

Бельгійская королева, — сама хорошая скриачка, — слушаетъ игру солдата на скрипкѣ въ траншеѣ на берегу Изера.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Герцогъ Аостскій, двоюродный братъ короля Витора-Эммануэля. Онъ командуетъ арміей, взявшей Горицу.

24 сентября «Саша» писалъ своимъ разрабатывая вмѣстѣ съ нимъ всякія детали. дорогимъ папѣ и мамѣ:

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

«... Занимаю воронку и сижу въ «Весело проводимъ время... Черезъ голоустроенномъ посреди ея блиндажѣ. Посеву сейчасъ пролетѣли къ намъ мины, со-лились мы въ ней сразу послѣ атаки. Сое-вѣтѣмъ какъ вороны»...

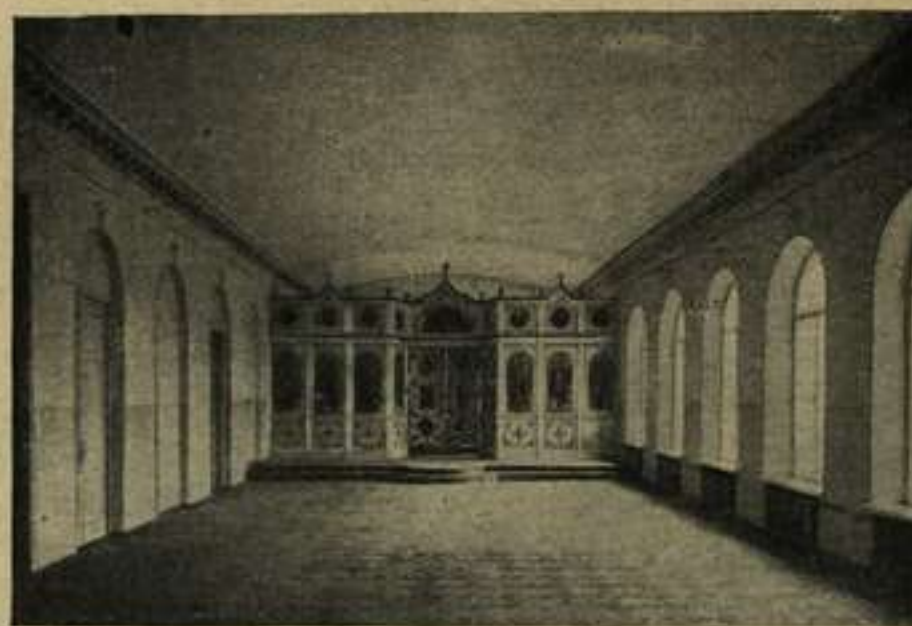
НА СОММѢ У ФРАНЦУЗОВЪ.

Президентъ республики награждаетъ орденами генераловъ, командовавшихъ на Соммѣ. На переднемъ планѣ — генералиссимумъ Ноффрѣ, передъ нимъ — военный министръ ген. Рокъ.

Дѣтскій домъ трудолюбія, построенный Невскимъ обществомъ пособія бѣднымъ для сиротъ павшихъ воиновъ за Невской заставой въ дер. Муранки на землѣ, пожертвованной гр. М. Д. Апраксиной, на средства, исходатайствованныя председательницей Общества З. Н. Булгаковой у гр. М. Д. Апраксиной, въ Романовскомъ комитетѣ, Попечительствѣ о трудовой помощи, въ Особой комиссіи Верховнаго Совета и собранныя ею частными пожертвованіями, устройствомъ спектаклей, кружечными сборами и другими благотворительными путями.

Храмъ въ Дѣтскомъ домѣ трудолюбія Невск. общ. пособія бѣднымъ, оборудованный заботами чл. правленія Г. Е. Лапина на средства, собранныя имъ, членами Общества Невскаго района и председател. З. Н. Булгаковой.

Три брата геройски дрались, геройски пали на полѣ брани, добились того, чего такъ страстно желали—послужить отчизнѣ и оставить по себѣ славную боевую память. Аминь!

В. С. Кривенко.

Писатель Л. И. Осташевъ. † 21 сентября. См. № 14565 «Нов. Вр.».

Мелочи.

Война и англо-германская генеалогія.

По англійскимъ источникамъ, генеалогическое древо Великобританіи только-что подверглось, въ связи съ войною, нѣкоторой безкровной «урѣзкѣ». Именно, признано нужнымъ исключить изъ родовыхъ списковъ англійской знати герцога Альбани, принца Куберлендскаго и принца Шлезвигъ-Голштинскаго, какъ измѣнившихъ британской коронѣ своими отношеніями къ враждебнымъ ей странамъ.

Все дѣло тутъ въ томъ, что царствующій въ Англии Ганноверскій домъ, подобно большинству европейскихъ династій, связанъ различными, часто сложными, генеалогическими сдѣвленіями съ многими германскими владѣтельными семействами. Такъ, напримѣръ, лицо, носящее въ Англии титулъ герцога Альбани, въ предѣлахъ Германской имперіи является герцогомъ Лео-

польдомъ Кобургъ-Готтормаркскій германскій принца Викторіен Георга, и немъ-концовей: по га Альфрруга ведровны) ра Коинаполучивъ герцога окончилъ его, нынѣ занять, пбургъ-Готвъ даннра Вильгбертъ чи прусскаго цѣлаго рскихъ ча

Принце принца а Эриетъ-А кавалорін женатый принцевъ Брауншвейгской го въ ка левскаго ганноверс британск союзомъ

Рвется вигъ-Зонми, связ когда ста принцеса за принца вигъ-Голшторого, п нать и принца Альбертъ рѣ, служ гвардіи, для англій

Какъ, м ственный ли причт войны от юста э принца И ная доял кнхъ-инб родственной мядшей болда, г ворилос-

Животн войны. М лошадахт уменьшил шадный вопросв

Собаки въ качес разыскив и подѣ выхъ дн Герман вонныхъ ца Гаген были реп Азію; сл гдѣ эти жать для всего ме способн англійск няхъ бы пытныхъ словъ ностяхъ Францу ли изъ которой ныхъ бат

На авс ходимо еіе буйво ся въ уи ждений п

При ш цы выгн кихъ буй взорванн обезумѣв стрійцевъ ли въ н женія А по ихъ с скія тра Кромѣ

польдомъ - Альбертомъ Саксенъ - Кобургъ-Готскимъ. Домъ этотъ, стараго германскаго происхожденія, породнился съ британскимъ трономъ черезъ бракъ принца Альберта съ покойною королевою Викторіею. Дядя нынѣшняго короля Георга, именовавшійся въ Англіи «принцемъ-консортомъ», имѣлъ четырехъ сыновей: покойнаго короля Эдуарда, герцога Альфреда-Эрнста Единбургскаго (супруга великой княгини Маріи Александровны), здравствующаго герцога Артура Кобургскаго и принца Леопольда, получившаго 24 мая 1881 года титулъ герцога Альбани. Принцъ Леопольдъ окончилъ дни свои въ Англіи, но сынъ его, нынѣ утратившій англійскія права, занялъ, послѣ смерти дяди, Саксенъ-Кобургъ-Готскій престолъ, т. е. является въ данный моментъ вассаломъ императора Вильгельма. Принцъ Леопольдъ-Альбертъ числится въ спискахъ порваго прусскаго пѣхотно-гвардейскаго полка и нѣлаго ряда другихъ германскихъ воинскихъ частей.

Принцевъ Кумберлендскихъ двое: принцъ Георгъ-Вильгельмъ, капитанъ 42 полка австрійской пѣхоты, и принцъ Эрнстъ-Августъ, лейтенантъ баварской кавалеріи, зять императора Вильгельма, женатый на его единственной дочери, принцессѣ Викторіи-Луизѣ. Отецъ обоихъ принцевъ, герцогъ Эрнстъ-Августъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, имѣетъ англійскій титулъ герцога Кумберлендскаго въ качествѣ члена англійскаго королевскаго дома, ведущаго свое начало отъ ганноверскихъ Велъфовъ и получившаго британскую корону путемъ брачнаго союза со Стюартами.

Рвется связь съ Англіею и у Шлезвигъ-Зондербургъ-Августенбургской семьи, связь, получившаяся въ 1866 году, когда старшая дочь королевы Викторіи, принцесса Елена-Викторія, вышла замужъ за принца Фридриха-Христиана Шлезвигъ-Голштинскаго, на племянницѣ котораго, принцессѣ Августѣ-Викторіи, женатъ императоръ Вильгельмъ. Сынъ принца Фридриха-Христиана, принцъ Альбертъ-Георгъ, родившійся въ Виндзорѣ, служитъ теперь майоромъ прусскаго гвардіи, почему и признанъ неудобнымъ для англійской генеалогіи.

Какъ, конечно, помнятъ читатели, родственныя связи съ Германіею послужили причиною того, что еще въ началѣ войны отказался отъ высокаго военнаго поста адмиралъ англійскаго флота принцъ Генрихъ Баттенбергъ, хотя личная лояльность принца стояла выше какихъ-либо сомнѣній. Принцъ Генрихъ родственникъ короля Георга по своей покойной супругѣ, принцессѣ Беатрисѣ, младшей дочери того самаго принца Леопольда, герцога Альбани, о которомъ говорилось выше.

Животныя и война.

Животныя также ощущаютъ тяготы войны. Мы не говоримъ уже, конечно, о лошадахъ, число которыхъ замѣтно уменьшилось,—не даромъ вопросъ «лошадный» становится повсюду болѣе важнымъ вопросомъ.

Собаки играютъ важную роль въ качествѣ развѣдчиковъ, санитаровъ, разыскивающихъ раненыхъ въ оврагахъ и подъ кустами послѣ кровавыхъ боевъ дной.

Германцы утилизируютъ многихъ животныхъ всемірно известнаго звѣрица Гагенбекъ въ Гамбургѣ. Дромадеры были реквизированы и отправлены въ Азію; слоны—на французскій фронтъ, гдѣ эти колоссы животнаго міра служатъ для перевозки съ мѣста на мѣсто всего матеріала ультра-тяжелыхъ приспособленій германскихъ батарей. Въ англійскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ было помѣщено нѣсколько любопытныхъ фотографій, изображающихъ слоновъ за подобной работой въ окрестностяхъ Валансьена.

Французы съ своей стороны вывели изъ Аляски 450 упряжныхъ собакъ, которыя служатъ для передвиженія горныхъ батарей и въ качествѣ санитаровъ.

На австро-итальянскомъ фронтѣ необходимо отмѣтить любопытное примѣненіе буйволовъ, роль которыхъ заключается въ уничтоженіи проволочныхъ загражденій неприятеля.

При штурмѣ Монто-Коррада итальянцы выгнали впередъ полсотни полудикихъ буйволовъ и, испугавъ ихъ трескомъ взорванныхъ позади бомбъ, пустили это обезумѣвшее стадо на загражденія Австрійцевъ. Взбѣшенные буйволы разнесли въ нѣсколько мгновеній всѣ сооруженія Австрійцевъ, а итальянцы, идя по ихъ слѣдамъ, шутя захватили вражескія траншеи.

Кромѣ этихъ «работниковъ» войны есть

ПРЕЖДЕ: Смотри, мама,—солдатъ!

ТЕПЕРЬ: Смотри, мама,—штатскій!

Frank Reynolds Punch.

еще и «жертвы» войны. Къ числу такихъ принадлежатъ всѣ безполезныя животныя Германіи. По приказанію свыше были умерщвлены не только всѣ пансіонеры разныхъ звѣрищевъ, но и домашнія животныя: кошки, собаки, попугаи, канарейки и т. д., во всѣхъ домахъ подданныхъ кайзера.

Для примѣра, Вильгельмъ II приказалъ свернуть шею всѣмъ бѣлымъ лебедямъ дворцоваго озера въ Поттсдамѣ. «Линіе рта,—обуза для родины!»—заявилъ онъ безапелляционно, и молоденькія фрейлины императрицы до сихъ поръ оплакиваютъ прекрасныхъ «лебедей Лоэнгривна»...

Есть и животныя «бѣженцы». Грохотъ военной непогоды выгналъ многихъ представителей животнаго міра изъ населенныхъ мѣстъ, заставивъ ихъ искать новыхъ убѣжищъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1915 года въ Парижѣ появилось много животныхъ направившихся обыкновенно стороною на Эльзасъ-Лотарингію.

Найдя на старыхъ мѣстахъ разгромъ и разрушеніе, аисты разлетѣлись во всѣ стороны, многие изъ нихъ забрели въ «городъ-свѣточъ», не пользовавшійся до сихъ поръ ихъ расположеніемъ.

22 іюня того же года всѣ парижскія газеты помѣстили въ рубрику «Промешествія» забавный фактъ.

Рой пчелъ-бѣенокъ оселъ въ куполѣ электрической лампы, расположенной у входа въ метрополитенъ на углу улицъ Ла-Файеттъ и Провансъ. Цѣлая толпа любопытныхъ дефилировала вдоль лампы, но взиралъ на отчаянные призывы дежурнаго «серго» (полицейскаго):

— Cirez, mesdames messieurs!

Это событіе грозило стать скажкой дня, тѣмъ болѣе, что слабонервные дамы отчаянно вскрикивали, боясь укусовъ пчелъ и не рѣшавшись пользоваться услугами метро съ этой станицы.

Префектура полиціи нашла, что «улья въ центрѣ Парижа вещь недопустимая, и потому была съпѣшно вытребована пчеловодъ изъ окрестностей столицы.

Одѣвъ маску, онъ похитилъ царюматку рои и удалился, заявивъ, что теперь пчелы разлетятся. Ничуть не бывало! Наоборотъ, население «столичнаго улья» прибывало съ каждымъ днемъ. Пришлось въ концѣ концовъ ихъ подкурить и утопить въ ведрѣ воды.

Въ привилегированномъ положеніи находится животныя—«маскотты» полковъ. Какіхъ только животныхъ нѣтъ среди этихъ любимцевъ траншей! Собаки, кошки, кролики, крысы, попугаи, обезьяны, даже конгору въ австрійскихъ частяхъ.

На порогъ земли обтѣванной.

Цѣлый рядъ открытыхъ заговоровъ германскихъ шпионовъ и недавній грандіозный взрывъ въ окрестностяхъ Нью-Йорка—несомнѣнно дѣло рукъ этихъ шпионовъ—заставили взволноваться общественное мнѣніе Америки и энергичное выступленіе противъ иммиграціи смѣнилось быстро пассивностью янки въ этомъ вопросѣ.

Органы печати возстаютъ противъ существующихъ законоположеній объ иммиграціи, находя ихъ недостаточно строгими, неспособными охранить интересы государства.

Отъ взрыва сильно пострадалъ островъ Эллисъ-Айландъ, на которомъ былъ расположенъ до сихъ поръ карантинъ для всѣхъ «undesirables»,—нежелательныхъ элементовъ, прибывающихъ въ Америку съ многочисленными трансатлантиками изъ Стараго Свѣта.

Быстрый обзоръ статистики эмиграціи указываетъ намъ, что съ 1820 по 1842 годы ежегодный наплывъ эмигрантовъ подымается съ 10.000 до 100.000. Въ послѣдующія 12 лѣтъ цифра эта перешла за полмиліона.

Въ 1904 году число эмигрантовъ возрасло до миліона, а въ 1906 до 1.200.000. Были рекордные дни, когда трансатлантики выгружали на территоріи Соединенныхъ Штатовъ отъ 60.000 до 70.000 эмигрантовъ въ одинъ день.

Правда, громадный процентъ этого пришлаго элемента возвращался въ послѣдствіи обратно на родину. Но это возвращеніе являлось уже разорительнымъ для страны—увозились миліоны, скопленные въ Новомъ Свѣтѣ. Статистика подсчитала, что этимъ путемъ республика теряетъ ежегодно свыше 1½ миліарда франковъ.

Въ 1907 году, когда разразился экономическій и финансовый крахъ, грозившій поглотить все благосостояніе Штатовъ, поднялась настоящая паника. Съвыше 600.000 человекъ покинуло Штаты, увозя съ собою колоссальную сумму въ 1.825.786.987 франковъ!

Въ эти смутные дни мѣста на трансатлантикахъ брались съ бою, огромное количество этихъ плавучихъ городовъ оказалось недостаточнымъ для всѣхъ желающихъ покинуть Америку.

Итакъ, Америка жалуется на нашествіе иноплемennыхъ, грозящее вскорѣ совершенно поглотить основное населеніе коренныхъ янки.

Между тѣмъ и теперь правила для эмигрантовъ достаточно строгі и тѣ, кто посидѣли въ карантинѣ Эллисъ-Айланда, на порогѣ «земли обтѣванной», могутъ кое-что рассказать объ этомъ.

Начать съ того, что пароходныя компаніи на мѣстѣ отправки являются уже строгими судьями съ тѣхъ поръ, какъ Штаты возложили на нихъ безплатную обратную доставку всѣхъ «undesirables».

Больные, сумасшедшіе, старики и нищія—безжалостно изгоняются изъ баркавъ компаній—имъ не суждено перешить океанъ.

Когда трансатлантикъ со своимъ человѣческимъ грузомъ подходитъ къ Нью-Йорку, при входѣ въ гавань—у Саундъ-Гукъ—происходитъ осмотръ всѣхъ прибывшихъ, вѣрнѣе, допросъ ихъ.

Отъ этого допроса не освобождены и пассажиры перваго класса, но здѣсь онъ носитъ чисто формальный характеръ: въ рѣдкихъ случаяхъ среди нихъ находится «undesirable», присоединяем.ий, не взирая на всѣ свои неудобствы и протесты, къ человѣческому стаду эмигрантовъ для доставки въ карантинъ.

Послѣ этого допроса трансатлантикъ направляется къ Эллисъ-Айланду, гдѣ всѣхъ эмигрантовъ высаживаютъ въ зданіи карантина.

Здѣсь наступаетъ длинная процедура тщательнѣйшаго медицинскаго осмотра и допроса. Счастливецъ, удовлетворившій всѣмъ требованіямъ закона, выпускается въ «залъ ожиданія», гдѣ мѣняющіяся конторы размѣниваютъ ихъ деньги на американскіе банковые билеты по курсу дня.

Отсюда ихъ ведутъ въ железнодорожное бюро, гдѣ при помощи агентовъ они берутъ билеты въглубь страны. Только послѣ этого ихъ выпускаютъ свободными гражданами на Бруклинскую набережную.

Всѣ же, признаваемые «undesirables», припуждены улизло ждуть обратнаго парохода, не взглянувъ даже на землю Новаго Свѣта.

Зданіе Эллисъ-Айланда, этого «порта земли обтѣванной» разрушено теперь недавнимъ взрывомъ, и американскому правительству пришлось подыскать другое помѣщеніе для карантина сотенъ тысячъ эмигрантовъ, не прекращающагося наплыва современныхъ Язюновъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

1917 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

12-й годъ издания.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ художественный, въ краскахъ, журналъ новейшей литературы, изящныхъ искусствъ и современной жизни **СЪ ГРОМАДНОЙ ГАЛЛЕРЕЕЙ НОВЫХЪ РОСКОШНЫХЪ ВИЛЕЙНЫХЪ КАРТИНЪ**

ПРОБУЖДЕНИЕ

Участвуютъ популярнѣйшіе русскіе писатели. Лучшая бумага, альбомная и желованная бумажка. Печать дорогими иллюстрационными красками. Художественныя работы Р. Голицына и А. Вильборга, поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества, удостоенныхъ высшихъ мировыхъ наградъ.

ДЕВИЗЪ ЖУРНАЛА: „ДАТЬ ВСЕ ТОЛЬКО ПРЕКРАСНОЕ“.

Преобразованный съ 1917 года въ высокохудожественное издание, выпускъ журнала по издательству замѣнитъ цѣны художественные альбомы и могутъ быть настольнымъ украшеніемъ изысканной гостиной. Журналъ будетъ иллюстрированъ изъ художественно-декоративными орнаментами, конгрессивнымъ тисненіемъ, печатью золотомъ, многокрасочными рамками-виньетками въ отхотвореніи и нотахъ и многими чарующими гармоніей красокъ способами иллюстрационной печати. Подписавшіеся на 1917 г. получатъ 12 выпусковъ художественно-литературнаго журнала въ исполненныхъ, въ 1-й разъ, множествомъ красокъ рельефныхъ обложкахъ-папкахъ, въ увеличенномъ (въ сравненіи съ прежними годами), довольно объемъ по количеству листовъ текста и приложеній картинъ знамен. художниковъ.

50 КОЗЫХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ ВЪ ЕВРОПѢ КАРТИНЪ:

Картины въ краскахъ. Художественн. пано. Гравиюры. Автопортреты. Барельефы-портреты.	Картина на паспарту и на атласъ. Картины-мечетинто. Олеографія.	Горельефы подъ экранъ Японск. золот. этюды. Иллюстраціи «Ирисъ» Портреты на холстѣ.
--	---	---

Годовымъ подписчикамъ будетъ выдана грандиозная премія: **ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ, НЕПОДРАЖАЕМАЯ ПО КРАСОТѢ СЪЗНАЯ КАРТИНА-ИХТЮГОЛЬ СЛАВА ВЪ ВЫШНИХЪ БОГУ!..** (Миръ и земля)

Извѣст. русск. худож. А. Эберлинга. Большая картина 61x92 см. Стоимость картины въ отдѣльной продажѣ 45 рублей.

АБОНЕМЕНТЫ: на годъ 12 руб. на полгода 8 руб. На меньшіе сроки подписка не принимается. Редакція журнала „Пробужденіе“: Петроградъ, Суворовскій пр. 41, соб. д. 2-д.-изд. Н. В. Корещій

Подписная цѣна 12 руб.

В. КОШКО.

„БУРЖУАЗНЫЯ ДУШОНКИ“

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и жел. станціяхъ.

ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ изнурительныхъ болячекъ, рекомендуется усиленно, какъ высоко питательное и укрѣпляющее средство **„Лециталь“ КЕДИНО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.**

Всѣдѣйствіе содержанія въ „Лециталь“ снѣдливо-питательнаго и укрѣпляющаго химическаго тѣла лецитина, гемоглобина (состава красныхъ кровяныхъ шариковъ) и мальтозы (экстрактнаго вещества соеда). „Лециталь“ вполне заслуживаетъ мѣсто между питательными и укрѣпляющими средствами при малокровіи и нервномъ истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:

Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте „Лециталь“ **МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА**. Каждая Коробка снабжена фабричной маркой, рисунокъ которой выдѣленъ фабричной маркой на коробкѣ, это есть вредная выдумка негоднаго поддѣлчика.

Продажа „Лецитали“ во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз. Бросьте въ высь, безвѣстно. Цѣна 1 кор. „Лецитали“—5 руб. 50 коп. двойная кор.—10 руб.

Главный складъ Дедо: Медико-Фармацевтическаго Товарищества: Петроградъ, У. Невскаго—Садовахъ 15, отд. —014

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ПРАКТИЧНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батарды и пр. 201 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вын. образц. на которск. скороп. Цѣна за полнѣйш. курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруднител. пишущ., и словъ съ буквою В. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. удобн. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубля.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 страницъ. Цѣна 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступать на службу въ казенн. и частн. упр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налогъ. плат. на 25 к. дорожна.

Адр.: Книгоизд. „ПРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Румяная. 7—11.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**

Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованія». Б. Румяная, 7—11.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ

А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
Тел. 168-95.

Бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, александриты, жемчуга и пр. и пр.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ „УРАЛЬСКИХЪ КАМНЕЙ“

Пріемъ на комиссію и покупка драгоцѣнныхъ камней и домбардскихъ кварцевъ. Продажа случайныхъ вещей.

Пріемъ заказовъ на всевозможныя ювелирныя издѣлія. Художественная работа. Цѣны вѣтъ коннуренціи.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА—
«НОВОЕ ВРЕМЯ»

НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX столѣтія

Томъ первый. 1800—1850 гг. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи. Изданіе 2-е. Исправленное и дополненное. Стр. XII+617. Цѣна 3 рубля.

Томъ второй. 1850—1900—1915. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи алфавитнаго указателя къ обимъ томамъ и очерка развитія формъ и направленій новѣйшей русской литературы (1890—1900—1915). Стр. VIII+692. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ

Небывало долго горящіе **ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ** аккумуляторные и батарейные **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ** ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

КАМЕИ,

серьги, малях. и оникс. Случайно: **ВОЛАНЪ БРЮС. ПРУЖ.** Ювел. вещи.

УРАЛЬСКАЯ ЯШМА.

Пушкинская, 11.

ВИНОКЛИ ЦЕИСЪ

и другіе офицерскіе военные новаго лучшаго образца 6, 8, 10 и 12X см.

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,

этотъ юный видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона. Втирите его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВАЯ КНИГА:

В. П. ОПОЧИНИНЪ

ВѢКЪ НЫНѢШНІЙ

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==

Пшите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО.
МОСКВА, Фурасовскій пер., домъ—109АМ.

ВОЛОСОСЫ